

ОТДѢЛЪ I.

Христіанскія мозаики Кипра.

Il popolo universalmente è molto divoto e massime alla gloriosa Vergine, che con grandissima devotione riveriscono l'immagine sua.

Fra. Steffano Lusignan di Cipro. 1573.

I.

Сказаніе о кипрской мозаикѣ. Иконы «Кипрской Божіей Матери» въ Россіи.

Среди многочисленныхъ литературныхъ извѣстій о христіанскихъ мозаикахъ Востока, изъ былого множества которыхъ сохранились лишь весьма немногія, и при этомъ по большей части позднѣйшихъ временъ ¹⁾, давно уже отмѣчено было краткое упоминаніе объ одномъ мозаичномъ изображеніи Божіей Матери на Кипрѣ ²⁾. Мы теперь снова заводимъ о немъ рѣчь потому, что намъ представляется случай издать двѣ христіанскихъ мозаики Кипра; при этомъ мы не могли, конечно, оставить безъ вниманія и упомянутого свидѣтельства, сколь бы кратко оно ни было.

1) Собрание, но неполное, извѣстій этихъ и каталогъ сохранившихся мозаикъ см. въ статьѣ Frothingham'a въ American Journal of Archaeology, IV, 1888, стр. 128 сл.

2) Bayet, Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiennes en Orient avant la querelle des iconoclastes, Paris, 1879, стр. 77, прим.: il est aussi question dans cette lettre d'une mosaïque qui se trouvait à Chypre et qui représentait la Vierge, mais rien n'indique, même approximativement, à quelle époque elle avait été exécutée.

Извѣстіе это находится въ соборномъ посланіи трехъ восточныхъ патріарховъ и 185 епископовъ, собравшихся въ 836 году въ церкви Воскресенія въ Іерусалимѣ для защиты св. иконъ противъ иконоборческой реакціи императора Θεοφιλα. Посланіе долгое время извѣстно было лишь по позднѣйшей передѣлкѣ его, въ которой, между прочимъ, опущено и упоминаніе о кипрской мозаикѣ; но въ 1874 году Саккеліонъ издалъ по патмосской рукописи IX вѣка полную копию оригинала, имѣвшаго въ началѣ изображеніе Божіей Матери съ Христомъ на рукахъ¹⁾. Соборъ 836 года въ исторіяхъ соборовъ, напр. у Hefele, обыкновенно не упоминается. Издатель плохой передѣлки посланія этого Combefis сомнѣвался даже въ существованіи собора, и полагалъ, что посланіе издано однимъ патріархомъ съ одобренія другихъ (см. Σακκελίων, стр. 5—6); но мы не видимъ причины сомнѣваться въ существованіи собора, упоминанія о которомъ см. у Саккеліона на стр. 3—5. Правда, упоминаемый въ посланіи Христофоръ, патріархъ Александрійскій, разбитый параличемъ (Eutychius Alex. ed. Roscoe, II, стр. 411), на соборѣ, конечно, быть не могъ, но онъ, быть можетъ, прислалъ своего представителя.

Былъ соборъ или нѣтъ, все равно посланіе 836 года написано было около этого времени однимъ или нѣсколькими авторами, вѣроятно, въ Іерусалимѣ. Разбирать его съ литературной или богословской точки зрѣнія—дѣло не наше; для насъ интересенъ помѣщенный въ немъ (стр. 26—33 изд. Саккеліона) сборникъ исторій, преимущественно чудесныхъ, о различныхъ иконахъ. Изъ 15 перенумерованныхъ тамъ рассказовъ особенно интересны тѣ, которые въ другихъ литературныхъ памятникахъ, вызванныхъ иконоборствомъ, не упоминаются. Таковы, насколько мы можемъ судить, рассказы о кипрской мозаикѣ (№ 7), о мозаикѣ на стѣнѣ Виоелеемской базилики (№ 8), три рассказа объ александрійскихъ иконахъ Божіей Матери (№№ 9 и 10) и Христа (№ 11) и рассказъ объ изображеніи ап. Андрея на о. Лимнѣ (№ 15). Такъ какъ всѣ остальные собранные авторомъ посланія раз-

1) Старыя изданія указаны Саккеліономъ на стр. 4.; передѣлка посланія перепечатана у Migne, Patr. gr., т. 95, стр. 345—385. Въ новомъ изданіи исторіи византійской литературы Krumbacher'a (1896) Eghard указалъ (стр. 166) лишь на эту передѣлку. Изданіе Саккеліона носитъ заглавіе: Ἐκ τῶν ἀνεκδότων τῆς Πατριαρχῆς Βιβλιοθήκης. Ἐπιστολὴ συνοδικὴ τῶν ἁγιοτάτων πατριαρχῶν τῆς ἐφ' ἡμῶν λήξεως, Χριστοφόρου Ἀλεξανδρείας, Ἰωβ Ἀντιοχείας καὶ Βασιλείου Ἱεροσολύμων πρὸς Θεόφιλον αὐτοκράτορα Κωνσταντινουπόλεως περὶ τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκόνων, νῦν πρῶτον ἐκδιδόντος Ἰωάννου Σακκελίωνος. Ἀθήνησι. ΑΩΞΑ. in 8°, pp. 48.

сказы излагаются также въ иныхъ болѣе пространныхъ, отчасти болѣе древнихъ, отчасти позднихъ специальныхъ сказаніяхъ о нихъ, то можно думать, что этотъ краткій перечень составленъ по извѣстнымъ составителю болѣе пространнымъ рассказамъ о различныхъ прославившихся чудесами иконахъ.

Одинъ лишь рассказъ (№ 8), не содержащій въ себѣ ничего чудеснаго, хотя и не совсѣмъ вѣрно передающій историческіе факты¹⁾, и касающійся Виѳлеема, по всей вѣроятности, мѣстнаго іерусалимскаго происхожденія и составляетъ прибавку самого автора посланія къ собраннымъ имъ отовсюду сказаніямъ. Три рядомъ стоящихъ александрійскихъ сказанія составляли и ранѣе, вѣроятно, одно цѣлое. По аналогіи съ тѣми сказаніями, исчисляемыми въ посланіи, которыя извѣстны по болѣе древнимъ, чѣмъ посланіе, подробнымъ изложеніямъ, можно думать, что и о кипрской мозаикѣ составитель посланія 836 года имѣлъ рассказъ болѣе подробный, который былъ имъ сокращенъ и при этомъ довольно нескладно. Вотъ этотъ рассказъ (Саккеліонъ, стр. 29): ἐν τῇ τῶν Κυπρίων χώρᾳ, ἐν μιᾷ τῶν αὐτῆς πολυχνίων, τὰ τοιαῦτα ἐνεργούμενα ἄχρι τῆς δεῦρο. Καὶ γὰρ ἐν τῇ αὐτῇ Κύπρῳ, τῷ πρωτοίῳ μέρει, εὐκτήριος οἶκος τῆς ἁγίας Θεοτόκου ἐνίδρυται, εἰκὼν ἐκ ψηφίδων. Ταύτην εἰς τὸ γόνατον, ἔνθα ὁ Σωτὴρ ἐνκόλπιος (al. ἐν κόλποις) ἐγκάθηται, Ἄραψ τις τοξεύσας, εὐθέως ἐξῆλθε διαρρέον αἶμα, ποταμὴδὸν ἕως ποδῶν χρουνίζων. καὶ ἐστὶ μέχρι τῆς σήμερον. Ранѣе рѣчь была о чудесахъ, совершаемыхъ Лиддской иконой, поэтому въ началѣ рассказа имѣется въ виду, повидимому, иная чудотворная икона или какая-либо другая святыня въ одномъ изъ кипрскихъ городковъ, очевидно, мало извѣстномъ (иначе было бы приведено его имя), а не мозаика, находящаяся «на томъ же самомъ» островѣ. Слѣдовательно въ источникѣ рассказа рѣчь шла, вѣроятно, о двухъ различныхъ святыняхъ, одною изъ которыхъ было мозаичное изображеніе Божіей Матери, держащей на колѣняхъ Младенца Христа, который, судя по выраженію ἐνκόλιος, сидѣлъ на лонѣ Божіей Матери прямо противъ

1) О разногласіи въ опредѣленіи числа пострадавшихъ отъ персидскаго нашествія 614 г. этого рассказа съ хроникой Теофана (стр. 301 ed. de Boor.) см. Саккеліона стр. 30, прим. 1. Относитъ мозаику, о которой идетъ рѣчь, ко временамъ св. Елены, затруднялся и Bayet (Recherches, стр. 77); намъ это кажется совершенно невозможнымъ въ виду опредѣленнаго свидѣтельства Евтихія Александрійскаго о полной реставраціи базилики въ Виѳлеемѣ при Юстиніанѣ (Contextio gemmarum sive annales. ed. Roscoe, Oxoniae, 1659, II, стр. 160 сл.); ср. M. de Vogué, Les églises de la Terre Sainte, стр. 59—62.

груди Ея, а не бокомъ, на рукѣ или колѣнѣ, какъ привыкли мы видѣть Его на обычныхъ изображеніяхъ Мадоннъ. Изъ неточнаго опредѣленія мѣстонахожденія церкви: *ἐν τῷ προσυνοτίῳ μέρει* мы заключаемъ, что она находилась внѣ города: или при какой-либо деревнѣ, или же просто на полѣ, иначе, вѣроятно, было бы названо имя города или, по крайней мѣрѣ, указано на это, какъ это мы видимъ въ началѣ разсказа о другой святынѣ. Что касается чуда, то авторъ посланія могъ бы собрать подобныхъ разсказовъ гораздо больше, если бы онъ пользовался бѣльшей литературой, чѣмъ 10—12 сокращенныхъ имъ сказаній; онъ могъ бы привести, напр., подобный же разсказъ объ изображеніи св. Θεодора на стѣнѣ церкви близъ Дамаска, въ которой поселились, — какъ то и теперь можно часто видѣть въ тѣхъ мѣстахъ, — сарацины, разсказъ, приводимый Іоанномъ Дамаскинымъ (въ прил. къ III-ему слову о св. иконахъ, Migne, Patr. gr., 94, стр. 1394). О томъ же самомъ Кипрѣ, кромѣ общаго свидѣтельства Леонтія, епископа Неаполя Кипрскаго¹⁾, VII вѣка, онъ могъ бы привести два разсказа Константина, епископа Константиіи Кипрской, на VII-мъ вселенскомъ соборѣ (Labbe VII, стр. 269), объ изображеніяхъ Божіей Матери въ Константиіи и ал. Петра въ Китіи. Исторію весьма близкую къ № 15 нашелъ бы онъ въ третьемъ разсказѣ Константина о мозаичномъ изображеніи Христа въ сирійскомъ городѣ Габалахъ. Очевидно, составитель посланія вовсе не задавался цѣлью собрать свидѣтельства въ возможной полнотѣ, а удовольствовался лишь нѣсколькими попавшимися ему подъ руку сказаніями. Насколько механически онъ пользовался ими, видно изъ того, что онъ о Лидской иконѣ Божіей Матери, находившейся всего на разстояніи дневнаго пути отъ Іерусалима, внесъ въ сборникъ свой два разнорѣчивыхъ разсказа, не догадавшись, что рѣчь идетъ объ одной и той же иконѣ.

Однако несмотря на то, что сборники свидѣтельствъ Іоанна Дамаскина гораздо полнѣе, и посланіе 836 года служило позднѣе источникомъ для писавшихъ или проповѣдовавшихъ о почитаніи иконъ.

Къ упомянутымъ Саккеліономъ (стр. 4—5) ссылкамъ на посланіе это въ какомъ-то пергаменномъ сборникѣ свидѣтельствъ о св. иконахъ, находившемся, повидимому, въ патріаршей библіотекѣ въ Іерусалимѣ, и въ сказаніи объ Убрусѣ въ Эдессѣ, которое приписывалось Константину Багрянородному (см. о немъ Tixeront, Les origines de l'église

1) См. о немъ Krumbacher 2-е изд., стр. 190 сл.

d'Edesse et la légende d'Abgar, Paris, 1888, стр. 26), можно прибавить еще нижеслѣдующія указанія на пользованіе посланіемъ 836 года. Въ одной рукописи XIV вѣка Національной библіотеки въ Парижѣ (Fonds grecs. 635 fol. 70. Catalogus codicum hagiographicorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis edd. Hagiographi Bollandiani et Henricus Omont, Bruxelles et Paris, 1896) о посланіи 836 года упоминается въ заглавіи разсказа о какой-то иконѣ Христа¹⁾. Въ другой рукописи, XII вѣка, той же библіотеки (Cod. Coisl. 296 fol. 191 v=Fonds grecs. 1250, № 15 того же каталога), судя по заглавію статьи, можно, кажется, предполагать пересказъ всѣхъ исторій посланія, въ томъ числѣ и кипрскаго сказанія²⁾. Затѣмъ постоянно ссылаются на посланіе 836 года сказанія о Лидской (или Римской) иконѣ Божіей Матери, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Далѣе ссылки на посланіе 836 года оказываются въ трехъ статьяхъ неизвѣстныхъ, къ сожалѣнію, намъ авторовъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVI-го вѣка, въ Ватиканской библіотекѣ.

Въ этомъ сборникѣ (Cod. Vatic. Gr. 1147 chart.) на него указываютъ два различныхъ автора двухъ весьма сходныхъ по содержанію сказаній о Лидской и (копіи съ нея) Римской иконахъ Божіей Матери³⁾ и авторъ, — повидимому, тотъ же самый, который написалъ второе сказаніе, — слѣдующей за ними проповѣди о четырехъ чудотворныхъ иконахъ: о кипрской мозаикѣ (№ 8 посланія) и трехъ иконахъ въ Александріи (№№ 10, 11 и 12); стоявшее же въ посланіи между ними повѣствованіе (№ 9) о вилеємской мозаикѣ и о персахъ онъ выпустилъ, вѣроятно, потому, что оно не заключало въ себѣ ничего чудеснаго.

Такъ какъ главное мѣсто въ словѣ этомъ (fol. 129—132) занимаетъ пересказъ кипрскаго сказанія, то мы полагаемъ нелишнимъ привести здѣсь цѣликомъ первую часть проповѣди.

1) Какая это икона, изъ заглавія не видно: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρός ἡμῶν Γερμανοῦ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, συγγραφῆς ὑπὸ τῶν τριῶν πατριαρχῶν Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας καὶ Ἱεροσολύμων περὶ τῆς εἰκόνης τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.

2) Διήγησις μερικῇ ἀθροισθεῖσα ἐκ διαφόρων ἱστοριῶν τὸ δὲ πλεόν ἐκ τῆς (πρὸς) Θεόφιλον τὸν βασιλέα ἀποσταλείσης πολυστοίχου ἐπιστολῆς περὶ τοῦ δεῖν τιμᾶν τε καὶ προσκυνεῖν τὰς τῶν ἁγίων σептὰς καὶ ἱερὰς εἰκόνας.

3) fol. 89 et 89 v. въ 4-ой статьѣ сборника носящей заглавіе: ὑπόμνημα εἰς τὴν ἐπωνυμίαν τῆς ἀχράντου καὶ προσκυνητῆς εἰκόνης τῆς παναμώμου δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀει Παρθένου Μαρίας, τῆς Ῥωμαίας (fol. 80—106 v.) и fol. 111 et 111 v. въ 5-ой статьѣ: ἕτερον ἑτέρου ὑπόμνημα εἰς τὴν αὐτὴν ἐπωνυμίαν τῆς ἀχράντου καὶ προσκυνητῆς εἰκόνης τῆς παναμώμου δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀει Παρθένου Μαρίας τῆς Ῥωμαίας (fol. 107—128 v.).

Λόγος διηγηματικὸς περὶ τοξευθείσης εἰκόνος τῆς ὑπεραγίας
Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ αἰ Παρθένου Μαρίας ἐν τῇ
Κύπρῳ καὶ περὶ ἐτέρων τινῶν ὑποθέσεων. πάτερ εὐλόγησον.

Δεσποτικῶν θαυμάτων ἀνάμνησις πρόκειται σήμερον, πνευματικοί μου
ἀδελφοί, καὶ χρὴ τοὺς εὐγνώμονας τῶν ἀκροατῶν ἀξίαν τοῦ μεγέθους τῶν
λεγομένων παρασκευάσασθαι τὴν ἀκοήν· εἰ γὰρ βασιλέως θνητοῦ θεσπίσ-
ματα καὶ νομοθετήματα προτιθέμενα πολλάκις εἰς μέσον ἀναγκαίως ἐφέλ-
κεται πάντας νουνεχῇ παρασχεῖν τὴν ἀκρόασιν πρὸς τὴν τούτων φυλακὴν
καὶ συντήρησιν, πολλῷ μᾶλλον τῶν τοῦ ἐπουρανίου βασιλέως ἐξαισίων θαυμα-
τουργημάτων προτιθεμένων εἰς θεωρίαν καὶ ἀκοήν, ἀναγκαιότερον πάντως
προθύμως πρὸς τὴν ἀκρόασιν συνδρομεῖν καὶ τῆς τούτων κατατρυφήναι
τερπνότητος. διὸ παρακαλῶ ἀνοίξατε τὰ ὦτα τῆς καρδίας ὑμῶν ἕκαστος
καὶ τὰ συνοδικῶς ὑπὸ τριῶν πατριαρχῶν φιλοπονηθέντα καὶ ἐκ παλαιῶν
ἱστοριῶν ἐμπόνως συλλεγόντα περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων τοῦ δὲ Χριστοῦ καὶ
Θεοῦ ἡμῶν καὶ τῆς Τούτου Μητρὸς οἶα καὶ ὅσα γεγόνاسι καὶ ποῦ καὶ
πότε, καὶ ἐν ἧ δύο θερμῶς ὑπακούσαντες οἴκαδε πορευσόμεθα καλῶς ἐν-
τρυφήσαντες· οὐ ταῦτα δὲ [fol. 129 v.] μόνον ἐξέθεντο οἱ μακάριοι ἐκεῖ-
νοι ἅγιοι πατέρες, ἀλλὰ καὶ πρῶην ῥηθέντα καὶ ἄλλα πολλά. Νῆσός ἐστι
μεγίστη εἰς ὑπερβολὴν, πλουσία σφόδρα, δεκατέσσαρας ἐπισκόπους ἔχουσα
καὶ τὸν τούτων ἀρχιπρόεδρον, ὄνομα δὲ αὐτῇ Κύπρος, τελοῦσα Ῥωμαίοις
καὶ Ἀγαρηνοῖς. Ἐν τῷ νοτίῳ δὲ μέρει τῆς τοιαύτης νήσου εἰς ἐν τῶν πα-
ρακειμένων ἐπισκοπειῶν οἶκος εὐκτήριος ὑπάρχει ἐκ παλαιοῦ τῆς Θεομή-
τορος καὶ Μητρὸς τοῦ Κυρίου. Ἐν αὐτῷ οὖν τῷ οἴκῳ εἰκὼν ἱδρύται τῆς
ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Μητρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν
Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ μουσειουργικῆς τέχνης, ἔντεχνος μὲν καὶ καλὴ, σύγ-
κρισιν, οἶμαι, μὴ ἔχουσα, λεπταῖς δὲ ψηφίσι τοιαύταις κατεσκευάστο ὡς
εἰπεῖν μικροῦ δεῖν ψύλλης τὸ μέγεθος, καθαρὰ δὲ καὶ εὐήλικος, ἐνκόλπιον
κατέχουσα τὸν Χριστὸν καὶ Θεὸν ἡμῶν, ὡς ἡθὸς ἐστι ποιεῖν τοῖς τεχνί-
ταις. Αὐτὴ ἡ ἁγία καὶ σεβασμία εἰκὼν οὐ διέλειπεν αἰεὶ θαύματα παρά-
δοξα καὶ ἐξαισία ἐπιτελεῖν, διὸ καὶ οἱ λαοὶ κρουνηδὸν ἐκεῖσε αἰεὶ πορευόμε-
νοι ἀπήλαυνον τῶν εὐεργεσιῶν αὐτῆς. Ταῦτα ἐξαισία καὶ παράδοξα θαύ-
ματα βλέπων ὁ διάβολος, ὁ αἰείποτε τῇ τῶν ἀνθρώπων σωτηρίᾳ φθονῶν,
ἤσπασε διὰ ὁμόφρονος αὐτῷ ἰσμαηλίτου ἀφανῆ ποιῆσαι, ἀλλ' ἥττηται ὁ
δείλαιος, ὅσον γὰρ ἐσπούδασε τὰ τοιαῦτα [fol. 130.] θαύματα οὐδὲν ἀπο-
τελῆσαι, τοσοῦτον αὐτὸν κατελεύκαινε καὶ ἐπλήθυνε. Παρώξυνε γὰρ ποτὲ
τινα τῶν Ἀγαρηνῶν τεῖναι τὸ τόξον αὐτοῦ μεθ' ὅσης δυνάμεως εἶχε καὶ

βέλος ἐναπέριψε πρὸς τὴν θαυματόβρυτον καὶ ἁγίαν ἐκείνην εἰκόνα. Καὶ τὸ ἅγιον βρέφος ἀγκαλοφορούμενον [пропущенъ глаголѣ?], ἀλλὰ τῇ μητρὶ τὸ ξίφος διεπέρασε. Καὶ γέγονε πρᾶγμα ἐξαισίον καὶ τοῖς ἀμυήτοις τῶν θείων καὶ μυστικῶν τερατουργιῶν μικροῦ δεῖν ἄπιστον, ἀλλ' ὅστις εἰς νοῦν λάβοι τὴν τοῦ ὄνου ἄνικμον σιαγόνα καὶ τὴν ἀκρότομον πέτραν, ὕδατα ζωηρὰ βλύζουσιν, οὐδὲ τούτῳ τῷ θαύματι ἀπιστήσῃ. Ἡ γὰρ νομιζομένη ἄψυχος εἰκὼν εὐθέως κρουνηδὸν αἶμα ζῶν καὶ ἀδόλωτον κατέρρασε μεχρὶ τῶν ποδῶν αὐτῆς. ὦ, Χριστέ μου, τῆς τότε σου ἀνοχῆς. πῶς [cod. πῶν) οὐκ ἔφριξεν ὁ δύστηνος ἐκεῖνος βλέπων τὰ ἐκεῖσε γινόμενα σημεῖα, ἢ πῶς οὐκ ἐνεπρήσθη ὑπὸ τοῦ θείου καὶ ζωηροῦ ἐκείνου ἁγίου αἵματος; Τοῦ δὲ αἵματος ὑπὸ τῶν πιστῶν τότε συναγομένου τίς δύναται ἐξαριθμησά τὰ ἐκεῖσε γεγονότα φοβερά καὶ παράδοξα θαύματα; τοσαῦτα γὰρ σημεῖα καὶ γεγόνاسιν καὶ ἔως νῦν γίνονται διὰ τοῦ τιμίου αἵματος ἐκείνου, ὡς λήθην λαβεῖν τοὺς πολλοὺς τῶν προγεγονότων ἐν τῇ σεβασμίᾳ καὶ ἁγίᾳ εἰκόνι ἐξαισίων θαυμάτων. μεμένηκε δὲ [fol. 130 v.] ἡ τοιαύτη βαφὴ τοῦ θείου ἐκείνου παραδοξοποιῦ αἵματος ἐπάνω τῶν ψηφίδων ἀπὸ τῆς ὁπῆς τοῦ ξίφους μέχρι τῶν ποδῶν τῆς εἰκόνης δεικνύουσα πᾶσι μέχρι τῆς σήμερον, ὥσπερ κογχύλη(ν?) αἵματος εἰς ἔριον καθαρὸν. Καὶ οὕτως ἐκείθεν πᾶν νόσημα ἀπελάνεται διὰ τῆς ἐν αὐτῷ ἐνεργείας, ὡς αὐτοῦ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν ἐκεῖσε αἰ σαρκικῶς διάγοντος. Τίς οὖν μὴ θαυμάσει καὶ φρίξει καὶ ἐπλαγείη, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰς τὰ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ θεῖα τερατουργήματα καὶ εἰς τὴν Τούτου ἀσύγκριτον καὶ ἄπειρον ἀνοχήν; Τὴν γὰρ Μητέρα σὺν τῷ Υἱῷ ὁ Ἄραψ ἐκεῖνος μανιωδῶς κατατοξάσας, ὡς εἴρηται, καὶ τοῦ αἵματος κρουνηδὸν καταρράσαντος οὐκ ἡμύνατο ἢ θεῖα δίκη, ὡς τοιαῦτα δρᾶσαι[?] κατατολμήσαντος; τὸν δὲ φιλῶς πῶς τὴν Μητέρα καταμωκίζοντα καθὼς παρακατιῶν [cod. παρακατικατιῶν) ὁ λόγος δηλώσειεν. ἡμύνατο ἄμυναν δεινὴν ὁμοῦ καὶ ὀλέθριον. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ γὰρ τῇ μεγαλόπολει etc.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе гораздо менѣе развитое, чѣмъ выше приведенное, трехъ разсказовъ посланія 836 года о чудесахъ, произшедшихъ отъ иконъ въ Александріи (разказы подъ №№ 10, 11 и 12), гдѣ наказаны были оскорбители иконъ, что и имѣетъ въ виду переходъ отъ разсказа о кипрской мозаикѣ къ александрійскимъ.

Предоставляя судить объ издаваемомъ отрывкѣ специалистамъ, мы позволимъ себѣ замѣтить здѣсь лишь слѣдующее.

Все начало рѣчи до словъ «Παρακαλῶ etc.» оказывается тождественнымъ съ началомъ изданнаго Combefis'омъ (Graecolat. Patrum Bibliothecae Novum luctarium. I, стр. 612) разсказа неизвѣстнаго

автора объ иконѣ Христа въ Халкопратіи, именуемой Ἀντιφωνητής, о которой въ Ватиканскомъ сборникѣ помѣщенъ передъ первою статьей о Лидской иконѣ подобный же рассказъ, но другого автора¹⁾.

Разница между этими двумя введеніями состоитъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ, а потому взаимная зависимость ихъ авторовъ сомнѣнію подлежать не можетъ, но рѣшить, кто у кого списалъ начало, мы не беремся; свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ нашего рассказа о Кипрѣ, ясно выдають свое книжное происхожденіе.

Указаніе на число епископій острова взято, вѣроятно, изъ какого-либо каталога епископскихъ троновъ, которые, какъ извѣстно (см. Krumbacher Gesch. d. byz. Liter. 2, стр. 415—417), представляли не всегда современное состояніе ихъ; что касается епископій Кипра, то во времена латинскаго тамъ владычества число ихъ было сведено на четыре, какъ о томъ придется упоминать ниже, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы проповѣдь написана была ранѣе этого времени, такъ какъ показаніе объ уплатѣ Кипромъ дани и ромеямъ и сарадинамъ, несомнѣнно, указываетъ на книжное происхожденіе свѣдѣній автора о Кипрѣ, находясь въ явной зависимости отъ сообщаемыхъ Теофаномъ (стр. 363 ed. de Boor) условій мира 685 года между Юстиніаномъ II и Авимелехомъ, по которымъ подати съ Кипра, Арменіи и Иверіи поступали и ромейскому царю и арабскому калифу. Это случайное положеніе острова попало, можетъ быть, въ какое-либо землеописаніе и оттуда, а можетъ быть и посредственно изъ хроникъ, заимствовано было авторомъ слова.

Далѣе, на первый взглядъ кажется новымъ рассказъ проповѣдника о чудесахъ, творимыхъ мозаикою ранѣе чуда истеченія крови, но здѣсь, повидимому, онъ отнесъ замѣтку посланія объ иной какой-то святынѣ Кипра къ мозаичному изображенію Божіей Матери, что при неясности выраженій посланія сдѣлать было очень легко.

Равнымъ образомъ развилъ онъ и послѣднюю фразу: καὶ ἔστι καὶ μέχρη τῆς σήμερον — прилагая ее къ крови, хотя она столь же хорошо

1) fol. 61—79 v. Διήγησις θαύματος τῆς ἁγίας εἰκόνης τοῦ Κυρίου καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δεσπότου καὶ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν τοῦ ὀνομασθέντος Ἀντιφωνητοῦ. За заглавіемъ помѣщено слѣдующее пятистишіе (для насъ не совсѣмъ ясное):

Μητροπολίτης τοῦ Θεοῦ λόγου λάτρις
Ἀρχὴν ἐπιθεῖς καὶ τέλος προσαρμόσω,
Ἐν δ' οὐκ φασιν ὡ τυγχάνειν μύστης ἔφη
Ἀρχὴν Σε δεῖξαι καὶ τέλος πάντων θέλων.
Ἰλαθὶ καὶ σῶσόν με τὴν κτίσιν κρίνων.

могла относиться въ полномъ, не сокращенномъ, оригиналѣ и къ самой мозаикѣ. Крови приписана чудотворная сила. Наконецъ, сообразно многимъ читаннымъ, а можетъ быть также и писаннымъ имъ самимъ исторіямъ, авторъ обвинилъ въ дерзости араба діавола. Посланіе о судьбѣ араба ничего не говорило, но проповѣднику, по аналогіи съ послѣдующими александрійскими разсказами, она представлялась не иначе какъ небеснымъ отмищеніемъ. Такимъ образомъ эта передача кипрскаго сказанія основана исключительно на посланіи 836 года и поэтому ничего болѣе точнаго о самой мозаикѣ намъ не даетъ и давать не можетъ: она является лишь недурнымъ примѣромъ ораторскаго искусства неизвѣстнаго намъ автора. Что онъ же написалъ и предыдущее повѣствованіе того же сборника о Лиддской и Римской иконахъ Божіей Матери, это намъ кажется несомнѣннымъ изъ словъ его, что три патріарха изложили не только это чудо, ἀλλὰ καὶ πρῶτην ῥηθέντα: едва ли сталъ бы онъ ссылаться такимъ образомъ на чужое произведеніе. Мы не беремъ на себя смѣлости судить о времени написанія приведенной переработки краткаго разсказа посланія 836 года, предоставляя это специалистамъ: для насъ она интересна лишь, какъ свидѣтельство о распространенности этого сказанія въ позднѣйшія времена. По какому поводу произнесена была рѣчь, въ рукописи не значится; но слѣдующая статья того же сборника, пересказывающая также упоминаемое посланіемъ 836 года чудо отъ образа Христа въ Виритѣ¹⁾, хотя и не въ столь тѣсной зависимости отъ него, какъ наша проповѣдь, показываетъ, что чудеса отъ свв. иконъ служили темой для поученій въ день воспоминанія объ окончательномъ утвержденіи иконопочитанія. Ниже мы укажемъ свидѣтельство, что какой-то неизвѣстный намъ ближайшимъ образомъ пересказъ кипрскаго чуда находился въ греческомъ синаксарѣ на недѣлю православія: на воскресеніе же православія написано и то слово о святыхъ иконахъ, къ которому мы теперь должны перейти, такъ какъ тамъ не только находится пересказъ кипрскаго сказанія, но пересказъ этотъ даетъ большія подробности о самой мозаикѣ, чѣмъ само посланіе 836 года и риторическій пересказъ его, выше изданный.

Слово это принадлежитъ извѣстному греческому писателю XVI-го

1) fol. 132 v. 141 v. Κυριακὴ τῶν νηστειῶν ἥτοι ὀρθοδοξίας. Διήγησις θαυμαστῆ περὶ γενομένου θαύματος ἐν Βηρυτῷ τῇ πόλει παρὰ τῆς ἁγίας εἰκόνης Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, καὶ περὶ νηστειῶν καὶ ἐλεημοσύνης.

вѣка Дамаскину Θεσσαλονικίῳ¹⁾ и помѣщено 25-мъ въ его «Сокровищѣ» словъ, писанныхъ на καθολικουμένη. Въ словѣ этомъ приводится подъ нумерами 15 рассказовъ о чудотворныхъ иконахъ, изъ которыхъ лишь три не упоминаются въ посланіи 836 года: Ἀντιφωνητής (№ 6), Убрусъ во время молитвы Христа въ саду Геосиманскомъ (№ 9) и пространнѣйшій рассказъ о нерукотворной копіи нерукотворнаго іерусалимскаго образа Христа; эта копія при Юстиніанѣ была подарена нѣкоей архонтиссой Маріей женскому монастырю Вознесенія въ Мелитинѣ и принесена монахинями, бѣжавшими отъ персовъ при Иракліи, въ Константинополь (№ 15). Исторіи эти рассказываются въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ въ посланіи, и не представляютъ такого сухого перечня, какъ тамъ, а введены въ общее изложеніе исторіи иконоборческой ереси. Изъ нихъ первыя семь вложены, согласно нѣкоторымъ сочиненнымъ позднѣе діалогамъ между Львомъ Исавромъ и Германомъ²⁾, въ уста этого ревнителя иконопочитанія, другія восемь приписываются ему же, а также въ діалогѣ сообщается сочиненный имъ затѣмъ «вселенскій учитель», о которомъ говорятъ столь многіе хронографы и исторіи иконоборства. Наконецъ исторія отправленія иконы Христа, — не Божіей Матери, какъ въ выше указанныхъ сказаніяхъ о Римской иконѣ, — въ Римъ введена въ самую исторію. Такъ какъ порядокъ исторій у Дамаскина почти такой же, какъ и въ посланіи³⁾, то проще всего было бы думать, что онъ заимствовалъ ихъ изъ самаго посланія, дополнивъ лишь тремя новыми извѣстными ему изъ иныхъ источниковъ рассказами. Пропускъ рассказа о вилеемской мозаикѣ можно было бы объяснить отсутствіемъ въ немъ

1) См. о немъ Σαῶ, Νεοελληνικὴ Φιλολογία, стр. 152—153. Указанія на многочисленные изданія книги его «Βιβλίον ὀνομαζόμενον Θησαυρός, ὅπερ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῖς Δαμασκηνός ὁ ὑποδιάκονος καὶ στουδίτης, ὁ Θεσσαλονικεύς» см. у E. Legrand Bibliographie hellénique, II (1885), стр. 12—15 и passim. О нахожденіи въ книгѣ этой сказанія о кипрской мозаикѣ узналъ я отъ іеромонаха въ монастырѣ Καναχάρια на Кипрѣ, который показалъ мнѣ изданіе 1885 года Φοίνιξ. Βενετία, гдѣ сказаніе это стоитъ на 330 страницѣ.

2) Въ дошедшихъ сочиненіяхъ Германа примѣровъ столь длинныхъ исчисленій чудесъ и почитанія святыхъ иконъ не находится; авторъ житія Стефана Нового въ бесѣдѣ Льва и Германа влагаетъ въ уста послѣднему лишь три примѣра (Migne, Patr. Gr. 100, стр. 1069); діалогъ Льва и Германа, изданный Combefis'омъ (Manipulus, стр. 159—182), собранія примѣровъ не содержитъ вовсе.

3) Обозначая исторіи нумерами посланія, а добавочныя исторіи Дамаскина римскими цифрами, сравнительный порядокъ расположенія исторій въ посланіи 836 г. и у Дамаскина получимъ таковой:

Посланіе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Дамаскинъ: 1. 2. 3. 6. 7. I. 12. 5. II. 9. 10. 11. 13. 15. III. 14.

чудесныхъ элементовъ. Но въ нѣкоторыхъ разсказахъ оказываются подробности, ненаходящіяся въ соборномъ посланіи, такъ напримѣръ, разсказывается объ открытіи эдесскаго Убруса передъ нашествіемъ Хозроя, чего въ разсказѣ объ Убрусѣ въ посланіи нѣтъ, въ разсказѣ о Лиддской иконѣ (въ храмѣ построенномъ Энеемъ) добавляется подробность объ одеждѣ ея: ἀποκάτω μὲν ἐφόρει γαλάζιον φόρεμα, ἀποπάνω δὲ πορφυρόν; значительныя добавленія и при этомъ реальнаго характера оказываются, какъ увидимъ ниже, въ передачѣ кипрскаго сказанія, и т. д. Но если для такихъ исторій, какъ эдесскій Убрусъ, виритскій образъ, образъ Христа въ св. Софії, которыя извѣстны во многихъ отчасти указанныхъ выше сказаніяхъ-позднѣйшихъ временъ, Дамаскинъ могъ черпать подробности изъ нихъ, то для исторій извѣстныхъ лишь по посланію 836 года источники добавленій его должны лежать или въ позднѣйшихъ украшеніяхъ краткихъ сказаній домысломъ или же въ болѣе подробныхъ оригиналахъ ихъ, которые сокращалъ авторъ посланія 836 года. О характерѣ позднѣйшихъ украшеній краткихъ исторій посланія мы можемъ судить по выше приведенной проповѣди, гдѣ, какъ мы видѣли выше, прибавки носятъ спеціальный характеръ, но ни одной черты реальнаго характера не прибавлено, напротивъ, опущено даже указаніе на то, что стрѣла попала въ колѣно Божіей Матери. Иного характера подробности, являющіяся въ разсказѣ этомъ у Дамаскина. Онъ передаетъ его слѣдующимъ образомъ: καὶ εἰς τὴν Κύπρον δὲ τὴν νῆσον πρὸς τὸ νότιον μέρος, ἦτον ποτὲ ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου. ἔξω δὲ τοῦ ναοῦ ἀπάνωθεν τῆς πόρτας, ἦτον μίαν (sic) εἰκὼν τῆς αὐτῆς Παναγίας ζωγραφισμένη μὲν ψηφίδας εἶχε δὲ σχῆμα, ὅτι ἡ μὲν Παναγία ἐκάθετον εἰς θρόνον, καὶ ἐκράτει τὸν Χριστὸν ὡς βρέφος εἰς τὰ γόνατά της. δύο δὲ ἄγγελοι ἐστέκουνταν ἀπὸ τὰ δύο της μέρη μετὰ φόβου πολλοῦ. Μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν ἀπέρασεν ἀπ' ἐκεῖ ἕνας ἀράπης πηγενάμενος εἰς τὸ σπίτη του καὶ, ὡς εἶχε τὸν διάβολον μέσα του, μόνον τὸν ἐφάνη καλὸν καὶ ἐδόξευσεν [читай ἐτόξευσεν] τὴν Παναγίαν εἰς τὸ δεξιὸν γόνατον; καὶ παρευθὺς ὡς [или ὦ] τοῦ θαύματος, διὰ τὰ δειξῆν ἡ Παναγία τὴν ἐνέργειαν τῆς εἰκόνης της, αἷμα ἐχύθη περισσὸν ἀπὸ τὴν δομὴν, καὶ ἔσταξεν εἰς τὴν γῆν. ὁ δὲ ἀράπης ὡς ἶδε τὸ θαῦμα, τρέμοντας καὶ φεύγοντας τὰ ὑπάγῃ εἰς τὸ σπίτη του, ἐξεψύχησεν εἰς τὴν στράταν¹⁾.

1) Βιβλίον ὀνομαζόμενον Θησαυρός, ὅπερ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῖς Δαμασκηνὸς ὁ ὑποδιάκονος καὶ στρουδίτης, ὁ Θεσσαλονικεύς. Ἐνετίησιν. ΑΧΕΖ (1676), стр. 378—379. Плохое изданіе это мы исправили по изданію 1601 года.

Такимъ образомъ здѣсь оказываются слѣдующія подробности реального характера, которыхъ нѣтъ ни въ посланіи, ни въ выше-приведенномъ риторическомъ пересказѣ его. Мозаика находится снаружи церкви, надъ дверью ея; на ней изображена Божія Матерь съ Христомъ на лонѣ, сидящая на тронѣ съ двумя ангелами по сторонамъ. Эти подробности чисто реального характера въ сущности не были интересны для цѣли ни писавшаго посланіе 836, которымъ онѣ поэтому и могли быть легко пропущены, ни для Дамаскина, который не описываетъ другихъ иконъ кромѣ указаннаго выше дополненія къ разсказу посланія о Лиддской иконѣ. Должно ли поэтому считать ихъ позднѣйшими прибавками или же остатками болѣе подробнаго сказанія, сокращеннаго авторомъ посланія? Вопросъ, на который отвѣтить положительно мы не рѣшаемся. Какъ и гдѣ могъ узнать Дамаскинъ эти подробности, гадать объ этомъ безцѣльно, но посланія 836 года онъ не упоминаетъ. Мы полагали бы реальныя подробности эти скорѣе относить на счетъ болѣе подробнаго сказанія, если бы упоминаніе о дьяволѣ, о смерти араба не сближало этого пересказа съ выше-изданнымъ. Во всякомъ случаѣ, независимость отъ него пересказа Дамаскина очевидна: Дамаскинъ не упоминаетъ ни о предыдущихъ, ни о послѣдующихъ чудесахъ, творимыхъ мозаикой. Такимъ образомъ, въ передачѣ кипрскаго сказанія у Дамаскина вносимыя противъ посланія 836 года подробности отчасти представляются позднѣйшими прибавками, отчасти же могутъ, кажется, восходить къ болѣе подробнымъ, чѣмъ въ посланіи, пересказамъ сказанія этого. Другой примѣръ, гдѣ Дамаскинъ передалъ вѣрнѣе сказаніе, послужившее матеріаломъ для посланія 836 года, находится въ 14-мъ разсказѣ его (=15-му посланія), гдѣ передается чудесный разсказъ объ изображеніи апостола Андрея на стѣнѣ одной церкви. Авторъ посланія помѣщаетъ ее ἐν τῇ τῶν Κυκλάδων νήσῳ λεγομένῃ Λήμνῳ ἐν τῷ νοτικῷ μέρει τῆς χώρας, почему Саккеліонъ въ примѣчаніи (на стр. 33) и исправляетъ его, указывая, что о. Лимнъ вовсе къ Кикладамъ не принадлежитъ. У Дамаскина же церковь апостола Андрея помѣщается также на Киклады, но «на южный берегъ острова Χειμονός», какъ напечатано въ изданіи 1876 года (стр. 383). Не можетъ быть сомнѣнія, что это странное слово должно быть исправлено въ Κίρωλος: такъ назывался и называется маленькій островъ въ числѣ Кикладовъ; мало того нахожденіе на южномъ именно берегу этого острова развалинъ церкви апостола Андрея (см. Ross, Reisen auf den

griechischen Inseln, III, стр. 24) не можетъ оставлять никакого сомнѣнія, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ писатель XVI вѣка какимъ-то образомъ вѣрнѣе передаетъ сказаніе, восходящее къ началу IX вѣка, чѣмъ авторъ соборнаго посланія 836 года.

Вотъ почему намъ кажется возможнымъ подобное же предположеніе и относительно передачи сказанія о кипрской мозаикѣ; мы поэтому не считаемъ реальныхъ подробностей о ней, сообщаемыхъ Дамаскинымъ, позднѣйшею выдумкой. Если же признать ихъ достовѣрность, то о кипрской мозаикѣ, прославленной чудомъ, можно сдѣлать болѣе точныхъ хронологическихъ заключеній, чѣмъ это было доступно для Bayet, пользовавшагося лишь однимъ посланіемъ 836 года.

Помѣщеніе надъ дверьми церкви во имя Богородицы мозаичнаго изображенія Ея вполне естественно и находитъ себѣ аналогіи: такъ въ церкви, построенной Юстиніаномъ въ синайскомъ монастырѣ св. Екатерины, надъ дверьми находилось мозаичное изображеніе Божіей Матери съ Младенцемъ на рукахъ, а по сторонамъ, можетъ быть, ниже, св. Екатерины и Моисея¹⁾; въ Равеннѣ, въ капеллѣ апостола Андрея, построенной Петромъ Хризологомъ, надъ дверью было мозаичное изображеніе самого устроителя (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 212). Что для древнѣйшихъ временъ приходится указывать лишь на литературныя свидѣтельства, это вполне понятно, такъ какъ сами мозаики, будучи выставлены наружу, погибли. Для позднѣйшихъ временъ извѣстно множество примѣровъ помѣщенія мозаикъ надъ дверьми церквей: такъ Христосъ изображенъ мозаикою надъ дверьми изъ притвора въ церковь въ св. Софіи Цареградской сидящимъ на тронѣ, погрудно въ Кахріэ Джами и въ церкви Луки въ Фокидѣ; Богородица представлена сидящею на тронѣ между двухъ ангеловъ въ соборѣ св. Марка, въ Венеціи, погрудно въ Никей.

Что касается самой композиціи, описываемой въ сказаніи у Дамаскина, то и для нея имѣется множество аналогій изъ разныхъ временъ, часть которыхъ указана будетъ ниже, при разсмотрѣніи мозаики Канакаріи. Подобныя изображенія Божіей Матери, сидящей съ Христомъ-Младенцемъ на тронѣ между двухъ ангеловъ, встрѣчаются

1) Мозаики этой теперь не существуетъ, но она описана въ началѣ XVI вѣка въ книгѣ *Viaggio da Vinegia al Santo Sepolcro et al monte Sinai etc.*, гдѣ, въ отдѣлѣ, *come la chiesa di Santa Caterina è fatta*, читаемъ: *gran porta la quale si è dipinta e composta d'opra di musaica con la nostra Donna et il figliuolo in braccio. E da uno lato di detta porta si gli sta la preciosa vergine santa Caterina, e dall'altro lato si gli sta Moise.*

преимущественно на стѣнахъ храмовъ, въ мозаикахъ и фрескахъ, такъ какъ торжественный характеръ этой композиціи умѣстенъ именно въ монументальныхъ церковныхъ росписяхъ, а не на иконахъ, которыя, соотвѣтствуя портретамъ, даютъ обыкновенно лишь погрудное изображение Божіей Матери; тѣ же изъ нихъ, гдѣ является эта сложная композиція, копируютъ стѣнописи: такъ для всѣхъ русскихъ иконъ «Печерской Божіей Матери» можно доказать зависимость ихъ отъ мозаики въ алтарѣ церкви Кіевопечерскаго монастыря, давно уже погибшей, но ранѣе того почитавшейся чудотворною и даже, по Патерику Печерскому, нерукотворною.

Такія изображенія Божіей Матери соотвѣтствуютъ подобнымъ же изображеніямъ Христа, возникшимъ, повидимому, на подобіе изображеній царей земныхъ еще при Константинѣ Великомъ¹⁾: это можно предполагать по выраженіямъ Евсевія о царственномъ величій Христа (см. Bayet, Recherches, стр. 55) и по описанію среди даровъ, принесенныхъ Костантиномъ Латеранской базиликѣ, серебряныхъ статуй Христа, сидящаго на тронѣ, и четырехъ, очевидно, стоявшихъ по сторонамъ его, ангеловъ²⁾. Но Божію Матерь въ такой торжественной обстановкѣ, т. е. какъ «Царицу Небесную», по всей вѣроятности, ранѣе Эфесскаго Собора 431 года, утвердившаго величаніе Ея Богородицею, не изображали. Этимъ, надо полагать, и объясняется то странное явленіе, что въ исполненныхъ нѣсколькими годами послѣ этого собора мозаикахъ церкви *María Maggiore* въ Римѣ, въ сценѣ поклоненія волхвовъ, художники изобразили сидящимъ на тронѣ, оберегаемомъ четырьмя ангелами, одного лишь Христа-Младенца, отступивъ такимъ образомъ отъ установившейся уже къ тому времени композиціи, въ которой Христосъ въ сценѣ этой³⁾ изображался обыкновенно сидящимъ на колѣняхъ у Богородицы. Это отступленіе мы можемъ объяснить себѣ лишь

1) См. напр. монету Константина В. у Cohen'a, *Description historique des monnaies romaines*², VII, стр. 284, гдѣ императоръ въ нимбѣ сидитъ на тронѣ, охраняемомъ двумя воинами, поднявъ вверхъ правую руку съ обычнымъ жестомъ полководцевъ, консуловъ и императоровъ.

2) *Liber Pontificalis*, ed. Duchesne, I, стр. 172 (ср. 191)... *Salvatorem sedentem in throno in pedibus V.... ex argento purissimo.... et angelos IV ex argento.... in pedibus V.... cum gemmis alabandenis in oculos tenentes hastas*. Едва ли этотъ типъ изображеній Христа въ царственномъ величій вызванъ былъ непосредственно желаніемъ противопоставить православное ученіе о божественности Христа ереси Несторія, какъ то утверждалъ Martigny, *Dictionnaire*, стр. 41.

3) О древнихъ изображеніяхъ ея см. Duchesne et Bayet, *Mémoire sur une mission au Mont Athos*, Paris, 1876, стр. 249 сл. и Strzygowski, *Byzantinische Denkmäler*, I, стр. 72 сл.

тѣмъ, что здѣсь, согласно соборнымъ постановленіямъ, Христосъ, еще Младенецъ, долженъ былъ быть изображенъ уже Богомъ, что могло быть достигнуто лишь изображеніемъ Его въ царскомъ величіи; но помѣстить въ такую же обстановку смертную, хотя бы и Богородицу, художникамъ казалось еще невозможнымъ, а потому Ее и изобразили сидящею отдѣльно, какъ изображалась она въ другой реалистической композиціи сцены поклоненія волхвовъ, гдѣ Христосъ лежитъ въ ясляхъ¹⁾.

Позднѣе, напримѣръ, въ мозаикахъ церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ Божія Матерь занимаетъ въ этой сценѣ свое мѣсто на тронѣ, и четыре ангела стоятъ около Нея, какъ «Царицы Небесъ»²⁾. Когда и гдѣ именно впервые изобразили Божию Матерь въ той композиціи, которую описываетъ сказаніе о Кипрской мозаикѣ, точно мы сказать не можемъ; несомнѣнно лишь, что такого рода изображенія явились позднѣе 431 года, а потому и Кипрская мозаика не могла быть исполнена ранѣе второй трети V-го вѣка. Съ другой стороны, арабъ стрѣлять въ Божию Матерь могъ, очевидно, лишь во время одного изъ арабскихъ нашествій на островъ или владычества тамъ мусульманъ: ранѣе едва-ли проживавшіе на островѣ арабы позволяли себѣ поднимать руку на туземныя святыни. Нашествія арабовъ начались въ 632 году набѣгомъ Абу-Бекра на городъ Китій въ южной части острова, около котораго позднѣе, какъ увидимъ ниже, приуро-

1) Эта часть мозаикъ S. Maria Maggiore возбуждаетъ разнорѣчивыя толкованія: въ стоящихъ теперь по сторонамъ трона Христа двухъ женскихъ фигурахъ видятъ или олицетвореніе двухъ церквей: ex gentibus и ex circumcissione (Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 87 сл.) или Марію и Анну (Schultze, Archäologie der christlichen Kunst, стр. 25). Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Maggiott'a (Smith, Dictionary of christian antiquities, стр. 84), что здѣсь изображены были Марія (справа, тождественно инымъ Ея изображеніямъ, какъ-то указалъ Д. В. Айналовъ, стр. 87) и Іосифъ, такъ какъ послѣдняя (лѣвая) фигура сильно реставрирована (Айналовъ, стр. 87), а на старыхъ рисункахъ (Виндзорскій изданъ Maggiott'омъ, стр. 84; еще лучше рисунокъ Барберинской бібліотеки № XLIX, 14 fol. 1), которымъ напрасно отказались вѣрить de Rossi (Musaici Cristiani di Roma, вып. 24—25) и Айналловъ, она изображается, какъ мужская; оба рисунка изображаютъ лицо этой фигуры безбородымъ, что для Іосифа не подходитъ, такъ какъ въ прочихъ изображеніяхъ его на той же мозаикѣ онъ является вездѣ бородатымъ. Разсмотрѣть хорошо фигуры этой снизу невозможно, теперь одежда ея пестрая, женская, такъ что, если это не результатъ реставраціи, то приходится принять объясненіе Шультце, тѣмъ болѣе, что одежды правой фигуры сходны съ одеждами Анны въ сценѣ Срѣтенія. Приводимая же Д. В. Айналовымъ въ подтвержденіе отстаиваемаго имъ мнѣнія «колонка бичеванія», на мой взглядъ, просто передняя ножка кресла, на которомъ сидитъ правая фигура.

2) Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, рис. 20.

чивали мѣстонахожденіе чудотворной мозаики; это нашествіе ознаменовалось раззореніемъ Китія, памятникомъ его осталась мечеть, воздвигнутая надъ древнею финикійской гробницею, какъ мавзоль дочери Абу-Бекра ¹⁾. Съ половины VII-го вѣка Кипръ постоянно подвергался нашествіямъ и опустошеніямъ арабовъ; на границѣ между VII и VIII вѣкомъ островъ былъ даже временно покинутъ жителями, и лишь въ 964 году, послѣ многочисленныхъ, но неудачныхъ или кратковременныхъ попытокъ овладѣть островомъ, византійцы снова утвердились на Кипрѣ (Σακελλάριος, стр. 397—401). Едва-ли въ эти вѣка раззореній и нашествій, то арабскихъ, то ромейскихъ войскъ, можно предполагать сооруженіе на Кипрѣ церквей съ дорогими мозаичными росписями.

Такимъ образомъ, реальныя подробности болѣе пространной передачи сказанія Дамаскинымъ и общія историческія соображенія позволяютъ относить исполненіе мозаики, упоминаемой въ 836 году и, вѣроятно, еще ранѣе, ко времени приблизительно между первую треть V-го и половиною VII-го вѣка, и, слѣдовательно, представлять себѣ мозаику мы должны по соотвѣтственнымъ памятникамъ этихъ временъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Теперь мы должны обратиться къ Россіи, гдѣ оказываются не только пересказы сказанія, но даже изображенія прославившейся въ VII—VIII в. чудомъ мозаики; однако они намъ извѣстны лишь съ конца XVII-го вѣка.

Въ тщательно составленномъ изъ различныхъ восточныхъ и западныхъ источниковъ сборникѣ Іоаннікія Галятовскаго «Небо Новое» (Львовъ, 1665) на листѣ 06 об. рассказывается со ссылкой на «синаксарь греческій на недѣлю Православія» чудо это (подъ № 36-мъ) такъ: «Въ Кипрскомъ островѣ была церковь Пресвятой Богородицы ведле тоей церкви на брамѣ былъ образъ Пресвятой Богородицы которая сидѣла на еронѣ и держала Христа яко дитяtko на колѣнахъ своихъ, а два ангели по obu двухъ сторонахъ стояли. Еднаго дня минаючи тую церковь еденъ арапинъ устрелилъ Пресвятую Богородицу въ колѣно и заразъ отъ раны пострѣленной вышла кровь и капала на землю, арапинъ видячи тое чудо злякъся и утѣкалъ до дому своего, але до дому не доѣхавши умеръ на дорогѣ». Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти пересказа чуда этого въ греческихъ синаксаряхъ: оно находилось тамъ, очевидно, не во внесенномъ туда посланіи 836 года,

1) См. Σακελλάριου, Τὰ Κυπριακά, 2-ое изд., I, стр. 395.

такъ какъ въ посланіи о положеніи мозаики надъ дверью и двухъ ангелахъ не упоминается, равно какъ и о смерти араба. Остаются двѣ возможности: или въ синаксарѣ стояло слово Дамаскина, или же, что болѣе вѣроятно, его источникъ, передававшій кипрское сказаніе подробно, чѣмъ авторъ посланія. Сокращенія же греческаго разсказа могли быть сдѣланы и Галятовскимъ; изъ нихъ для насъ особенно интересно опущеніе указанія на то, что изображеніе Божіей Матери было мозаичнымъ: весьма вѣроятно, что слово *ψηφίδες* было непонятнымъ и самому Галятовскому¹⁾ и тѣмъ болѣе его читателямъ.

Дѣйствительно, въ рукописномъ сборникѣ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ (№ по инвентарю 21061 (1890 г.) въ числѣ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери 35-ою значится Кипрская, о которой со ссылкой на «Небо Новое» приводятся два разсказа, при чемъ являются два неизвѣстные ни греческому сказанію, ни Галятовскому обстоятельства: изображеніе оказывается, очевидно, по привычкѣ автора къ деревяннымъ иконамъ, писаннымъ на деревѣ, и кровь, истекшая отъ него, цѣлебною²⁾. Последнее обстоятельство стоитъ, какъ будто, въ зависимости отъ изданнаго выше слова, но, какимъ образомъ стало оно извѣстно русскому читателю, мы указать не можемъ.

Безъ указанія источника передаетъ разсказъ о чудѣ г-жа Снесорева (см. ниже въ прим. № 7, стр. 330), но, судя по отсутствію указанія на то, что чудотворное изображеніе Божіей Матери было

1) Галятовскому извѣстно было и посланіе трехъ патріарховъ «въ свитку до Теофила цесаря грецкаго» (чудо Іс о Лиддскомъ образѣ), но, вѣроятно, лишь изъ цитаты въ какой-либо латинской книгѣ о «Римской» (она же и Лиддская, см. Gargucci, Storia dell'arte cristiana, I, стр. 410) иконѣ Божіей Матери, но, во всякомъ случаѣ лишь въ краткой редакціи, безъ сказанія о Кипрскомъ образѣ, которое взято имъ съ греческаго. Къ сожалѣнію, мы не можемъ справиться, въ какой редакціи внесено посланіе къ Теофилу въ «Соборникъ» Московской печати 7108 (1600) лѣта на листахъ 171—173 и 204—242, что указано въ книгѣ «Слава Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы», Москва, 1853, стр. 13. Но судя потому, что Галятовскій, пользовавшійся соборникомъ, перевелъ кипрское сказаніе съ греческаго, а не выписалъ его изъ «Соборника», надо думать, что оно и тамъ помѣщено въ той же позднѣйшей редакціи, въ какой вносилось оно въ сочиненія Іоанна Дамаскина.

2) «Во островѣ Кипрскомъ написана на престолѣ сидитъ Пресвятая Богородица и Христа на рукахъ имѣя и два ангела по обою страну стояща. И единъ араплянинъ устрѣлилъ въ колѣно Богородицыно образъ, и кровь пошла, о, велія чудеса, отъ суха древа точитъ цельбоносную кровь Владычице премилостивая дивно. Араплянинъ же ужасеся и бѣжа въ домъ свой до него не дошедъ умре. Зри Новаго неба чуда 36. И прииде въ церковь араплянинъ и пострѣли Пресвятые Богородицы во колѣно и изыде кровь каплющи на землю. Араплянинъ же видя чудо сие и ужасеся и бежа въ домъ свой и недошедъ умре на пути».

мозаичное, и упоминанію о нахожденіи его надъ дверью храма Божіей Матери, и этотъ пересказъ, прямо или косвенно, зависитъ отъ «Неба Новаго», но страннымъ образомъ, несмотря на находящееся въ немъ описаніе изображенія Божіей Матери, онъ помѣщенъ составительницей при поясной иконѣ Кипрской Божіей Матери.

Изображенія «Кипрскія иконы Пресвятыя Богородицы» находятся на листахъ съ гравированными изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери въ составленныхъ по листамъ этимъ книгамъ¹⁾ и, наконецъ, на иконахъ.

1) Къ сожалѣнію, среди нихъ нѣтъ пока ни одной, гдѣ-бы изображенія даны были, по мѣрѣ возможности, по самимъ иконамъ, и исторія была бы провѣрена; поэтому, пользоваться ими можно лишь весьма осмотрительно; достаточно указать, что съ одной стороны, напр., изъ непонятнаго имени «Ипсилійской» сдѣлали «Испанскую», а изъ неумѣло прочтеннаго имени «Путивльской» — непонятную «Вутиванскую». Намъ извѣстны слѣдующіе сборники:

1. Вышеупомянутые и вѣроятно многіе подобные рукописные сборники.

2. Изображеніе иконъ Пресвятыя Богородицы въ православной церкви, прославляемыхъ съ краткими о нихъ сказаніями и съ присовокупленіемъ умилительныхъ моленій къ Божіей Матери. 2-ое изданіе испр. и дополн. Москва. Типографія Александра Семена. 1853, in 8°. стр. I—VI + 1—67 со 182 изображеніями.

[Упоминаемого въ № 5 (см. ниже) стр. 12 изданія Манухина мы не видали].

3. Слава Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Дѣвы Маріи. Москва. Тип. Александра Семена 1853, даетъ списокъ и изображенія лишь русскихъ иконъ (часть III), изъ греческихъ же лишь Живописный источникъ (стр. 115—132), ризу Богородицы (115—122), Киккскую или Милостивую (223—238).

4. Пановъ, Историческое, хронологическое и иконографическое описаніе 218 наименованій и изображеній Пресвятыя Богородицы. Спб. 1871 in 8°, стр. 1—88 (безъ рисунковъ).

5. Собраніе гравированныхъ изображеній иконъ Божіей Матери и сказанія о нихъ. Спб. 1878 in 4° (Изданіе Общ. Любителей Др. Пис. 1877, № II), даютъ лишь нѣсколько грубѣйшихъ рисунковъ перомъ (съ гравюръ) въ Сборникъ XVIII-го вѣка и довольно бесполезный комментарий къ нимъ.

6. Наиболѣе полный, но слишкомъ слѣпно составленный списокъ около 340 иконъ Божіей Матери далъ Д. А. Ровинскій (Русскія народныя картинки. Кн. III стр. 674—705), какъ матеріалъ для желательнаго новаго полного собранія и разсмотрѣнія иконъ Божіей Матери.

7. Софія Снессорева, Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ Ея иконъ. Спб. Изд. Тузова. 1892 in 8°, стр. 1—560 со множествомъ рисунковъ, но, конечно, не съ оригиналовъ, а съ изданія Семена и другихъ. Гексть съ нерѣдкими путаницами и ошибками.

Аеоискія иконы изданы въ книгѣ «Вышній покровъ надъ Аеономъ». Изд. Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря 1892, — вѣроятно переводъ упоминаемой Bayet, Recherches, стр. 135 греческой книги Ἀνώτερα ἐπιστήσις ἐπὶ τοῦ Ἀθω ἡτοιμημένης περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων. 1861.

Римскія иконы изданы у Pietro Bombelli, Raccolta delle Immagini Della Vma Vergine ornate della corona d'oro dal R-mo Capitolo di S. Pietro in Vaticano con una breve ed esatta notizia. Roma 1792, 4 тома съ 120 изображеніями чудотворныхъ иконъ Рима, среди которыхъ много византійскихъ и одна копія бѣлорусской — Жировицкой

Четыре иконы обозначаются одинаковымъ именемъ Кипрской ¹⁾ и поэтому постоянно смѣшиваются; не опровергая здѣсь всѣхъ ошибокъ и не излагая путаницы исчисленныхъ сборниковъ, можно, кажется, установить слѣдующее:

1) Икона Божіей Матери Кипрскія въ селѣ Стромыни является въ сборникахъ лишь въ 1850-хъ годахъ, и говорить о ней подробнѣе будемъ мы ниже.

2) Иконы (поясной) Божіей Матери Кипрскія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершается праздникъ 9 іюля. Изданіе Семена говоритъ, что она «явилась въ 392 году на о. Кипрѣ и находится въ Явленскомъ монастырѣ на томъ же островѣ, списокъ съ нея есть въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ». Но намъ не удалось найти никакихъ упоминаній объ оригиналѣ этой иконы: названнаго монастыря (т. е. очевидно, *μονὴ τῆς Φαυερωμένης*) на Кипрѣ не упоминается въ извѣстной намъ литературѣ. Остается выбирать между *Παναγία Φαυερωμένη*, финикійской гробницей близъ Ларнаки, пользующейся съ давнихъ поръ религіознымъ почитаніемъ (см. о ней, напр., *Σακελλάριος*, I, стр. 32 и *Perrot et Chipiez, Histoire de l'art*, III, стр. 277), но тамъ нѣтъ ни монастыря, ни подходящей къ московской иконы, или

(*Madonna del Pascolo* въ IV томѣ), особая книга о ней 1732 указана Мартыновымъ *Acta SS.* октября т. XI, стр. 17.

Общее сочиненіе объ изображеніяхъ Божіей Матери — *Rohault de Fleury, La S. Vierge, études archéologiques et iconographiques*, Paris, 1878, хотя и даетъ множество изображеній ея, преимущественно, конечно, западныхъ, но составлено все же не съ достаточной полнотой и аккуратностью.

Указанія на обширную литературу о древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери, преимущественно о фрескахъ римскихъ катакомбъ, см. въ новѣйшихъ руководствахъ *V. Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst*. München, 1895, стр. 358 и *X. Kraus'a, Handbuch der Geschichte der christlichen Kunst*, Freiburg i. B., 1896, I, стр. 186.

1) Пятая Кипрская же икона Божіей Матери «Киккскія» пользовалась въ Россіи большою славой, какъ о томъ свидѣлствуютъ: изображеніе ея, работы Симона Ушакова, во Флорищевской пустыни, на которое указалъ мнѣ Г. Д. Филимоновъ, и земли въ Россіи, и иные дары русскихъ Киккскому монастырю. Объ иконѣ этой, якобы написанной восковыми красками и принесенной на Кипръ изъ Константинополя въ XI вѣкѣ, см. Барскаго, *Странствованіе по св. мѣстамъ Востока*. Изд. Пр. Пал. Общ. I, стр. 400 сл.; II, стр. 297. *Περιγραφή τῆς ἱερᾶς σεβασμίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου... τοῦ Κύπρου ἐπιφημιζομένης κατὰ τὴν Κύπρον*. Венеція. 1751 и сл. изданія; изданіе 1819 переведено въ № 3 (см. прим.) съ рис. Странныя имена иныхъ чудотворныхъ иконъ о. Кипра у Снегосорева (стр. 331—332), не находящіяся въ сборникахъ болѣе раннихъ, объясняются сравненіемъ съ указаніями Барскаго (II, стр. 247, 252, 302, 314). Объ иныхъ чудотворныхъ иконахъ и другихъ святыняхъ острова извѣстія разбѣяны въ обширной литературѣ о немъ и у паломниковъ въ св. землю.

пещерой τοῦ ἁγίου Φανέοντος или τῶν ἁγίων Φανέντων, гдѣ однако также не было иконы Божіей Матери, или тамъ же глухо упомянутой церковью или монастыремъ подъ именемъ «ὁ Σταυρὸς ὁ Φανερούμενος».

3) «Въ день Сошествія Св. Духа празднество образу Богородицы Кипрской совершается въ Москвѣ въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Голутвинѣ, гдѣ сія св. икона находится», говорится въ изданіи Семена и дается рисунокъ погруднаго образа Божіей Матери. Къ сожалѣнію, намъ не удалось провѣрить показанія этого; но въ показаніи о Московскомъ образѣ московскому изданію можно, кажется, вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ болѣе старыхъ сборникахъ этой иконы не значится, а слѣдовательно, внесена она въ книгу была москвичами.

4) 20-го апрѣля (иногда по смѣшенію съ московской и 9 іюля) бываетъ праздникъ Кипрской иконы Божіей Матери. Богоматерь изображается на этой иконѣ сидящей на тронѣ съ Христомъ Младенцемъ на рукахъ и двумя стоящими по сторонамъ ангелами.

Мѣстонахожденія иконы этой подписи подъ изображеніями не указываютъ, какъ то дѣлается относительно иконъ русскихъ; сборники же, напримѣръ, оба рукописные, помѣщаютъ именно при такихъ рисункахъ вышеприведенныя передачи сказанія о Кипрской мозаикѣ, каковую, слѣдовательно, рисунки эти и изображаютъ или, по крайней мѣрѣ, желаютъ изобразить.

Такъ какъ сама Кипрская мозаика, по всей видимости, погибла, то намъ остается разсмотрѣть русскія изображенія ея, въ надеждѣ найти въ нихъ хотя бы и весьма отдаленныя копіи прославленной чудомъ мозаики.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни источниковъ, ни времени возникновенія листовъ съ изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери. Извѣстные намъ экземпляры восходятъ къ Петровскому времени; судя по присутствію среди изображаемыхъ, многихъ восточныхъ, отчасти и западныхъ, иконъ Божіей Матери, можно думать, что составители этихъ листовъ обладали какими-то греческими изображеніями или, по крайней мѣрѣ, описаніями чудотворныхъ иконъ; но этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, а намъ такового не извѣстно ¹⁾.

2) Объ этихъ листахъ см. Д. А. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, III, стр. 472 сл.; къ перечисленнымъ имъ слѣдуетъ еще добавить листъ, гравированный Мартыномъ Нехорошевскимъ, обрывки котораго имѣются въ пачкѣ прорисей Историческаго Музея по инв. № 23149/93 г. Можно думать, что подобныя гравюры иконъ

На всѣхъ пяти видѣнныхъ мною экземплярахъ такихъ листовъ разнаго времени изображеніе иконъ столь сходно, что происхожденіе всѣхъ ихъ отъ одного оригинала не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Здѣсь помѣщено факсимиле гравюры на металлѣ, вырѣзанной изъ одного изъ подобныхъ листовъ и наклеенной на соотвѣтствующую страницу вышеупомянутаго сборника Историческаго Музея; этимъ факсимиле, равно какъ и указаніями на самый сборникъ и листы Историческаго музея обязанъ я любезности И. Е. Забѣлина и А. В. Орѣшникова. Листъ, которому принадлежало издаваемое изображеніе, кажется мнѣ древнѣйшимъ изъ всѣхъ мною видѣнныхъ ¹⁾ и относится, вѣроятно, къ началу XVIII вѣка.

Божіей Матери существовали у насъ и въ XVII в., такъ какъ извѣстны лицевые календари, составленные и гравированные на деревѣ въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка; одинъ изъ нихъ изданъ былъ въ довольно неточной перерисовкѣ Раренбросх'омъ въ 1680 году (см. Acta SS. мая, томъ I, введеніе, ср. Мартынова въ Acta SS. октября, томъ XI, стр. 10 сл.), но въ этихъ календаряхъ иконъ Божіей Матери нѣтъ.

1) Я видѣлъ слѣдующія изображенія:

1. Листъ, къ которому относится издаваемое выше изображеніе, разрѣзанъ по отдѣльнымъ иконамъ и вклеенъ, но не весь, — въ сборникъ Историческаго Музея по инв. № 21061/90 г.; обрывки его же есть и въ пачкѣ прорисей и гравюръ по инв. № 28149/93 г. Судя по рисунку рамки и расположенію иконъ въ зависимости отъ листа этого находились гравюры Тепчегорскаго 1713 года (Д. А. Ровинскій, № 1214; въ Историческомъ музеѣ изображенія Кипрской Божіей Матери съ ангелами отъ листа этого не сохранилось ни въ сборникѣ, ни въ пачкѣ).

2. Рисунокъ перомъ въ сборникѣ Общества Люб. Др. Писемъ.

3. Листъ гравюры конца XVIII в., оттиснутый на синей бумагѣ начала XIX в., въ Историческомъ музеѣ (инв. № 28096/93 г.), повидимому, тождественъ находившемуся въ собраніи Ровинскаго (Д. А. Ровинскаго, IV, стр. 673).

Прочіе листы даютъ подобныя же изображенія, хотя нѣкоторыя детали въ наиболѣе грубыхъ изъ нихъ и исчезаютъ. Божія Матерь сидитъ en face на массивномъ прямолинейномъ тронѣ, кажущемся поэтому сложеннымъ изъ камня; лицевая сторона его по сторонамъ ногъ Божіей Матери украшена орнаментами, повидимому, рельефными, въ видѣ виноградной грозди или цвѣточной почки; спинки тронъ не имѣетъ; подножіе—въ видѣ полукруглыхъ ступеней. На лѣвой рукѣ Божіей Матери сидитъ Христосъ, благословляющій правою рукой и держащій свитокъ въ лѣвой. Голова Божіей Матери слегка повернута къ Младенцу и украшена короною поздней, фантастической формы. Ангелы, стоящіе позади трона по обѣ стороны Божіей Матери, одѣты въ длинныя одежды и держатъ въ рукахъ сферы и какія-то вѣтви, повидимому, стебли съ цвѣтами лиліи. Общій характеръ рисунка, конечно, новый и о возможной зависимости, хотя бы очень отдаленной, отъ предполагаемаго оригинала мы должны судить по композиціи и деталямъ. Первая не соотвѣтствуетъ помѣщенію мозаики надъ дверью: была ли она въ полукругломъ люнетѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ надо думать, что длина изображенія была болѣе высоты его; на нашихъ же рисункахъ и эта икона изъ трехъ фигуръ имѣетъ такую же вытянутую вверхъ форму, какъ и всѣ прочія иконы, изображенныя на листахъ, а потому ангелы и оказались прикрытыми престоломъ. Равнымъ образомъ ни форма короны Божіей Матери, ни одежды ангеловъ, состоящія изъ короткихъ до колѣнъ кофтъ, въ родѣ носимыхъ греческими монахами, поверхъ длинной нижней одежды, ни форма и орнаментація престола не допускаютъ мысли о возможности передачи древняго оригинала V—VIII вѣковъ; даже допустивъ, что форма деталей этихъ измѣнилась съ теченіемъ времени, мы все же не можемъ предпо-

4. Изданный имъ же листъ (№ 1216, факсимиле въ атласѣ, томъ III), хотя и отнесенъ имъ къ тому же номеру, но, видимо, лишь копируетъ № 1216: рисунокъ гораздо грубѣе, фонъ иконъ не заштрихованъ, и рамка иного рисунка.

5. Листъ начала XIX в. (у Д. А. Ровинскаго № 1217) видѣлъ я въ собраніи матеріаловъ по христіанской иконографіи Севастьянова (Божія Матерь. Томъ I), въ христіанскомъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея.

6. Рисунокъ въ изданіи Семена (стр. 8) является или плохую копіей одного изъ подобныхъ листовъ, или копіей очень плохого листа: Божія Матерь съ Христомъ на лѣвой рукѣ сидитъ на тронѣ съ прямою спинкою, по сторонамъ Ея двѣ юныхъ фигуры въ длинныхъ одеждахъ съ длинными волосами, но безъ крыльевъ держатъ въ рукахъ по шару

7. Точнѣе передаетъ листы рисунокъ у Снессоревой (стр. 209): Божія Матерь сидитъ на тронѣ безъ спинки, по сторонамъ два ангела съ вѣтвями въ рукахъ, но въ текстѣ говорится о стромынской иконѣ, которой рисунокъ соотвѣтствуетъ не вполнѣ.

лагать присутствія въ оригиналѣ короны у Божіей Матери и лилій у ангеловъ, такъ какъ и то и другое явилось лишь гораздо позднѣе и, повидимому, на западѣ ¹⁾. Такимъ образомъ сходство гравюръ съ предполагаемымъ погибшимъ оригиналомъ ограничивается лишь тѣмъ, что и тамъ, и тутъ Божія Матерь съ Христомъ Младенцемъ сидитъ на тронѣ между двумя ангелами, т. е. именно тѣмъ, что *говорятъ* и русскіе пересказы сказанія о прославленной чудомъ мозаикѣ. Поэтому, хотя источники сборниковъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери намъ и неизвѣстны, но относительно рассматриваемаго изображения наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что изображение это нарисовано было при составленіи (въ концѣ XVII-аго вѣка?) листовъ этихъ *ad hoc* согласно русской передачѣ сказанія, быть можетъ, въ зависимости отъ «Неба Новаго» Галятовскаго, а не по какимъ либо греческимъ рисункамъ самой ли Кипрской мозаики или иконъ, ее копировавшихъ. Греческія буквы около головъ Христа и Божіей Матери не только не противорѣчатъ предположенію этому, но, находясь на одинаковыхъ мѣстахъ на всѣхъ изображаемыхъ на листахъ иконахъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о единствѣ и одновременности рисунковъ иконъ общаго всѣмъ листамъ оригинала.

Больше надеждъ, нежели эти листы, возбуждала икона Кипрской Божіей Матери въ селѣ Стромыни, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи. По описаніямъ архимандрита Сергія (Полный Мѣсяцесловъ Востока, II, замѣчанія стр. 199) и Снегосоревой (стр. 209) на ней по сторонамъ Божіей Матери, сидящей на тронѣ между двумя ангелами, значились еще «колѣноприклоненныя фигуры великомученика Потамя и Фотиніи». Имя перваго упоминается и въ числѣ Кипрскихъ святыхъ ²⁾, а тѣло второй найдено было въ пещерѣ (см. ниже въ началѣ III-ей главы) въ с. в. части острова, недалеко отъ церкви Божіей Матери Канакаріи, въ которой находится издаваемая ниже мозаика, представлявшая также Божию Матерь сидящею на тронѣ

1) См. Smith', Dictionary of Christian Antiquities, стр. 998. Если въ апокрифическомъ евангеліи псевдо-Маттея angelus domini auferens unum ex ramis ejus (palmae) volavit ad coelum habens ramum in manu sua (глава XXI. Tischendorf, Evangelia apocrypha), тутъ надо, кажется, видѣть простое смѣшеніе изображеній ангела съ обычнымъ античнымъ типомъ Побѣды съ пальмовымъ листомъ въ рукахъ, такъ какъ изображеній ангеловъ съ вѣтвями для древнихъ временъ не извѣстно.

2) Fr. Stefano Lusignan di Cipro, Chronografia et breve historia universale dell'Isola di Cipro, Bologna, 1572 л., 24 об. Греческій переводъ книги этой представляетъ рк. XVIII в. въ библиотекѣ мѣтоха св. Гроба въ Константинополѣ № 325 по каталогу 1894 года (раньше 310).

между двухъ ангеловъ. Кромѣ того, стромынская икона висѣла до 1841 г. надъ дверьми церкви, т. е. именно тамъ, гдѣ находилась и прославленная чудомъ мозаика. Поэтому при краткости описаній и отсутствіи рисунковъ съ этой иконы я посѣтилъ село Стромынь, гдѣ икона эта, находящаяся въ Успенской церкви, пользуется съ 1841 года, когда она прославилась чудеснымъ исцѣлѣніемъ нѣкоей дѣвицы Мавры, большимъ почтеніемъ всей округи и слыветъ за благословеніе преп. Сергія первому настоятелю Успенскаго Стромынскаго монастыря, основаннаго въ 1379 году ¹⁾. Икона поражаетъ сходствомъ композиціи съ изображеніями Кипрской иконы на вышеуказанныхъ листахъ: даже греческія буквы стоятъ именно тамъ, гдѣ находятся онѣ на листахъ, украшенія передней стороны трона такія же, какъ и тамъ, но здѣсь они вырисованы, конечно, тщательнѣе и формою своею напоминаютъ ананасъ. Отличіе составляютъ лишь двѣ маленькія фигурки, написанныя внизу на бордюрѣ по обѣ стороны иконы, и на верхней части того же бордюра читается *вѣразъ кипрскіа прѣтѣла вѣцѣ*.

Подобнаго рода маленькія фигурки на бордюрахъ иконъ пишутся очень часто (см., напр., въ новѣйшихъ изъ вышеуказанныхъ сборниковъ икону Абалацкую, она же и Тобольская) и изображаютъ заказчиковъ иконъ въ видѣ ихъ святыхъ. Таковы же и изображенія на Стромынской иконѣ стоящихъ, а не колѣнопреклоненныхъ «священномученика Антипѣ», а вовсе не Потамія, и «святой мученицы Фотиніи»; слѣдовательно фигуры эти случайны и въ тѣсной связи съ самою иконою не стоятъ. Такъ какъ икона большая (1 арш. 2 вершка шириной и 1 арш. 4 верш. высотой), то детали видны на ней лучше:

1) Объ иконѣ этой, кромѣ арх. Сергія, Панова и Снесоревой см. Слава Пресв. Влад. Нашей Богородицы, стр. 70—71; Московскія Эпархіальныя Вѣдомости 1870 г. № 40 стр. 3—4: С. В. Р-въ, Успенскій Стромынскій Монастырь; Душеполезныя Чтенія, годъ XIII (1872), Часть III (октябрь), VII, стр. 208—211: Н. Розановъ. Икона Божіей Матери Кипрскія... по консисторскимъ свѣдѣніямъ — отвѣтъ причта на запросъ митр. Филарета; чудо было 16 февр. 1841 г. въ недѣлю православія (странное совпаденіе съ указаніемъ Галятовскаго на нахожденіе сказанія о Кипрской иконѣ въ греческомъ синаксарѣ подъ этимъ же днемъ), почему и теперь празднуютъ въ это же воскресенье; другой праздникъ 9 іюля, хотя, какъ мы видѣли выше, вѣрнѣе было бы праздновать 20 апрѣля. До 1841 г. празднованій, повидимому, не было вовсе. До 1829 года икона находилась въ сельской (не монастырской) церкви Николая Чудотворца, гдѣ упоминается въ описи 1783 года; въ писцовыхъ книгахъ 1642 года не значится. См. Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачевымъ, III (1860—1861), СПб., 1862, статья XII; С. Смирновъ, Нѣчто о древнемъ стромынскомъ монастырѣ.

ангелы держать въ рукахъ стебли лилій съ листьями и цвѣтами. Корона Божіей Матери такой же новой формы, какъ и на гравюрахъ; отличіемъ иконы является лишь широкая полоса по краю одежды Божіей Матери, украшенная на подобіе жемчуговъ и камней. Раскраска произведена видимо совершенно случайно: плащъ Божіей Матери, придающій фигурѣ Ея столь же безобразно широкую форму, какъ и на гравюрахъ, желтый, нижняя одежда синяя, обувь красная; ангелы имѣютъ, поверхъ красной нижней одежды, зеленыя широкорубашки или кофты, застегнутыя на груди, красныя плащи; престолъ бѣлый, ступени его зеленыя, украшенія на лицевой сторонѣ желтыя, т. е. золотыя, хотя ягоды въ нихъ красныя и бѣлыя; сферы въ рукахъ ангеловъ, у одного въ правой, у другаго въ лѣвой, голубыя. Фонъ золотой, рельефно украшенный наклонно пересѣкающимися линіями и кружками изъ точекъ внутри образуемыхъ ими ромбовъ; на нимбахъ ангеловъ рельефно написано у лѣваго *αἰ*гλι, у праваго *γῑ*ни. Одежды написаны небрежно, лица выписаны тщательно. Судя по нимъ, икона мнѣ особенно древней не показалась, и едва ли она можетъ быть древнѣе начала XVIII вѣка, сходство же ея съ гравированными листами столь велико, что взаимная зависимость между иконою и ними не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что икона написана по заказу рабовъ божіихъ Антипы и Фотиніи по одному изъ подобныхъ листовъ, такъ какъ думать, чтобы общій всѣмъ листамъ оригиналъ копировалъ икону эту, мѣшаетъ отсутствіе на листахъ указанія на мѣстонахожденіе иконы, которымъ снабжены всѣ изображенія русскихъ иконъ, и положеніе буквъ, тождественное со всѣми иконами листовъ.

Такимъ образомъ оказалось, что всѣ извѣстныя мнѣ русскія изображенія Кипрской иконы Божіей Матери никакъ не могутъ считаться хотя бы и отдаленными копіями кипрской мозаики.

Остается еще находящаяся на нѣкоторыхъ листахъ дата «явленія», которая для чудотворной иконы можетъ обозначать, какъ извѣстно, или время явленія самой иконы, или же время перваго проявленія чудотворной силы. На нѣкоторыхъ мѣстахъ при разсмотрѣнномъ изображеніи Кипрской Божіей Матери указывается дата 9 іюля 5900 (т. е. 392) года, на другихъ же дата эта приписывается къ изображенію погрудной иконы Божіей Матери т. е. оригиналу иконы Московскаго Успенскаго собора (см. выше). Что дата эта къ нашей иконѣ прилагается лишь по ошибкѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самое число

9 іюля вмѣсто 20 апрѣля. Но если бы даже она прилагалась и постоянно, то и тогда ее должно было бы признать невозможной, такъ какъ извѣстные намъ памятники не позволяютъ предполагать въ концѣ IV вѣка изображеній Божіей Матери сидящею въ божественномъ величіи на тронѣ между ангелами, какъ мы говорили уже выше.

Такимъ образомъ составители листовъ, очевидно, для интересующей насъ Кипрской иконы никакой даты не имѣли, равно какъ не знали они и мѣста ея нахождения. Откуда взяли они день празднованія 20 апрѣля, останется загадкой, пока не будутъ указаны источники этихъ листовъ.

Оказывается, однако, и другая дата, сопровождаемая при этомъ указаніемъ на мѣсто нахождения Кипрской иконы, и въ источникѣ, связь котораго съ источниками греческими болѣе вѣроятна, нежели гравированныхъ въ Россіи изображеній иконъ Божіей Матери, а именно въ Клинецкомъ иконописномъ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, указаніе это извѣстно мнѣ лишь по цитатѣ Д. А. Ровинскаго (IV, стр. 686) и я лишенъ возможности провѣрить ее и получить какія либо свѣдѣнія о времени самого подлинника. «10-го Апрѣля 480 года на мѣстѣ, гдѣ погребенъ Лазарь», говоритъ Д. А. Ровинскій, не сообщая даже, къ какой именно Кипрской иконѣ отнесено подлинникомъ указаніе это. Впрочемъ, сомнѣваться въ томъ, что тутъ имѣется въ виду именно интересующая насъ икона, празднуемая 20 апрѣля, едва ли нужно и можно даже думать, что или въ подлинникѣ 10 должно быть исправлено, если только это не опечатка, въ 20, или же въ листахъ 20 въ 10, что для насъ въ сущности безразлично. Кромѣ того, опредѣленіе подлинникомъ мѣста нахождения Кипрской иконы падаетъ именно «въ южную часть острова», гдѣ помѣщаетъ чудотворную мозаику греческое сказаніе. При имп. Львѣ Мудромъ, на южномъ берегу острова, на мѣстѣ древняго города Китія, первымъ епископомъ котораго преданіе называетъ (называло ли оно ранѣе того времени, мнѣ неизвѣстно) Лазаря, найденъ былъ древній саркофагъ съ какою то не греческой надписью, которая переведена была: «Лазарь другъ Христовъ»; останки, найденные въ гробницѣ, положены были въ серебряную раку и унесены въ Константинополь, гдѣ императоръ соорудилъ церковь во имя св. Лазаря¹⁾. Слѣдовательно подлинникъ по-

1) Zonar. IV, стр. 42 ed. Dindorff. Συναξαριστής аѳинскаго изданія относитъ это къ 890 году. Макарьевскія Четы-Минеи подъ 17 октября: «въ Кытнейскомъ градѣ». Σακελλαριος о. с., I, стр. 34.

мѣщаетъ чудотворную икону въ теперешнюю Ларнаку, которая стоитъ на мѣстѣ древняго Китія, и гдѣ находится большая церковь Лазаря надъ мраморнымъ саркофагомъ, о чемъ подробнѣе говорить надѣемся мы въ другомъ мѣстѣ. Но ни теперь, ни у прежнихъ паломниковъ ничего не говорится о существованіи въ Ларнакѣ какого либо чудотворнаго изображенія Божіей Матери. Но близъ Ларнаки находится деревня Кити, на которую перешло имя древняго города, вѣроятно, послѣ какого-либо конечнаго раззоренія и запустѣнія его, а въ деревнѣ этой въ церкви Божіей Матери сохранилась и по нынѣ древняя мозаика абсиды, которую мы и издаемъ ниже, и къ которой издревле приурочивали сказаніе о чудотворномъ мозаическомъ изображеніи Божіей Матери. Какъ мы увидимъ далѣе, отождествленіе это не вѣрно, такъ какъ ни мѣсто нахожденія мозаики, ни композиція ея не соотвѣтствуютъ подробностямъ, сообщаемымъ сказаніемъ о мозаикѣ, прославившейся чудомъ, но, очевидно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ Клинецкомъ подлинникѣ имѣется въ виду именно современная деревня Кити, а не древній Китій, нынѣ Ларнака: ошибка вполне извиняемая тождествомъ именъ и близостью разстоянія. Но если опредѣленіе мѣста и оказывается основательнымъ, то относительно даты мы, не зная источника подлинника и степени его авторитетности, должны быть очень осторожны и не можемъ пока принимать 480 годъ за годъ исполненія прославленной чудомъ мозаики надъ дверью небольшой церкви Божіей Матери въ южной части острова, хотя бы, какъ была о томъ рѣчь выше, мозаика эта и принадлежала, вѣроятно, времени между половиною V-го и VII-го вѣковъ. Дата, сообщаемая Клинецкимъ подлинникомъ, оказывается такимъ образомъ возможною, но не болѣе.

II.

Παναγία Ἀγγελόκτιστος.

Богомольцамъ, плывшимъ изъ Европы въ Святую Землю, отправлялись ли они изъ Константинополя, или изъ Венеціи, Кипръ являлся обычною станціей, именно южные порты его: Пафъ, Лимасаль и Ларнака. Многіе, не ограничиваясь краткою остановкой судовъ, за-

пасавшихся здѣсь водою и дровами, оставались на островѣ дольше ради его многочисленныхъ святынь¹⁾.

Римская матрона, св. Павла, остановилась въ 382 году на Кипрѣ, чтобы посѣтить гостя своего по Риму знаменитаго Епифанія Кипрскаго, а позднѣйшіе паломники оставались, чтобы поклониться его могилѣ. Нашъ Даніилъ Паломникъ посвятилъ Кипру двѣ главы, но, къ сожалѣнію, «о кипрѣстѣмъ островѣ» говоритъ лишь очень кратко, давая подробности лишь «о горѣ идѣ же св. Елена крестъ поставила»²⁾: «Кипръ есть островъ великъ зѣло и множество въ немъ людѣи и обилень есть всѣмъ добромъ. И суть въ немъ епископи 20, митрополія же едина, а святыхъ въ немъ безъ числа лежить: и ту лежить св. Епифаніе, и апостоль Варнава, и св. Зинонь, и св. Трифоліе епископъ, его же крестилъ апостоль Павелъ».... «и ту недостойный азъ.... походихъ островъ той весь добрѣ».

Можно думать, что не оставилъ онъ безъ поклоненія и чудотворной мозаики, но, къ сожалѣнію, не далъ столь же подробнаго описанія видѣннаго на Кипрѣ, какъ въ Святой Землѣ. Діаконъ Зосима, прожившій на Кипрѣ (въ 1419—1421 г.г.) полтора мѣсяца, о мозаикѣ также не упоминаетъ. Кромѣ Крестовой горы, лежащей въ разстояніи дневного пути отъ Ларнаки, въ самомъ селеніи богомольцы поклонялись гробницѣ Лазаря; близъ лежащая финикійская гробница, обращенная въ часовню Божіей Матери *Φανερωμένης*, также посѣщалась ими; наконецъ въ двухъ часахъ пути къ юго-западу отъ Ларнаки показывали имъ мозаику, къ которой относили выше разсмотрѣнное преданіе. Эта мозаика, издаваемая нынѣ, кажется, впервые, находится въ церкви, носящей странное, очевидно также связанное съ какою-либо легендою имя: *Παναγία Ἀγγελόκτιστος*. Теперь церковь эта стоитъ у садовъ деревни Кітіи или Чіти, какъ выговариваютъ кипріоты. Эта деревня лежитъ близъ мыса того же имени, отдѣленнаго отъ Ларнаки, стоящей на мѣстѣ древняго Китія, большимъ соленымъ озеромъ, гдѣ добывалась соль и въ древности, и

1) Исчисленіе святынь Кипра см. у Леонтія Махеры (изд. Сааы, стр. 54 сл. и 67 сл.) и у повторяющихъ его Strambaldi (ed. Mas Latrie, стр. 12 сл.), Florio Rustron'a (ed. Mas Latrie, стр. 32 сл.), Steffano Lusignan (о. с. стр. 23 сл.). *Κυπριανός, Ἱστορία χρονολογική* etc., стр. 345—357. Изъ многочисленныхъ упоминаній паломниковъ особенно подробно описываетъ монастыри и святыни Кипра Барскій, который посѣтилъ 50 монастырей (изъ 70) и зарисовалъ 24; рисунки, однако, сохранились не всѣ.

2) Сводъ разсказовъ паломниковъ о горѣ этой см. въ статьѣ Oberhummer'a въ журналѣ *Ausland*, 1892, стр. 364, 380, 394 и 407.

въ средніе вѣка, когда озеро это называли иногда и озеромъ св. Лазаря (*Viaggio (1494 года) di Pietro Casola, ed. G. Porro, Milano, 1855, стр. 87: el lagho de Santo Lazaro*), и на холмѣ западнаго берега котораго бѣлѣтся тюрбе дочери Абу-Бекра, раззорившаго въ 632 году Китій. Это ли, или какое-либо позднѣйшее раззореніе древняго Китія было причиной перенесенія имени древняго города на новое поселеніе, мы не знаемъ. Есть, правда, два упоминанія о немъ изъ конца VIII-го вѣка, но изъ нихъ не ясно, стоялъ ли тогда городъ этого имени еще на старомъ мѣстѣ: одно упоминаетъ о церкви Божіей Матери въ городѣ Китіѣ, другое говоритъ о 32-хъ китійцахъ, ходившихъ около 785 года на двухъ корабляхъ въ сирійскій городъ Габалы (см. рассказы Константина, архіепископа Кипрскаго, въ 4-мъ засѣданіи VII-го Вселенскаго собора. *Labbe, VII, стр. 269*); судя по послѣднему, кажется, можно думать скорѣе, что Китій стоялъ тогда еще у моря, т. е. на старомъ мѣстѣ, хотя, конечно, тамъ могла быть лишь пристань, какъ то было позднѣе, когда Ларнака называлась иностранцами обыкновенно *Scala di Saline*. Если тогда городъ Китій стоялъ еще на старомъ мѣстѣ, то онъ могъ быть уничтоженъ нашествіемъ Гарунъ-Аль-Рашида, въ 804 году, который, по свидѣтельству Теофана (*ed. de Boor, стр. 482*), раззорилъ на островѣ церкви и выселилъ жителей. Въ началѣ владычества на Кипрѣ лузиньяновъ, на южномъ берегу острова главнымъ портомъ былъ Лимасоль, какъ то видно, напримѣръ, изъ того, что, при насильственномъ сокращеніи числа греческихъ епископій острова съ 14 (изъ которыхъ, конечно, многія могли существовать тогда лишь по имени) на 4, латинскій епископъ южной части острова назывался согласно его мѣсту проживанія епископомъ Лимасоля, а не Китія¹⁾. На мѣстѣ древняго города Китія основалась деревня Ларнака, получившая имя якобы отъ саркофага Лазаря или отъ многихъ саркофаговъ некрополя древняго Китія, которую упоминаетъ подъ этимъ именемъ уже Леонтій Махера (*стр. 72 ed. Σαῶς*) по поводу находившагося тамъ монастыря св. Олфіана, одного изъ 300, бѣжавшихъ на островъ изъ Сиріи готѣовъ (см. о нихъ Махеру

1) *Strambaldi* (*стр. 11 ed. Maz Latrie*) говоритъ о переустройствѣ греческой церкви латинянами въ 1194—1195 годахъ. О постановленіяхъ 1222 и 1260 г.г. *Σακελλάριος, I, стр. 427 сл., 451 сл.*; *Maz Latrie* въ *Archives de l'Orient Latin, II, стр. 208 сл.* Теперь, однако, греческій епископъ южной части острова живетъ въ Ларнакѣ и называется Китійскимъ, а не въ Лимасолѣ, съ какого именно времени, мнѣ не извѣстно (*Σακελλάριος, I, стр. 618*).

стр. 68), и которая дала имя свое и теперешнему городу, стоящему на мѣстѣ древняго Китія.

Имя деревни Кити, вѣроятно, вслѣдствіе переселенія туда жителей раззореннаго Китія, упоминается во времена лузиньяновъ по поводу находившагося тамъ замка, гдѣ живали иногда короли, какъ то извѣстно, напримѣръ, о королѣ Петрѣ I, въ 1367 г. ¹⁾. По документамъ 1464—1468 гг. король далъ въ Кити, принадлежавшемъ ему, земельные участки, нѣкоторымъ дворянамъ: а именно, Carion Lusignan, Gabriel Geutil, Honofrio Requesenz (Флоріо Бустронъ, стр. 422, 423 и 421); когда островъ пріобрѣтенъ былъ Венеціей, Кити перешло къ роду Подокатаровъ, послѣдній изъ котораго отличился геройскою смертію при покореніи острова турками въ 1571 году ²⁾. Тогда, какъ и теперь, Кити славилось садами. Эти сады лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ самой деревни, близъ остатковъ королевскаго замка и церкви Богородицы Ангелозданной, сохранившей до нашихъ дней древнюю мозаичную роспись алтарной конхи, которую и показывали паломникамъ, какъ мозаику, прославленную въ вышерассмотрѣнномъ сказаніи. Къ сожалѣнію, я не могъ просмотрѣть рассказовъ всѣхъ паломниковъ, бывшихъ на Кипрѣ, все мно-

1) Письмо отъ 15 сентября 1367 года *escript à nostre hostel don Quid* приводитъ Guillaume de Machaut «La prise d'Alexandrie» ed. Mas Latrie, Genève, 1877, стр. 1877; объ этомъ же пребываніи короля въ Кити, Махера, стр. 109 сл.; Strambaldi, стр. 83: *ritrovandosi il re nel casal Chiti alla cazza*; Флоріо Бустронъ, стр. 265; Mas Latrie, *L'île de Chypre et sa situation présente*, Paris, 1879, стр. 19.

2) См. Mas Latrie, *Histoire de Chypre*, III, стр. 242. Ἀρχιμ. Κυπριανός, Ἱστορία χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου, Венеція, 1788, стр. 26: (Κίτιον) τὴν ἀρχαίαν χωρίον Κίτι, ἣν τὸν ἀπόκτημα, ἰταλικῶς φέουδον, τοῦ Κιάρωνος Λουσινιανοῦ, ἐκ τοῦ ὁποίου ὑστερησεν αὐτὸν ὁ ὑστερος βασιλεὺς τῆς νήσου Γιάκουμος Λουσινιανός Μπαστάρδος. Ἐδόθη μετὰ τὴν ὁποταγὴν τῆς νήσου εἰς τὴν ἀριστοκρατίαν τῶν Ἑνετῶν εἰς τὴν γενεὰν Подоκατάρου. Dapper, *Description des îles de l'Archipel*, traduit de flamand, Amsterdam, 1601, стр. 38... la ville de Citium, à présent Chiti: il n'est presque resté de cette ville qu'une ancienne tour à demi-ruiné et quelques petites maisonnettes, qui forment un bourg, apelé Chiti, qui étoit du temps des Venitiens le lieu de plaisance de l'île, Hector Podocatharus, Chevalier de Cypre, en étoit le propriétaire, et avoit le soin d'y faire cultiver plusieurs beaux jardins, on voit encore près de la mer tout contre Limisso un des plus beaux jardins de Cypre, qui porte ce même nom. Thomaso Porcacchi da Castiglione, *L'isole più famose del Mondo*, 1620, стр. 147: fu seggio reale la città di Chiteon. et hora ridotta in casale si chiama Chiti, ch'era le delitie di quel regno, posseduto da Hettore Podocatharo cavalier Cipriotto, che di queste cose scrisse; il qualer haveva giardini bellissimi, et ripieni di preciosi frutti. Что касается башни, здѣсь упоминаемой, то я ее не замѣтилъ. Башня же «на мысу Кити», изображенная у Rey'я (*Etude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre*, Paris, 1871, стр. 231) и относимая имъ къ XIV вѣку, обычная сторожевая башня, можетъ быть, венеціанскаго времени, и ничего общаго съ королевскимъ замкомъ, конечно, не имѣетъ.

жество которыхъ исчислилъ въ вышеуказанной статьѣ Oberhammer: найденныя же мною упоминанія о мозаикѣ этой начинаются лишь съ прошлаго вѣка.

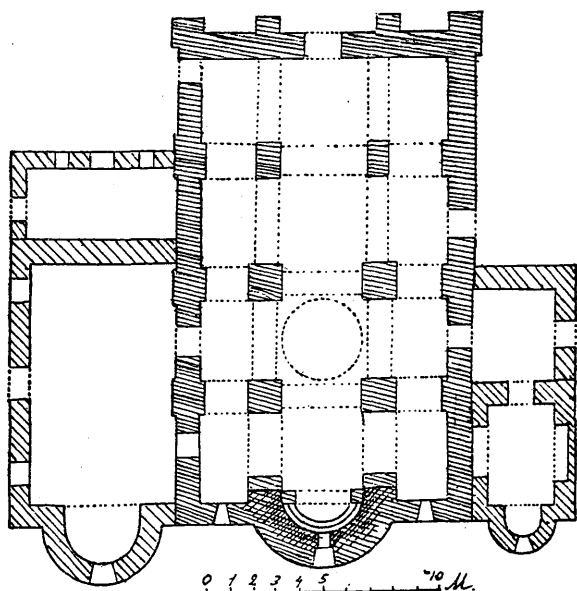
Нашъ знаменитый описатель святынь Востока Плака-Барскій посѣтилъ церковь эту по дорогѣ изъ Ларнаки въ Лимасоль или 2 іюня, или въ началѣ іюля 1727 года (ср. Странствованія, I, стр. 400 съ 407); но онъ говоритъ о ней не въ описаніи странствій своихъ по Кипру, а лишь кратко въ общемъ обзорѣ кипрскихъ святынь (II, стр. 332): «храмъ лѣпотень въ веси Китѣ иже бѣше прежде престоль архіерейскій, тамо и чудотворній образъ Богородицы, каменцами отъ мусіи насажденъ и отъ Арапа нѣкогда ударенъ, кровь источити повѣствуется». Отъ не менѣе внимательнаго паломника, Флорентійца Марити, посѣтившаго островъ въ 1748 году, также не укрылась мозаика эта: «questo casale (di Citi) — говоритъ онъ (Viaggi per l'isola di Cipro e per la Soria e Palestina fatti di Giovanni Mariti, Lucca, 1769, I, стр. 181), — fu già feudo di un signore delle casa Lusignati; anche al giorno presente si vede qualche segno di essere stato una grossa terra. Fra le altre è la osservarsi una chiesa piuttosto grande, dedicata alla Madonna, conservandosi ivi una sua Immagine lavorata a Mosaico, la quale da i Greci è tenuta in venerazione». Въ 1845 году знаменитый археологъ Россъ видѣлъ церковь только снаружи, иначе онъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть о мозаикѣ¹⁾. Кипріотъ Сакелларій, объѣздившій островъ въ 50-хъ годахъ, лишь кратко упоминаетъ мозаику, видимо не зная преданія съ нею связаннаго, и другой образъ Божіей Матери, находящійся въ той же церкви: Βορείως δὲ τῆς κώμης ταύτης (Κίτι) κεῖται ὁ ναὸς τῆς Παναγίας τῆς Ἀγγελοκτίστου. ἡ δ' ἐν αὐτῷ εἰκὼν λέγεται ὅτι εἶνε ἐκ τῶν ἐβδόμηκοντα, ἃς ὁ ἀπόστολος Λουκᾶς ἱστορήσεν. Ἐν τῷ ναῷ δ' ἔτι ὑπάρχει ψηφιδωτόν, παριστῶν τὴν Θεομήτορα ἐν μέσῳ τῶν ἀγγέλων Μιχαήλ καὶ Γαβριήλ (I, стр. 47). Упоминаетъ ли еще кто-либо изъ описателей Кипра о мозаикѣ этой, мы не знаемъ, такъ какъ намъ недоступна вся обширная новѣйшая литература о Кипрѣ, особенно же греческая и англійская²⁾.

1) Ross, Reisen auf den griechischen Inseln, IV, стр. 91: An seinem (des Dorfes Kitin) nördlichen Ende liegt eine ansehnliche Kirche zum Theil von gothischer Bauart, also noch von fränkischer Zeit, der Panagia Angelo-Ktistos und unweit derselben die Ruinen eines Ritterschlusses.

2) См. библиографическій указатель Oberhammer'a въ Bursian's Jahresberichte, 1893, III, стр. 29—96. Упоминаемая тамъ статья Παπαδάκη. «Ἡ μὸνὴ τοῦ

Я посѣтилъ церковь 15 сентября 1895 года и снялъ съ мозаики издаваемые нынѣ фотографіи, которыя далеко не соотвѣтствуютъ достоинству самой мозаики, и изданіе которыхъ имѣетъ цѣлью лишь обратить вниманіе на мозаику и вызвать подобающее изслѣдованіе и изданіе ея.

Церковь по внѣшности своей не представляетъ ничего особеннаго: эта церковь византійскаго типа, каковыя на Кипрѣ не рѣдки¹⁾, и построеніе которыхъ едва ли можно относить къ какому-либо одному періоду; во всякомъ случаѣ всѣ онѣ не древнѣе, вѣроятно, X—XI в.

Приблизительный планъ церкви
Παναγία Ἀγυελοκτιστος.

Церковь увѣнчана одной главою, съ высокимъ барабаномъ о восьми узкихъ окнахъ. Никакихъ признаковъ готическаго стиля при посѣщеніи мнѣ въ глаза не бросилось, хотя весьма возможно, что нѣкоторыя арки и имѣютъ стрѣльчатую форму, но отсюда ничего заключать о времени построенія церкви, какъ то сдѣлалъ Россъ, нельзя. Церковь, конечно, не древнѣе франкскаго владычества, но она могла быть построена

и послѣ него: стрѣльчатая арка примѣняется и въ современныхъ постройкахъ, какъ то замѣтилъ еще Mas Latrie (стр. 556). Къ этой купольной церкви позднѣе пристроены два придѣла: небольшой съ

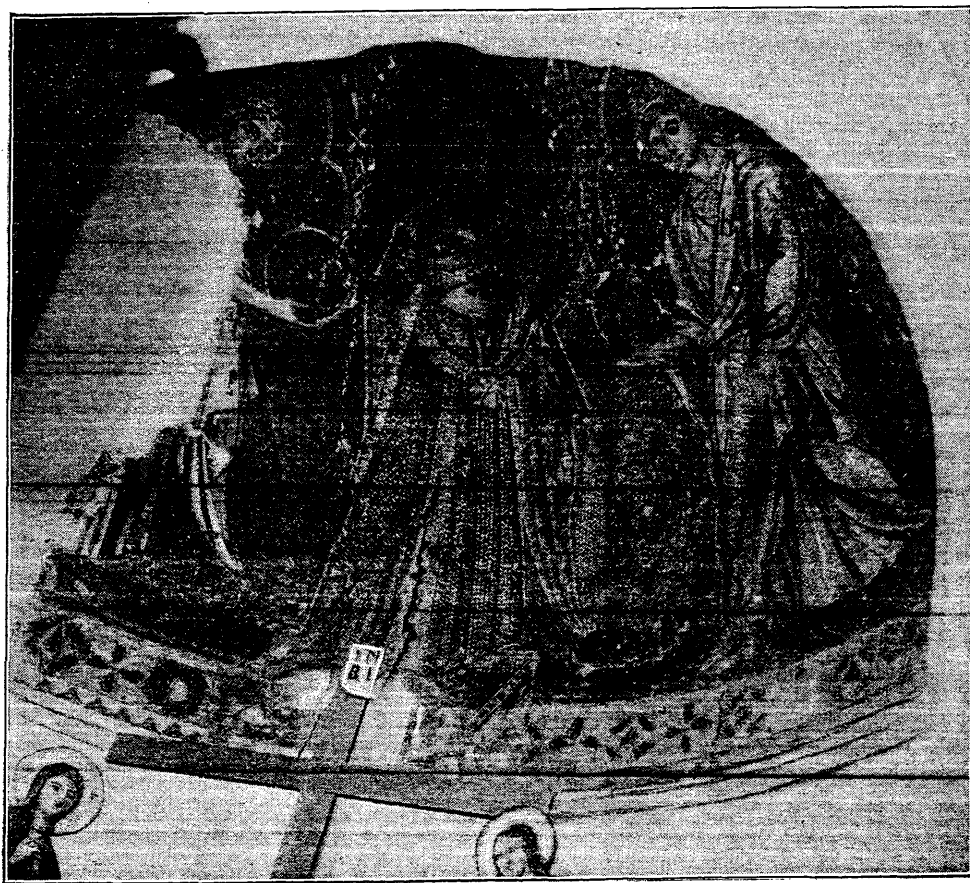
Κιτίου» въ иллюстрированномъ журналѣ «Ἑσπερος» (1884, стр. 17), издававшемся въ Лейпцигѣ, описываетъ и изображаетъ на приложенномъ рисункѣ монастырь Кикка, хотя въ ней оба раза напечатано Κιτίου вмѣсто Κύκκου, что объясняется сходствомъ этихъ словъ въ новогреческомъ письмѣ. Изслѣдователь равеннскихъ мозаикъ Жанъ Р. Richter былъ въ Ларнакѣ, но, къ сожалѣнію, о мозаикахъ въ Китіи, повидимому, не слыхалъ. J. P. Richter, Die Mosaiken von Ravenna, стр. 79, пр. 5.

1) См. о нихъ краткія замѣчанія Mas Latrie въ Archives des Missions scientifiques I (1850), Paris, 1855, стр. 555 сл. Къ сожалѣнію, мнѣ осталась недоступною статья Schröder'a въ журналѣ Globus за 1878—79 годъ, который, судя по указанію Ohnefalsch-Richter'a (Repertorium für Kunstwissenschaft, IX (1886), стр. 206), обратилъ вниманіе и на византійскіе памятники, что въ литературѣ о Кипрѣ встрѣчается рѣдко.

сѣвера, гдѣ на стѣнахъ видны старыя фрески, которыя показались мнѣ не древнѣе XVI-го вѣка, и значительно бѣльшій, служащій нынѣ школою, къ южной стѣнѣ. Надъ дверью, ведущей отсюда въ церковь, находится плита съ надписью о поновленіи 1714 года; должно думать, что плита эта вставлена здѣсь еще до пристройки южнаго придѣла. Еще новѣе, чѣмъ школа, комната, нынѣ пустая, съ дверью и окнами, пристроенная въ углу между южной стѣною церкви и западной стѣною школы. Позднѣе, чѣмъ сѣверный придѣлъ, пристроены двѣ стѣны къ западной его части: ранѣе входъ и въ церковь сѣверными дверьми, и въ сѣверный придѣлъ былъ прямо съ улицы. Внутри церкви куполь поддерживается четырьмя столбами, которые нѣсколько толще опирающихся на нихъ подпружныхъ арокъ, откуда, кажется, можно предполагать, что куполь относительно новѣе, чѣмъ столбы эти; другіе два столба поддерживаютъ своды западной части церкви, которая въ сущности ничего особеннаго, кромѣ величины и многочисленности, не представляетъ, но если вспомнить бывшее процвѣтаніе Кипра, то и это будетъ вполне понятно. Мы не можемъ точно опредѣлить времени построенія этой церкви, но никакихъ основаній и даже возможности возводить ее ко временамъ ранѣе владычества лузиньяновъ мы не видимъ. И на планѣ церкви этой и еще болѣе при видѣ ея восточной части снаружи поражаютъ непомѣрно малые размѣры абсиды, которые совсѣмъ не соотвѣтствуютъ величинѣ церкви. Это объясняется тѣмъ, что нынѣ существующая церковь пристроена къ значительно древнѣйшей, чѣмъ она сама, абсидѣ. Новая церковь столь велика, абсида же столь мала, что при постройкѣ на мѣстѣ старой церкви новой старую абсиду, конечно, сломали бы и замѣнили новою, и если она осталась не только не разрушенной, но даже укрѣпленной, то причиной этому была, конечно, лишь древняя мозаика, сохранившаяся въ конхѣ ея. Какова была эта древняя церковь, судить безъ архитектурнаго изслѣдованія нельзя; снаружи около абсиды валяется обломокъ мраморной колонны, со спиральными канелюрами, но онъ могъ также хорошо быть откуда-либо притащеннымъ, какъ и принадлежать одной изъ внутреннихъ колоннадъ древней церкви, если та была, соотвѣтственно удлиненному плану существующей теперь, «*δρσμη*», т. е. базиликой. Старая абсида (около 3,50 м. въ діаметрѣ) при постройкѣ новой церкви была обведена снаружи новой стѣною, при чемъ новое окно сдѣлано было гораздо меньше стараго, и только благодаря окнамъ купола и проникавшимъ черезъ нихъ солнечнымъ лучамъ оказалось

возможнымъ фотографировать мозаику конхи. Арка конхи во время перестройки, вѣроятно, угрожала паденіемъ, почему ее подперли новымъ сводомъ, который сузилъ ширину абсиды и закрылъ мозаики, какъ бордюра, шедшаго по наружному краю конхи, такъ и украшавшія вертикальную плоскость стѣны надъ отверстіемъ тріумфальной арки. Въ лѣвой части мозаика опала, въ срединѣ широкая трещина проходитъ черезъ сводъ конхи. Мозаика сильно запылена и закопчена, а потому разсмотрѣть цвѣта нѣкоторыхъ кубиковъ оказалось невозможнымъ. Станнымъ образомъ лица Божіей Матери и Христа покрыты слоемъ известки и грубо нарисованы по ней розовой краскою, хотя подъ слоемъ ея ясно вполне сохранившіеся кубики мозаики. Кромѣ видимыхъ на фотографіяхъ надписей ΜΙΧΑΗΛ и ΓΑΒΡΙΗΛ, надъ нимбомъ Богородицы на бѣлой полосѣ между золотымъ фономъ и нимбами и крыльями ангеловъ, примыкавшими къ застроенному нынѣ бордюру подъ копотью замѣтилъ и, почистивъ, прочелъ я надпись:

+ НАГІА ^{нимбъ} _{Б. М.} ΜΑΡΙΑ+, выложенную изъ темнокрасныхъ куби-

Мозаика церкви Παναγία Ἀγγελότιστος.

ковъ буквами въ 9 сантиметровъ выcотю. По низу конхи идетъ орнаментальная полоса изъ розетокъ, крестовъ, образованныхъ пересѣкающимися кругами; фонъ ея въ лѣвой части розовый, въ правой же цвѣта кубиковъ разобрать нельзя. Въ срединѣ полоса эта пересѣкается подножіемъ, на которомъ стоитъ Божія Матерь; верхній край его изображенъ бѣлымъ, т. е. серебрянымъ, съ цвѣтными камнями; такъ какъ подобный же бордюръ виденъ и на задней стѣнкѣ подножія, то подножіе это надо представлять себѣ въ видѣ загородки, хотя бы и съ возвышенной серединой. Божія Матерь изображена стоя съ Христомъ-Младенцемъ, сидящимъ на лѣвой рукѣ ея. Нимбы ихъ окаймлены синей и бѣлой полосками, но цвѣта внутренней темной части нимбовъ разсмотрѣть я не могъ. Крестъ, кажущійся изображеннымъ внутри нимба Христа, изображенъ далеко не такъ ясно, какъ обыкновенно его изображаютъ, и мнѣ теперь кажется даже сомнительнымъ самое присутствіе его, такъ какъ надъ головою четырехугольное свѣтлое пятно не доходитъ до верхняго края нимба, а справа свѣтлая полоса имѣетъ видъ не праваго конца креста, а скорѣе полосы кубиковъ болѣе свѣтлаго, чѣмъ прочіе, цвѣта, выложенныхъ по дугѣ круга, что наводитъ на предположеніе, которое, къ сожалѣнію, не пришло мнѣ въ голову передъ самою мозаикой, что нимбъ Христа изображенъ въ видѣ диска, состоящаго изъ полосъ, переходящихъ отъ одного тона къ другому, примѣры чего находимъ мы на древнѣйшихъ христіанскихъ мозаикахъ Рима. Такое предположеніе подтверждаетъ нимбъ архангела Михаила, гдѣ совершенно ясно различается болѣе свѣтлая полоса по внѣшнему краю нимба. Правая рука Христа поднята и, вѣроятно, благословляла, но теперь разсмотрѣть этого нельзя, такъ какъ тутъ мозаика попорчена. Лѣвая рука лежитъ на колѣнѣ, кисть ея сжата, повидимому, въ кулакъ, но ни свитка, ни книги въ ней усмотрѣть я не могъ. Общаго цвѣта одеждъ Христа, равно какъ и Божіей Матери, опредѣлить оказалось невозможнымъ: одежда Христа свѣтлѣе, чѣмъ у Божіей Матери, но не бѣлая, судя по рѣзкой разницѣ съ одеждами ангеловъ. Божія Матерь, посадивъ Младенца на лѣвую руку, четыре пальца которой видны, правую придерживаетъ его за колѣно; сообразно этому тяжесть тѣла Ея покоится на лѣвой ногѣ, правая же слегка согнута въ колѣнѣ и отставлена въ сторону. Одежда изображена совершенно правильно: въ зависимости отъ позы передъ лѣвою ногой туника падаетъ вертикальными почти параллельными складками, передъ правую же обра-

зуются рядъ наклонныхъ, расходящихся книзу складокъ, тогда какъ на колѣнѣ и бедрѣ одежда натянута. Поверхъ этого хитона съ узкими рукавами, конецъ одного изъ которыхъ виднѣется на запястьѣ правой руки, накинута плащъ, прикрывающій, повидимому, и голову. Онъ спускается, тѣсно прилегая къ туловищу, съ правой, поднятой изъ-подъ него руки почти до колѣна, по другую сторону ея онъ образуетъ широкую пазуху передъ грудью; судя по направленію складокъ на груди, онъ застегнутъ на лѣвомъ плечѣ; длинный конецъ плаща, перекинутый черезъ лѣвую руку, свѣшивается съ нея почти до земли, отходя широкими складками своими далеко отъ туловища, что вполнѣ вѣрно, такъ какъ лѣвая рука, на которой сидитъ Младенецъ, также отведена въ сторону, но острый конецъ плаща слишкомъ ненатурально отогнутъ въ сторону, что бросается въ глаза особенно рѣзко потому, что также точно изображенъ и конецъ плаща архангела Михаила. Цвѣта одежды опредѣлить я не могъ, плащъ кажется свѣтлѣе нижней одежды, на головѣ надо лбомъ видна, повидимому, изъ-подъ плаща свѣтлая полоса головного убора. Плащъ обшитъ по краю бордюромъ, обозначеннымъ на натянутомъ краѣ его на правой рукѣ и на зигзагообразныхъ складкахъ, спадающихъ съ лѣвой. Одежда Божіей Матери и Христа исполнена оригинальнымъ способомъ: она вся усѣяна свѣтлыми, бѣлыми и розоватыми кубиками, насаженными на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, что, мѣшая уловить общій цвѣтъ одежды, производитъ, особенно теперь, когда цвѣта темныхъ кубиковъ не видно, весьма непріятное впечатлѣніе; въ одеждѣ Христа такихъ свѣтлыхъ кубиковъ еще больше. Особенно же некрасивы эти свѣтлые кубики, которые рябятъ въ глазахъ, на широкихъ вертикальныхъ складкахъ передъ лѣвою ногой Божіей Матери. Но надо думать, что эти свѣтлые кубики не бросались такъ рѣзко въ глаза, когда ясно видны были цвѣта промежуточныхъ, болѣе темныхъ. По сторонамъ Божіей Матери два архангела. Большая часть Михаила разрушилась, и мѣсто опавшей мозаики нынѣ заштукатурено. Лицо, по счастью, сохранилось и поражаетъ красотой, къ сожалѣнію, оно пришлось внѣ фокуса на болѣе фотографии; оно выложено изъ кубиковъ бѣловатыхъ, розоватыхъ, розовыхъ и красныхъ, а въ тѣняхъ, напр., подъ глазами и подъ бровями, а также на лбу справа немногихъ зеленоватыхъ, но не зеленыхъ. Широкая тѣневая полоса на правой щекѣ для обозначенія перехода отъ свѣта къ тѣни имѣетъ рядъ свѣтлыхъ, желтоватыхъ кубиковъ, вставленныхъ на нѣкоторыхъ

промежуткахъ одинъ отъ другого. Глаза голубые. Бѣлокурые волнистые волосы переданы на коричневомъ фонѣ бѣловатыми полосами, которыя, хотя и ясно выражаютъ характеръ волосъ, но не слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза. Большой нимбъ, не золотой, теперь онъ кажется бѣловатымъ, свѣтлѣе къ наружному краю, окаймленному темнокрасною и бѣлою полосами, чѣмъ къ головѣ. Буквы подписи на золотомъ фонѣ бѣлыя. Сфера въ правой рукѣ архангела темная, зеленовато-синяя съ небольшимъ крестикомъ, на ней начертаннымъ¹⁾. Видимая часть лѣваго крыла выложена изъ синихъ и зеленыхъ кубиковъ; въ верхней части его перья представлены на подобіе чешуи, а въ нижней, подъ рукою, видно темное пятно съ желтымъ ободкомъ, на подобіе пятенъ павлиняго хвоста. Правая рука, насколько она сохранилась, нарисована безжизненно, мускулатура не обозначена, хотя при изображенномъ поворотѣ особенно рѣзко мускулы и не выражаются. За то весьма реально переданъ въ нижней тѣневой части ея вставленными туда красными и зелеными кубиками рефлексъ отъ пестраго крыла. Лѣвой рукой, пальцы которой ясно видны, Михаилъ держитъ наклонно жезлъ, образуемый синеватыми контурами, изъ коихъ верхній свѣтлѣе нижняго, и золотою полоской между ними.

Отъ одеждъ сохранилось немного: бѣлый плащъ съ лѣвой руки спадаетъ такимъ же острымъ угломъ, какъ и у Божіей Матери; на краю его ясно виденъ знакъ въ видѣ буквы I; по бѣлой туникѣ, видимой изъ-подъ плаща, идетъ широкая золотая вертикальная полоса. Ступня ноги въ золотой сандалиі стоитъ на зеленомъ полѣ и изображена въ профиль. Поза архангела, судя по положенію этой ноги, вертикальнымъ складкамъ туники и положенію плаща, была спокойная: онъ стоялъ, повернувшись въ $\frac{3}{4}$ къ Божіей Матери, и держалъ въ правой рукѣ, протянутой передъ грудью, сферу, а въ лѣвой жезлъ.

Иного характера изображеніе Гавріила. Онъ представленъ въ быстромъ движеніи влѣво, по направленію къ Богородицѣ, хотя движеніе это и противорѣчитъ спокойной позѣ Михаила. Лице его рѣзко отличается отъ нѣжнаго лица Михаила, и вслѣдствіе темныхъ бровей, широкооткрытыхъ глазъ и морщины на лбу выглядит гораздо строже и даже нѣсколько грозно. Тѣнь вдоль носа слишкомъ рѣзко обозначена черною полосой. Волосы, перевязанныя надо лбомъ

1) Въ замѣткахъ моихъ значится еще крестикъ, стоящій на сферѣ, но страннымъ образомъ я не могу найти его на фотографіяхъ.

лентою, концевъ которой, «слуховъ», на фонѣ нимба, однако, не замѣтно, исполнены такъ же, какъ и у Михаила, но тутъ вмѣсто бѣловатыхъ полосъ космы обозначены полосами коричневыми и поэтому не столь рѣзки: очевидно, художникъ представлялъ себѣ волосы Гавріила болѣе темными. Въ тѣни на лѣвой щекѣ ясно виденъ тотъ же оригинальный приѣмъ передавать переходы свѣтотѣни чередующимися, здѣсь бѣловатыми и темносѣрыми кубиками; тоже самое видно и во многихъ мѣстахъ на одеждѣ. Складки ея переданы весьма живо и тщательно и достаточно вѣрно. Плащъ съ двумя темнокрасными знаками Н и Г покрываетъ лишь лѣвое плечо и лѣвую руку, какъ должно представлять себѣ и плащъ Михаила. На правомъ плечѣ и на нижнемъ краю хитона съ короткими, по локоть, рукавами видна вертикальная золотая полоса, выложенная изъ золотыхъ, желтоватыхъ и бѣловатыхъ кубиковъ. Въ лѣвой рукѣ Гавріиль держитъ жезлъ, переданный золотою и черною полосками, въ правой зеленоватую, теперь сильно почернѣвшую, сферу съ крестомъ или скорѣе буквою Х на ней. Вполнѣ сохранившіяся крылья являются здѣсь во всемъ ихъ оригинальномъ блескѣ: въ верхней части они чешучайтыя, что передаетъ, конечно, короткія перья, а ниже, вмѣсто обычныхъ отдѣльныхъ длинныхъ перьевъ, идутъ на сплошномъ полѣ крыла пестрыя глаза павлиняго хвоста, выложенныя синими, зелеными, красными, желтыми и иными кубиками. Всѣ три фигуры выдѣлены изъ золотого фона и сплошнаго зеленого поля, на которомъ онѣ стоятъ, рѣзкими контурами. Черными линіями помогаютъ иногда себѣ мастера и въ передачѣ переходовъ тѣни въ складкахъ и мускулахъ, такъ, напримѣръ, обозначенъ чрезмѣрно рѣзко мускуль на шеѣ Гавріила.

Въ общемъ мозаика производитъ впечатлѣніе мастерской по живости, свѣжести работы; къ сожалѣнію, отъ меня много скрыто было пылью и копотью, но надо надѣяться, что мозаика эта будетъ промыта и дождется лучшей публикаціи, чѣмъ настоящая, которую мнѣ приходится дѣлать по неполнѣ удачнымъ фотографіямъ, а большую при этомъ по лопнувшему въ верхней части изображенія негативу.

Въ надписяхъ, выводивъ изъ формъ буквъ которыхъ какія-либо хронологическія заключенія мы не дерзаемъ, поражаетъ наименованіе Богородицы «святою Маріей», что теперь для насъ представляется совершенно необычнымъ и что уже во время раздѣленія церквей поставляемо было восточными богословами въ вину Западу, какъ умаленіе

достоинства Пр. Дѣвы, которую Эфесскій соборъ призналъ Богородицею. Ранѣе собора такъ именовали Ее лишь мѣстами, общеупотребительнымъ же, если и не обязательнымъ, наименованіе это стало, конечно, лишь послѣ собора. Интересно, что даже у Кирилла Александрійскаго, ревностнаго защитника наименованія этого ¹⁾, находимъ мы однажды названіе большой эфесской церкви, въ которой засѣдалъ соборъ, церковью «τῆς ἁγίας Μαρίας», другой же «τῆς ἁγίας Μαρίας Θεοτόκου» (Migne, Patr. gr. 77, стр. 131 и 138), откуда, кажется, несомнѣнно, что церковь называлась церковью «Святой Маріи». Мы не въ силахъ прослѣдить по литературнымъ памятникамъ, когда и сколь быстро старое и простое имя «Святой Маріи» вытѣснено было богословскимъ опредѣленіемъ «Богородицы», но полагать, что немедленно же послѣ 431 года стали повсюду употреблять единственно новое или, по крайней мѣрѣ, окончательно освященное соборнымъ постановленіемъ имя Θεοτόκος, разумѣется, едва ли возможно. Поэтому наименованіе Божіей Матери на Китійской мозаикѣ «Святою Маріей» свидѣтельствуемъ, что мозаика эта, изображающая Божию Матерь въ небесномъ величіи Богородицею, согласно соборнымъ постановленіямъ, но дающая Ей старое имя, исполнена была тогда, когда это старое имя не было еще вытѣснено новымъ титуломъ. Опредѣлить время это хронологической датой мы не можемъ. Какъ на аналогіи надписи кипрской мозаики, укажемъ лишь на два памятника, къ сожалѣнію, точно хронологически также не опредѣленные: въ росписи александрійской катакомбы, повидимому, вѣка VI ²⁾, въ изображеніи чуда въ Канѣ Галилейской, стоитъ надпись **Η ΑΓΙΑ ΜΑΡΙΑ**, представляющая сходство съ китійскою и по начертанію буквъ, которыя, однако, въ мозаичной надписи гораздо уже. На пластинкѣ изъ слоновой кости въ Museo Trivulzi въ Миланѣ, относимой вѣку къ VI-ому, въ сценѣ Благовѣщенія надъ головою Божіей Матери стоятъ двѣ монограммы, которыя совершенно ясно и несомнѣнно читаются — **Η ΑΓΙΑ ΜΑΡΙΑ** ³⁾. М. И. Ростовцевъ

1) О немъ по позднѣйшему, конечно, сказанію сама Богородица говорила, «много подвижася Моя ради чести и онъ Мя въ человѣцѣхъ прославилъ и Богородицею нарече». (Изданія Общ. Люб. Др. Пис. 1877, II, къ стр. 4). Ср. Cedren. I, p. 575 сл. (ed Bonn.).

2) Bulletino di archeologia cristiana, 1865, стр. 58; Garrucci, 105. В. 5; о времени росписи см. Schultze, Die Katakomben, стр. 283—284.

3) Garrucci (453. 1.) прочелъ невѣрно: πηνυγία Μαρία; вѣрно прочелъ монограммы Westwood, A descriptive catalogue of the fictile ivories in the South Kensington Museum, London, 1876, стр. 366. Лучшій рисунокъ диптиха, чѣмъ данный у

указалъ мнѣ на находящійся въ Codex Epigraphicus Marini въ Ватиканской библіотекѣ (Cod. dat. 9071, p. 167) рисунокъ бронзовой гирьки, находившейся нѣкогда во Флоренціи, гдѣ, вокругъ обозначенія вѣса, буквами, выложенными серебромъ, значится † ΛΓΙΑ ΜΑΡΙΑ ΒΟΝΘΗΣΟΝ, а въ углахъ ΘΕΩΧΑΡΙΣ. Странная форма перечеркнутой наверху Α не позволяетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, судить о древности этой гири. На монетахъ Льва Мудраго (Garrucci, 482, 13. Saulcy, Essai de classification... des monnaies byzantines, табл. XIX. 7), надъ пояснымъ изображеніемъ Божіей Матери въ позѣ Оранты, стоитъ между двумя крестами надпись † ΜΑΡΙΑ †, но ниже прибавлено ΜΗΡ ΘΥ. Надпись η ἀγία πάρθενος Μαρία въ миниатюрѣ Ватиканской рукописи Космы Индоплова вѣка VII (см. Н. П. Кондакова, Исторія Византійскаго искусства, стр. 86 сл. франц. изд. I, стр. 137 сл.) ближайшей аналогіи не представляетъ, какъ по иной формѣ, такъ и по нахожденію надписи при изображеніи Божіей Матери въ ряду иныхъ святыхъ, а не при такомъ изображеніи Ея, какъ Богородицы, каковы на китійской мозаикѣ и миланской пластинкѣ.

Въ надписяхъ юстиніановскаго времени къ старой формѣ «Святая Марія» ¹⁾ прибавляется еще «Богородица» (C. I. Gr. 8640, 8643; ср. Papers of American School at Athen, II, № 280).

Орнаментъ горизонтальной полосы конхи при всей его простотѣ и обычности весьма напоминаетъ орнаментъ рамки, окружающей изображенія медиковъ въ вѣнской рукописи Діоскорида начала VI-го вѣка, хотя тамъ пересѣкающіеся круги крестообразно расположенныхъ отрѣзковъ и не представляютъ (см. рис. у Louandre'a, Les arts somptuaires).

Композиція мозаики поражаетъ несимметричностью: Божія Матерь изображена, согласно центральному Ея положенію, строго en face, архангелы же, составляющіе Ея небесную стражу, вмѣсто того, чтобы стоять въ сходныхъ, спокойныхъ и торжественныхъ позахъ царскихъ тѣлохранителей, какъ они и изображаются обыкновенно въ этой роли, представлены различно: Михаилъ, какъ то видно по уцѣлѣвшимъ

Гарручи, см. у Schlumberger'a, L'épopée Byzantine à la fin du X-me siècle, Paris, 1896, стр. 48. Но относить диптихъ къ X в. намъ кажется совершенно невозможнымъ, въ виду рѣзкаго различія стиля этого рельефа и всѣхъ остальныхъ, изданныхъ тамъ же и относящихся къ X—XI вв.

1) Надпись изъ Эзры (Трахонитида) η ἀγία Μαρία etc. (Waddington № 2502) затмняется слѣдующими словами (ibid. Explications, стр. 570) и можетъ быть не чисто христіанская.

остаткамъ его фигуры, стоялъ совершенно спокойно, Гавріиль же изображенъ быстро идущимъ влѣво.

Правда въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства нерѣдки фигуры, изображаемыя въ непомѣрно быстромъ или преувеличенномъ движеніи: почти всегда изображаются такъ волхвы съ дарами, нерѣдко и другія фигуры (см. напр. у Garrucci, 417.3, 437.2 и 5, 438.1, 439.3, 440.2, 447.1, 448.10, 452.1, 456 и т. д.), но тамъ эти отдѣльныя фигуры лишь оживляютъ композицію, не нарушая ея симметричности. Въ обычной композиціи Христа съ двумя получающими отъ Него «законъ» апостолами, симметричность также нарушается иногда болѣе сильнымъ движеніемъ правой фигуры, какъ и на нашей мозаикѣ (см. напр. Garrucci, 180.6, 332.12, 334.2 и 3, 335, 341.1, 345.1, 406.3, 484.14), но тамъ такая несимметричность объясняется тѣмъ, что Христосъ подаетъ «законъ» именно правой фигурѣ ¹⁾. На мозаикѣ же Кипа нарушение симметріи ничѣмъ, повидимому, не вызывается и поражаетъ тѣмъ болѣе, что во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ намъ изображеніяхъ ангеловъ въ подобныхъ сценахъ такой рѣзкой разницы въ позахъ ихъ не замѣчается.

Архангелъ Михаилъ, насколько можно судить по сохранившейся мозаикѣ, представляетъ значительное сходство съ изображеніемъ его въ ватиканскомъ свиткѣ Іисуса Навина ²⁾: разница объясняется тѣмъ, что тамъ Михаилъ, какъ ἀρχιστρατήγος δυνάμεως Κυρίου (Иисусъ Навинъ V. 13), изображенъ воиномъ съ мечемъ, въ высокой обуви и болѣе короткомъ воинскомъ плащѣ. Но поза одинакова: ступни лѣвой ноги нарисованы въ профиль; лѣвая рука согнута въ локтѣ и держитъ наклонно на миниатюрѣ ножны меча, на мозаикѣ жезлъ; лѣвое крыло изображено наклонно, такъ что видно лишь верхнюю, округлую часть его, но на миниатюрѣ наклонъ его больше и потому вверху оно нѣбомъ не пересѣкается, какъ на мозаикѣ. Очевидно, правую ногу и правое крыло, погибшія на мозаикѣ, должно представлять также согласно миниатюрѣ: ногу отставленной и повернутой такъ, что ступня нарисо-

1) Какъ еще одинъ примѣръ несимметричности композицій можно указать мозаичный портретъ Теодориха въ Равеннѣ, гдѣ изображенъ былъ въ срединѣ Теодорихъ, стоя съ копьемъ и щитомъ, слѣва олицетвореніе Рима, а справа въ быстромъ движеніи (проперанс) Равенна, стоя одной ногой на землѣ, другой на морѣ. См. Münz Amer. Journ. of Archaeol., I, стр. 124. Е. К. Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей, стр. 80.

2) См. рис. у Wickhoff'a и Hartel'я, Wiener Genesis, табл. 6.; прежніе рисунки Garrucci, 159, 1 и Н. П. Кондакова (Атласъ т. II, 1; франц. изд. I, стр. 99 = Schultze, Archäologie, рис. 109) довольно неточны.

вана была въ $\frac{3}{4}$ носкомъ наружу, а крыло далеко отведеннымъ влѣво отъ фигуры, гдѣ оно должно было заполнять значительное пространство между фигурою Михаила и вертикальною орнаментальною полосой по краю конхи.

Нимбъ на миниатюрѣ также бѣлый, каковы впрочемъ и всѣ прочіе нимбы свитка. Лице такое же юное, какъ и на мозаикѣ, гдѣ оно, въслѣдствіе небрежнаго исполненія миниатюры, смотритъ гораздо красивѣе, повернуто на обоихъ изображеніяхъ вправо, волосы изображены одинаково спадающими на шею, прикрывая ухо, и перевязанными лентою, концы которой (т. н. «слѹхи») не вьются, какъ то бываетъ обыкновенно на позднѣйшихъ изображеніяхъ англовъ, на фонѣ нимба; волны волосъ переданы на миниатюрѣ паралельными изогнутыми штрихами, которымъ на мозаикѣ соотвѣтствуютъ свѣтлыя, также паралельныя полосы; надо лбомъ волосы взбиты пучкомъ и прикрываютъ поэтому ленту, а такъ какъ на миниатюрѣ лице повернуто вправо сильнѣе, чѣмъ на мозаикѣ, то и ленты тамъ видно гораздо больше.

Такое сходство въ позѣ и типѣ этихъ обоихъ изображеній архангела Михаила должно быть объясняемо, очевидно, зависимостью ихъ обоихъ отъ общаго установившагося уже тогда типа изображеній архангела, но опредѣлить время и мѣсто возникновенія типа этого мы не въ состояніи. Въ мозаикахъ S. Maria Maggiore въ Римѣ архангелъ въ той же сценѣ, что и въ миниатюрѣ, изображенъ просто воиномъ съ копьемъ безъ крыльевъ и отличенъ отъ смертныхъ только голубымъ, зеленымъ нимбомъ (Garrucci, 251, 1. Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вв., стр. 127), но, въ виду явной зависимости этого рода мозаикъ отъ болѣе древнихъ миниатюръ лицевыхъ рукописей библии (ср. Д. В. Айналовъ, стр. 108—109) изъ такого изображенія архангела никакъ нельзя вывести, чтобы въ началѣ V-го вѣка не было иныхъ изображеній его въ ангельскомъ видѣ. Подтвержденіе предположенія о зависимости сравниваемыхъ изображеній архангела Михаила отъ обычнаго типа изображеній его (и, конечно, и другихъ ангеловъ также) видимъ мы въ сходныхъ фигурахъ ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ и Михаилъ китійской мозаики, и въ позѣ Михаила ватиканскаго свитка, на мозаикахъ триумфальной арки S. Maria Maggiore (Garrucci, 212, 1: второй ангелъ слѣва и 212.2: ангелъ сзади Божіей Матери), а также въ фигурѣ ангела передъ Іаковомъ въ вѣнскихъ отрывкахъ книги Бытія (Wickhoff und Hartel, Wiener

Genesis, табл. XXI), который весьма сходенъ позою съ Михаиломъ въ Кити и также держитъ жезлъ, но какъ и прочіе ангелы этихъ миниатюръ не имѣетъ никакого нимба ¹⁾.

Особенно и съ весьма ранняго времени чтился архангелъ Михаилъ внутри Малой Азіи, на границахъ Фригіи и Писидіи ²⁾; для временъ Константина культъ его засвидѣтельствованъ для Александріи и Константинополя; архангелъ Михаилъ ³⁾, чтимый и изображаемый иногда вмѣстѣ съ Гавріиломъ, стоялъ, однако, обыкновенно на первомъ мѣстѣ.

Памятники, конечно, весьма немногочисленные, и литературныя извѣстія свидѣлствуютъ о значительномъ разнообразіи изображеній архангеловъ въ эти древнѣйшія времена. Такъ Іоаннъ Злотоустъ видѣлъ

1) Указанная миниатюра интересна еще непомѣрно быстрымъ движеніемъ вправо другого ангела, подобно вышеуказаннымъ примѣрамъ.

2) См. собраніе извѣстій у Robert'a Sinker'a въ Dictionary of Christian Antiquities Smith'a, стр. 1176 сл. и Bonnet, Narratio de miraculo a Michael'e Archangelo Chonis patrato... Paris, 1890, стр. XXIV сл. XXXV; а также надпись въ Ath. Mitth. VII, 1882, стр. 144.

3) Интересный рассказъ о низверженіи бронзоваго идола, именовавшагося Михаиломъ, замѣнѣ его крестомъ и обращеніи храма Сатурна въ Александріи въ церковь Михаила, переданный Евтихіемъ Александрійскимъ въ рассказѣ о патріархѣ Александрѣ († 326 г.) (Eutychii Annales ed. Roscoe, 1659, I, стр. 495, ср. стр. 300), долженъ быть объясняемъ, вѣроятно, египетскимъ гностицизмомъ, гдѣ Михаилъ является очень часто геніемъ, то «змѣеобразнымъ» (см. Dieterich, Abraxas, стр. 126) — то со львиною головою (Origen. c. Cels., IV, 30, ed. Spencer, 1677, стр. 245); на одномъ рѣзномъ камнѣ имя Михаила стоитъ при изображеніи Гермеса (см. Io. Masarii Abraxas seu Aristopistus 1657, табл. XXI, № 85), что объясняется, вѣроятно, связью Михаила съ планетой Меркуріемъ, а на одномъ свинцовомъ амулетѣ изображеніе Михаила находится при изображеніи Анубиса, отождествляемаго съ Гермесомъ. Константину приписывалась постройка церковей арх. Михаила въ Анаплѣ и Сосееніи (Cramer, Anecdota Parisina, II, стр. 297); оба храма построены были послѣ видѣній: первый въ V вѣкѣ назывался Μιχαήλιον (Sozomen. Hist. eccles., II, 3), о второмъ Кедринъ (I, стр. 210 ed. Bonn.) передаетъ легенду подобную Александрійской: аргонавты поставили статую явившагося имъ челоуѣка съ орлиными крыльями, а Константинъ обратилъ это святилище въ храмъ арх. Михаила. Этотъ храмъ перестроенъ былъ Юстиніаномъ (Procop. de aedif. I, 8). Юстиніанъ же построилъ (отчасти на мѣстѣ старыхъ) храмы Михаила въ Константинополѣ I, 3. (стр. 185) противъ Анапла или Сосеенія I, 8 (стр. 198—199), на Босфорѣ въ т. н. Ἱερόν. I, 9. (стр. 201), въ Писидіяхъ въ Виеиніи V, 3 (стр. 316), приютъ арх. Михаила въ Пергѣ въ Памфилии V, 9 (стр. 329) и храмъ въ Антиохіи II, 10 (стр. 241), вѣроятно, на мѣстѣ сожженнаго Персами (Procop. de bello Persico, II, 11). О почитаніи Михаила въ VI вѣкѣ см. эпиграммы Палат. Анеологіи, I, №№ 9, 32, 33, 34, 35, 36. Надписи С. I. Gr. 8911 (едва ли столь древняя, какъ думалъ Россъ), 8843, 8907, 8909 В. Гораздо рѣже упоминаются церкви арх. Гавріила: въ Ликии, возстановленная въ 812 году (Petersen und Luschan Reisen in Lykien, стр. 39); въ Константинополѣ двѣ: т. н. Ἀδδᾶ, построенная Юстиномъ II (Кедринъ I, р. 685; ср. Кодинъ стр. 85 ed. Bonn) и въ Χάλδαϊς или Χάλλαϊς (Миней, 26 июля).

живописное изображеніе архангела, гнавшаго и попиравшаго толпы варваровъ, которое отцы VII Вселенскаго Собора и нѣкоторые современные археологи считали изображеніемъ ангела, истребившаго ассиріянъ (4 цар. 19,35), хотя такое изображеніе архангела могло находиться и въ иной исторической сценѣ, согласно многочисленнымъ рассказамъ объ ангельской помощи въ битвахъ (Дѣянія VII Собора, ed. Labbe, VII, стр. 202); Агаѳія видѣлъ въ нартексѣ ц. Іоанна Бого-слова въ Эфесѣ изображеніе архангела Михаила, дающаго нѣкому Оеодору Проконсулу поясъ магистра (Anthol. Palatina, I, № 36); весьма часто два архангела изображались по сторонамъ Христа, Божіей Матери или креста, но позы ихъ при этомъ, на всѣхъ извѣстныхъ намъ изображеніяхъ, и спокойны, и симметричны ¹⁾.

Интересную аналогію этому изображенію представляютъ рассказы гностическихъ книгъ о томъ, какъ Πίστις Σοφία, освобождаемая Христомъ изъ Хаоса, шла, имѣя около себя справа Гавріила, а слѣва Михаила (C. Schmidt, Gnostische Schriften in Koptischer Sprache aus

1) Житіе св. Прокопія (Acta SS. іюля, томъ II, стр. 560; фрагментъ болѣе древней редакціи въ Дѣяніяхъ VII Собора, ed. Labbe, VII, стр. 280; само житіе Болландисты относятъ къ acta sincera) рассказываетъ о серебряномъ крестѣ сирійской работы, гдѣ на верхнемъ концѣ (очевидно въ кругу) было изображено лице Эммануила, а на боковыхъ Михаила и Гавріила съ еврейскими якобы надписями при нихъ: можно сомнѣваться, конечно, что крестъ этотъ сдѣланъ былъ въ концѣ III-го вѣка въ Скиеополѣ Маркомъ, но нельзя отрицать существованіе этого или подобныхъ крестовъ во время написанія житія. Ср. крестъ имп. Юстина II (Gagucci, 430, 5), гдѣ Христосъ изображенъ однако въ болѣе позднемъ бородатомъ типѣ, а не юнымъ Эммануиломъ. Интересны были бы сбитыя изображенія на одной церкви VI в. въ центральной Сиріи, гдѣ посрединѣ помѣщена монограмма и имя ΧΡΙΣΤΟΣ, а по бокамъ фигуры ΜΙΧΑΗΛ и ΓΑΒΡΙΗΛ (M. de Vogüé, La Syrie Centrale, стр. 90). На мозаикѣ абсиды въ равеннской церкви св. Михаила въ Африкѣ изображенъ Христосъ Эммануилъ, справа и слѣва отъ него архангелъ Михаилъ и Гавріилъ (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 197 сл. рис. 55). Аналогію сирійскому рельефу представляетъ диптихъ въ Равеннѣ (Gagucci, 456, фот. Ricci 281), гдѣ по сторонамъ обычнаго изображенія вѣнка съ крестомъ внутри, несомато двумя ангелами (здѣсь, конечно, чисто орнаментальнаго значенія), какъ несутъ они часто и круглые портреты Христа, стоятъ два архангела въ придворныхъ костюмахъ; ср. мозаики Аполлинарія во Флотѣ, гдѣ архангелы стоятъ по сторонамъ триумфальной арки (Е. К. Рѣдинъ, стр. 183, рис. 51). Знаменитаго архангела св. Софіи Константинопольской мы считаемъ юстиніановскимъ не дерзаемъ. Интересно, что на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеніяхъ «собора (σύνχῆς) архангеловъ Михаила и Гавріила» они являются также держащими погрудное изображеніе Эммануила въ кругѣ, см., напримѣръ, русскій лицевой календарь XVII в. (Acta SS. мая томъ I, введеніе) или афонскую фреску у Didron'a, Histoire de Dieu, стр. 265, рис. 72. При изображеніяхъ Божіей Матери, ангелы обыкновенно именъ не имѣютъ, но надписи Китійской мозаики и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеній подобнаго содержанія показываютъ, что ихъ, когда являлись они въ числѣ двухъ, считали Михаиломъ и Гаврииломъ.

dem codex Brucianus, Leipzig, 1862, стр. 410), и это представление, будучи изображено, дастъ композицію подобную Китійской. Интересное и оригинальное изображеніе архангеловъ V или VI вѣка на дверяхъ церкви въ Аладжѣ на Таврѣ издано весьма неясно и лишь изъ описаній явствуется, что тамъ архангелы, вѣроятно, Михаилъ и Гавріилъ изображены стоящими на головахъ какихъ-то погрудныхъ изображеній; объясненія же этого изображенія, и какъ пораженія толпы враговъ (Bayet, Recherches, стр. 111), и какъ архангеловъ, стоящихъ на ихъ планетахъ (Lethaby) кажутся равно несостоятельными ¹⁾.

Наиболѣе же обыкновеннымъ изображеніемъ ангеловъ были, конечно, многочисленныя явленія ихъ ²⁾. Миниатюры ватиканскаго свитка и вѣнскихъ листовъ являются древнѣйшими и прекрасными примѣрами именно такого изображенія. Поза архангела, какъ нельзя лучше, подходитъ къ сюжету: онъ изображенъ какъ бы остановившимся на ходу и обращающимся съ рѣчью къ уstraшеннымъ явленіемъ Иисусу Навину и Іакову. Поэтому и изображеніе Михаила на китійской мозаикѣ, представлявшее его въ той же самой позѣ, кажется намъ заимствованнымъ съ обычнаго уже и тогда типа архангела Михаила и, именно, съ наиболѣе частыхъ изображеній явленій его. При примѣненіи этого традиціоннаго изображенія къ иному сюжету художникъ органичился лишь необходимымъ измѣненіемъ его: въ правую руку архангела вложена была сфера согласно многочисленнымъ изображеніямъ съ нею архангеловъ, напр., на вышеуказанномъ равеннскомъ диптихѣ, на великолѣпной створкѣ диптиха Британскаго музея (Garrucci, 457.2) и т. д.

Уяснить себѣ значеніе этихъ сферъ въ рукахъ архангеловъ мы не можемъ, такъ какъ обыкновенно сфера была атрибутомъ самихъ міродержателей, а не ихъ тѣлохранителей. Единственно возможное объясненіе появленія сферъ въ рукахъ архангеловъ мы видимъ пока въ подражаніи обычнымъ въ позднеантичномъ искусствѣ изображеніямъ

1) Описаніе и рис. см. у Headlam'a, Ecclesiastical sites in Isauria, London, 1892, стр. 10; сл. Lethaby тамъ же стр. 12, примѣчаніе.

2) Дамаскинъ въ своемъ «Θησχυρός» слово 18-ое исчислилъ 46 явленій архангела Михаила и ни одного явленія Гавріила, хотя значительная часть ихъ заимствована изъ ветхозавѣтной исторіи, но и число явленій арх. Михаила въ христіанское время могло бы быть, конечно, значительно умножено.

3) Двѣ женскихъ фигуры со сферами въ рукѣ объясняемыя какъ Римъ и Константинополь находятся на непонятномъ въ сущности одномъ Vetro d'oro Garrucci, 201, 4.

Рима и Константинополя, стоящихъ по сторонамъ консула, сферы въ рукахъ которыхъ были вполне понятны и умѣстны, но и тамъ, напр., на блюдѣ Фл. Ардабура Аспара (434 г.) сферу держитъ обыкновенно лишь одна фигура.

Эта фигура Михаила въ позѣ, заимствованной изъ изображеній его явленій, не представляла бы, въ сущности, ничего поразительнаго, если бы и Гавріиль былъ изображенъ въ подобной же спокойной позѣ. Его фигура, представленная въ быстромъ движеніи налѣво, рѣзко нарушаетъ симметричность изображенія и еще болѣе, чѣмъ фигура Михаила, указываетъ на заимствование ея изъ композиціи со-всѣмъ иного характера.

Кромѣ указанныхъ выше изображеній обоихъ архангеловъ въ роли почетной стражи, гдѣ они никогда не изображались въ столь быстромъ движеніи, какъ Гавріиль Китійской мозаики, извѣстенъ лишь одинъ типъ изображеній архангела Гавріила отдѣльно — въ роли вѣстника: онъ благовѣствуетъ Захаріи и Богородицѣ, а въ апокрифическихъ евангеліяхъ также и Іоакиму, и намъ кажется вполне возможнымъ, что фигура Гавріила на нашей мозаикѣ заимствована именно изъ изображеній Благовѣщенія. Правда, на большинствѣ древнѣйшихъ изъ этихъ изображеній архангелъ изображается не въ столь быстромъ движеніи, какъ на нашей мозаикѣ, и притомъ нерѣдко подходящимъ слѣва¹⁾, а не справа²⁾. Но можно указать примѣры, гдѣ благовѣствующій ангелъ подходитъ и справа и столь же преувеличенно быстро, какъ на нашей мозаикѣ: таковы изображенія ангела, являющагося Іосифу, на пластинкѣ изъ слоновой кости, принадлежавшей коллекціи Салтыкова (Garrucci, 447. 1), гдѣ Гавріиль идетъ влѣво

1) Сирійское евангеліе 589 года (Garrucci, 130. 1); сирійская миниатюра Эчміадзинскаго евангелія (Strzygowski, Byzant. Denkmäler I, табл. V); Миланскій окладъ слоновой кости (Garrucci, 454); диптихъ Тривульчи (Garrucci, 453. 1); ампулы въ Монцѣ (Garrucci, 453. 8); и обыкновенно на позднѣйшихъ изображеніяхъ Благовѣщенія, о которыхъ см. статью Millet въ Bull. de Corr. Hell. XVIII (1895), стр. 453 сл.; но и въ позднѣйшее время оказывается примѣръ изображенія Благовѣщенія, гдѣ Гавріиль быстро подходитъ справа, см. эмалевый образокъ въ Шемокмеди (Schlumberger, L'époque Byzantine, рис. на стр. 129. Н. П. Кондаковъ, Опись памятниковъ древностей въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, рис. 54).

2) Справа, но въ позѣ болѣе спокойной, чѣмъ на нашей мозаикѣ, Гавріиль изображенъ въ римскихъ катакомбахъ, гдѣ однако архангелъ безъ крыльевъ. Ср. мозаику S. Maria Maggiore (Garrucci, 212. 1), саркофагъ вѣка VI-го въ Равеннѣ (Garrucci, 344. 3; — лучше Liell, Die Darstellungen... der... Maria 1887, рис. 9), Эчміадзинскій диптихъ (Strzygowski, Byz. Denk. I, табл. I. 2), Уваровскій диптихъ (ibid. стр. 43), Парижскій диптихъ (Garrucci, 458. 2), кресло еп. Максимилиана (Gar-

почти столь же быстро, какъ и на мозаикѣ; еще быстрѣ идетъ влѣво ангелъ къ Іонѣ на равеннскомъ диптихѣ (Garrucci, 456), и, наконецъ, на золотомъ энколпій Оттоманскаго музея, найденномъ близъ Аданы, видимъ мы архангела Гавріила, быстро подходящаго къ Божіей Матери справа (Strzygowski, Byzant. Denkm. I, табл. VII. 2); но будучи очень малымъ, это послѣднее изображеніе не позволяетъ детально сравнить его съ нашей мозаикой. Этихъ примѣровъ мы полагаемъ достаточно, чтобы предполагать существованіе изображеній Благовѣщенія, гдѣ архангелъ быстро подходилъ къ Божіей Матери справа, тѣмъ болѣе, что среди вышеуказанныхъ изображеній Благовѣщенія нѣкоторыя (Garrucci, 337. 4 и 478. 29—30) явно происходятъ отъ подобныхъ болѣе древнихъ композицій съ быстро идущимъ архангеломъ, движеніе котораго стало болѣе тихимъ, а потому поза его и не совсѣмъ естественной. Несмотря на быстрое движеніе Гавріила влѣво, на мозаикѣ, какъ и на большинствѣ иныхъ подобныхъ изображеній, видно, однако, и правое крыло, но оно не отведено влѣво такъ далеко, какъ на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ композицій, а пересѣкается контуромъ своимъ съ нимбомъ и сферою архангела Михаила, очевидно, ради симметріи и по недостатку свободнаго мѣста слѣва. Обычный жестъ обращенія съ рѣчью пришлось измѣнить здѣсь и дать въ правую руку Гавріила сферу, жезлъ же могъ быть и въ композиціи Благовѣщенія.

Оба архангела одѣты въ бѣлыя одежды обычнаго на памятникахъ V—VI-го вѣковъ покроя. Первыми примѣрами примѣненія къ архангеламъ наряда дворцовой гвардіи, намъ извѣстными, являются вышеупомянутые равеннскіе диптихъ и мозаика Аполлинарія во Флотѣ, но, конечно, эти первые примѣры новаго наряда не могутъ считаться границею употребленія прежнихъ типовъ и на многихъ позднѣйшихъ памятникахъ ангелы продолжаютъ носить бѣлыя одежды. Въ началѣ VI-го вѣка Северъ, еп. Габаль въ Сиріи, въ проповѣди доказывалъ, что ангеловъ слѣдуетъ изображать въ бѣлыхъ, а не пурпуровыхъ одеждахъ (Дѣянія VII собора, ed. Labbe, VII, стр. 372), изъ чего можно заключить о томъ, что тогда господствовалъ первый типъ. Въ миниатюрахъ Ватиканской рукописи Космы Индоплова ангелы носятъ цвѣтные (см. Garrucci, I, стр. 294), но не придворныя одежды; однако, употребленіе красокъ въ миниатюрахъ было, конечно, гораздо произ-

гусси, 417. 1), пиксида въ Minden'ѣ (Garrucci, 437. 4), пластинка слоновой же кости (Garrucci, 447. 1), рѣзные камни (Garrucci, 478, 29 и 30).

вольнѣе, чѣмъ въ монументальномъ искусствѣ. Знаки на плащахъ весьма обычны на памятникахъ IV—VI вѣковъ; если на мозаикахъ Рима они оказываются иногда и гораздо позднѣе, то это отнюдь не можетъ доказывать, чтобы они могли быть изображаемы въ то же время и на Востокѣ, такъ какъ тамъ при непрерывномъ развитіи искусства нельзя предполагать такого рабскаго копированія древнихъ памятниковъ, какъ то видно въ позднихъ мозаикахъ Рима: на Востокѣ искусство стояло, конечно, всегда на уровнѣ современности, какова бы она ни была ¹⁾).

Это же слѣдуетъ помнить и при хронологической оцѣнкѣ того обстоятельства, что нимбъ архангела Михаила не золотой. Каковъ нимбъ Гавріила, я подъ слоемъ копоти не разобралъ, нимбъ же Михаила кажется теперь бѣловатымъ и, какъ то видно и на фотографіяхъ, къ краямъ онъ свѣтлѣе, чѣмъ въ срединѣ. Въ позднѣйшія времена, нимбы ангеловъ также, какъ и святыхъ и Христа, бываютъ обыкновенно золотыми. Однако на древнѣйшихъ памятникахъ, когда является нимбъ, то онъ не всегда бываетъ золотымъ даже у Христа. Такъ, въ церкви св. Констанцы въ Римѣ на мозаикахъ, относящихся, быть можетъ, еще къ IV-му вѣку (Müntz, *Rev. archéol.* I, 1878, I, стр. 253, de Rossi *Musaici*, вып. 17—18; иначе Д. В. Айналовъ, *Мозаики IV и V вв.*, стр. 33), нимбъ Христа синевато-зеленый, состоящій изъ полосъ разныхъ оттѣнковъ (см. подробности у Д. В. Айналова, стр. 29), на мозаикахъ арки церкви S. Maria Maggiore то голубой, то золотой (Д. В. Айналовъ, стр. 85), въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи уже золотой, а между тѣмъ въ абсидѣ церкви Космы и Даміана (526—530 г.г.) серебряный. Ангелы въ церкви S. Maria Maggiore имѣютъ нимбъ голубого или бѣловатаго цвѣта, въ церкви Космы и Даміана голубые и, какъ и въ S. Maria Maggiore, прозрачные (Д. В. Айналовъ, стр. 77). Въ Равеннѣ, въ VI-мъ вѣкѣ, въ церкви Аполлинарія Новаго зеленовато-голубые; на мозаикѣ (640—642 г.г.) въ капеллѣ св. Венанція нимбы и Христа, и ангеловъ бѣлые, прозрачные на подобіе тумана. Въ равеннской церкви св. Виталія у ангеловъ стоящихъ въ сводѣ пресвитерія нимбы свѣтлозеленые, у парящихъ, поддерживая вѣнокъ — серебристые, такіе же и у стоящихъ по сторо-

1) О знакахъ этихъ, обыкновенно буквахъ см. Kraus, *Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer*, I, стр. 176; сл. Strzygowski, *Byzant. Denkm.* I, стр. 63, который предѣльной гранью ихъ полагаетъ 800 годъ, но не указываетъ ни одного восточнаго памятника позднѣе евангелія 586 года. Миниатюры могутъ копировать весьма отдаленные оригиналы, искусство же монументальное, какова мозаика, тамъ, гдѣ оно живетъ еще, рабски копировать древнихъ оригиналовъ не будетъ.

намъ Христа и у ангеловъ въ капеллѣ Петра Хризолога (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 127, 146, 158, 172), а у Михаила и Гаврііла въ церкви св. Аполлинарія во Флотѣ — голубые (Е. К. Рѣдинъ, стр. 184). Въ мозаикахъ Рима синіе нимбы являются часто и на позднѣйшихъ, подражательныхъ мозаикахъ ¹⁾.

Но, съ другой стороны, единственный ангелъ Россанскаго евангелія (Gebhardt und Harnack, Codex Rossanensis, стр. XL) имѣетъ золотой нимбъ; въ сирійскомъ евангеліи 586 года нимбы ангеловъ въ изображеніи Вознесенія золотые съ голубымъ ободкомъ, въ изображеніи Воскресенія золотые же, но съ краснымъ (Garrucci, III, стр. 62), и Благовѣщенія — зеленый (ib. 55), а у иныхъ (въ изображеніи Благовѣщенія Захаріи?) голубой (Н. П. Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 75). Въ миниатюрахъ сирійскаго же евангелія Парижской Национальной библіотеки нимбы ангеловъ, по свидѣтельству Н. П. Кондакова (стр. 84) синіе, въ описаніи же Е. К. Рѣдина (Археолог. Извѣстія и Замѣтки 1895, стр. 84) упомянутъ лишь одинъ розовый нимбъ ²⁾. Къ сожалѣнію, именно для послѣдующихъ временъ оказывается недостатокъ восточныхъ монументальныхъ памятниковъ: въ мозаикахъ купола св. Софіи Солунской, относимыхъ теперь къ VII-му вѣку (Laurent въ Byzant. Zeitschrift, 1895, стр. 431 сл.), нимбы ангеловъ золотые и отдѣлены отъ такого же фона лишь голубою полоской. Знаменитый ангелъ въ св. Софіи (Salzenberg Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel, табл. XXI) имѣетъ золотой нимбъ, но опредѣлить время его по рисунку этому невозможно. Изъ примѣровъ этихъ видно, что съ VI-го вѣка на Востокѣ начинаютъ придавать ангеламъ золотые нимбы; сколь долго могли быть и примѣняемы еще прежніе голубые, опредѣлить нельзя, но, повидимому, мозаики капеллы св. Венація, если онѣ исполнены восточными мастерами, являются послѣднимъ примѣромъ, гдѣ ангелы не имѣютъ еще золотыхъ нимбовъ.

1) Разрушенный ораторій папы Іоанна VII (705—707, Rossi, *Mosaici*, вып. 23); ц. Нерей и Ахиллея (795—816), Rossi, вып. 21—21; на мозаикахъ папы Пасхалія (817—8): абсида Пракседы, копирующая церковь Космы и Даміана, и триумфальная арка Пракседы же (Rossi, вып. 11—12); церковь *Maria in Domnica* (Rossi, вып. 15—16), гдѣ у переднихъ четырехъ архангеловъ нимбы золотые, у прочей же толпы ангеловъ лишь синіе.

2) На вѣнскихъ листкахъ книги Бытія ангелы вовсе безъ нимбовъ; цвѣтъ ихъ въ остаткахъ Коттоновой библии у Гаруччи III, стр. 47) не указанъ. Strzygowski (Byzant. Denkmäler. I) не отмѣтилъ цвѣта нимбовъ у ангеловъ сирійскихъ миниатюръ Эчміадзинскаго евангелія, вѣроятно, потому, что они тамъ золотые, какъ то бываетъ обыкновенно на византійскихъ памятникахъ послѣдующихъ временъ.

Что же касается нимба Христа, то съ VI-го вѣка онъ обыкновенно помѣщается внутри креста, напр., въ церквахъ св. Виталія, Аполлинарія Новаго и т. д. (Е. К. Рѣдинъ, стр. 153, 93); однако въ церкви св. Космы и Даміана нимбъ — гладкій серебряный; извѣстную лишь по старымъ рисункамъ мозаику церкви св. Агаты Великой въ Равеннѣ, построенной въ 396—425 гг., отказываются (Müntz, *American Journal of Archeology* I (1885), стр. 118, Е. К. Рѣдинъ, стр. 212) относить къ V вѣку вслѣдствіе того, что Христосъ и тамъ уже имѣетъ крестчатый нимбъ. Однако миниатюра евангелія 586 года указываетъ, что старая традиція держалась еще мѣстами и тогда; равнымъ образомъ безъ креста же нимбъ Христа и въ капеллѣ св. Венанція; но папа Пасхалій, копируя въ св. Пракседѣ мозаики Космы и Даміана, далъ уже Христу золотой крестчатый нимбъ.

Для замѣчательной особенности ангеловъ Китійской мозаики — крыльевъ, расцвѣченныхъ на подобіе павлиньяго хвоста, мы не можемъ указать ни одного тождественнаго примѣра. Единственной аналогіей являются слова Н. П. Кондакова о мозаикѣ синайскаго монастыря: «крылья ангеловъ—говоритъ онъ (Путешествіе на Синай, стр. 79)—въ тѣневыхъ частяхъ зеленыя съ павлиньими глазками на концахъ»: отсюда не видно, тождественны ли они съ крыльями китійскихъ ангеловъ, т. е. представляютъ ли и тамъ крылья сплошное поле, усѣянное пестрыми глазками или же, какъ обыкновенно, крылья состоятъ изъ длинныхъ и широкихъ отдѣльныхъ перьевъ и лишь на концѣ каждого изъ нихъ помѣщено по глазку; къ сожалѣнію рисунокъ Норова мнѣ недоступенъ, а рисунокъ Делаборда (Gaguisi, 268) не даетъ ничего. Между обычными изображеніями многоочитыхъ херувимовъ, крылья которыхъ усѣяны глазами, и крыльями китійскихъ ангеловъ никакой связи быть не можетъ: тамъ глаза предполагаются реальными, здѣсь же пятна павлиньяго хвоста примѣнены лишь декоративно, хотя и не совсѣмъ логично будучи помѣщены на крылья¹⁾.

1) Однако на одномъ изображеніи херувимовъ глаза на крыльяхъ ихъ оказываются переданными на подобіе глазковъ павлиньяго хвоста и при этомъ, какъ и на китійской мозаикѣ, лишь въ нижней части крыльевъ, верхняя же раздѣлана обычными чешуйчатыми короткими перьями; но что мѣшаетъ видѣть въ изображеніи этомъ ближайшую связь съ китійской мозаикой, такъ это то, что у обыкновенныхъ ангеловъ на томъ же самомъ барельефѣ крылья обычныя изъ широкихъ длинныхъ перьевъ въ нижней части. Изображеніе это находится на рельефахъ, украшающихъ алтарь въ Cividale и исполненныхъ, судя по надписи лангобардскаго короля Ratchis, около 744—749 годовъ. Грубая варварская работа позволяетъ предполагать зависимость рельефа этого отъ лучшихъ, восточныхъ, вѣроятно, оригиналовъ, каковыя

Этому декоративному примѣненію ихъ еще болѣе ненатуральная аналогія оказывается въ мозаикахъ купола св. Георгія въ Солуни, гдѣ обычные сходящіеся къ центру желобки конхи двухъ изъ фантастическихъ зданій, а, именно, тѣхъ, передъ которыми стоятъ свв. Онисифоръ съ Порфиріемъ и Василискъ съ Прискомъ, украшены сплошь заполняющими ихъ павлиньими перьями съ ихъ характерными пестрыми глазками. Весьма интересно, что единственный извѣстный намъ примѣръ украшенія крыльевъ ангеловъ пятнами павлиняго хвоста оказывается на Синаѣ, гдѣ работали скорѣе александрійскіе или сирійскіе мозаичисты, чѣмъ константинопольскіе.

Фигура Божіей Матери, держащей Христа-Младенца на лѣвой рукѣ, съ которой свѣшивается длиннымъ концемъ покрывало, несмотря на всю простоту композиціи, имѣетъ однако нѣкоторыя черты, которыя придаютъ этому изображенію, очевидно, согласно задачѣ художника, торжественный, монументальный характеръ: таково положеніе головы Божіей Матери, смотрящей строго en face на зрителя, а не на Младенца, какъ то было бы естественнѣе и какъ изображается обыкновенно Богородица на позднѣйшихъ Ея восточныхъ и западныхъ иконахъ; Младенецъ сидитъ на лѣвой рукѣ Ея также въ слишкомъ искусственной и мало натуральной позѣ; лицо Его изображено en face, что для этой сидящей бокомъ фигуры еще менѣе естественно, чѣмъ для Божіей Матери; одежды взрослого человѣка, не говоря уже о благословеніи правою рукой, ясно свидѣлствуютъ о томъ, что художникъ этою условностью и торжественностью обѣихъ фигуръ желалъ выразить божественность изображаемыхъ. Откуда именно возникъ такой типъ изображеній Божіей Матери со Христомъ, мы точно указать не можемъ; но на вопросъ, вышелъ ли онъ изъ реальныхъ изображеній матери съ сыномъ путемъ внесенія вышеуказанныхъ особенностей христіанскими художниками, или же послѣдніе имѣли уже предъ собою античныя примѣры изображеній подобнаго монументальнаго характера, болѣе вѣроятнымъ отвѣтомъ кажется второй. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя классическія изображенія различныхъ *θεῶν κορηστρόφων*, достаточно указать лишь на поздне-античныя изображенія стоящихъ женщинъ съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ, съ которой также свѣшивается конецъ плаща, извѣстные главнымъ образомъ по монетамъ, гдѣ онѣ являются подъ име-

нужно предполагать и для иныхъ рельефовъ этого рода. См. рис. у Gaggiucci, 424. 1; Cattaneo, *Architecture en Italie du VI au XI siècle*. Venise. 1891. стр. 98—99.

нами различныхъ олицетвореній и примѣняются для условныхъ и монументальныхъ фигуръ, каковы: Iuno Lucina, Fecunditas Augusta, Pietas Augusta, подъ которыми разумѣлись иногда царствующія императрицы¹⁾. Эти изображенія статуарнаго характера предполагають существованіе и статуй подобнаго типа, хотя послѣднихъ сохранилось, повидимому, очень мало: мы можемъ указать одну лишь, найденную въ Нумидіи, съ надписью на базѣ Nutricis Augustae²⁾. Правда, на изображеніяхъ этихъ ребенокъ бываетъ обыкновенно нагимъ, но на барельефѣ временъ Траяна на римскомъ форумѣ ребенокъ, сидящій на лѣвой рукѣ подобнаго олицетворенія, считаемаго тутъ Италіей, одѣтъ въ одежды взрослого человѣка (Monumenti inediti, IX, табл. 47; Annali, 1872, стр. 319 сл.; Jordan, Topographie der Stadt Rom im Alterthum, I. 2, стр. 222, табл. IV). Всѣ эти античныя изображенія женскихъ фигуръ съ ребенкомъ рѣзко отличаются, конечно, отъ христіанскихъ изображеній Божіей Матери и стилемъ, и одеждами, что не мѣшаетъ, однако, видѣть въ нихъ тотъ матеріалъ, которымъ воспользовались христіанскіе художники, когда потребовалось изображеніе Божіей Матери съ Христомъ болѣе торжественнаго и монументальнаго характера, чѣмъ безхитростные типы живописи катакомбъ, которая и по происхожденію, и по задачамъ своимъ чужда всякой монументальности, будучи частною, домашнею.

Съ древнѣйшимъ монументальнымъ изображеніемъ Божіей Матери, стоя и держа на рукахъ Младенца Христа, на мозаикахъ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ, именно, въ сценѣ Срѣтенія, китійская мозаика имѣетъ значительную разницу: тамъ (Garrucci, 212. 2, Rossi, Musaici, вып. 24—25, Д. В. Айналовъ, стр. 79, табл. I), согласно содержанію изображенія, Божія Матерь изображена идущею вправо, а Христосъ сидящимъ на лѣвой же рукѣ, но обращеннымъ не къ матери, а къ

1) См., напримѣръ, у Cohen, Description historique des monnaies romaines (по 2-му изданію 1880—1892 годовъ), томъ II, стр. 331 (рис.) Антонинъ (159 г.) Pietas Aug. №№ 620—625, 627—632; III, 144 Фаустина Младшая Fecunditas Aug. №№ 99—102; ib. 147 она же Iuno Lucina №№ 134—137; IV, 109 Юлія Домна Fecunditas №№ 39, 45; 46; V. 501 Салонина Fecunditas № 42—46; VII. 78 Констанцій Хлоръ Pietas №№ 215, 217; ib. 96 (рис.) Елена Pietas Aug. Fel. № 7; ib. 98 (рис.) Θεοδώρα (жена Конст. Хл.) Pietas reipublicae № 3—5 и Pietas Romana (Garrucci, 481. 20); ib. 334 (рис.) Фавста (жена Константина В.) Pietas. № 4.

2) Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich, XIX, 1896, рис. на стр. 16; ср. еще странную статую въ длинной одеждѣ съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ ib. VIII, 1884, табл. I, которую, однако, издатель имѣетъ основанія считать мужскою (ib. стр. 70).

Симеону, готовящемуся взять Его. Важнѣе разница въ отсутствіи у Божіей Матери мозаики S. Maria Maggiore нимба, въ роскошныхъ, пестрыхъ одеждахъ Ея, въ отсутствіи покрывала на головѣ, въ украшеніи ушей серьгами: тутъ, какъ и въ остальныхъ двухъ изображеніяхъ Ея на той же аркѣ, Божія Матерь изображается въ величіи лишь земномъ, чѣмъ она рѣзко отличается отъ позднѣйшихъ изображеній, а въ числѣ ихъ и отъ китійскаго, гдѣ она изображается въ величіи небесномъ въ ущербъ великолѣпію земному, въ нарядѣ болѣе скромномъ. Изображенія Божіей Матери на мозаикахъ S. Maria Maggiore свидѣлствуютъ на нашъ взглядъ о томъ, что на нихъ Божія Матерь, хотя согласно легендамъ и охраняемая ангелами (см. Д. В. Айналовъ стр. 80), изображена однако еще Маріею, не Богородицей. Постановленія Эфесскаго собора выражены уже, какъ указывали мы выше, въ фигурѣ Христа въ сценѣ поклоненія волхвовъ, но Божія Матерь остается еще простою смертною, подобно тому, какъ на мозаикѣ Кити, наоборотъ, изображена уже Царица Небесная, а названа старымъ именемъ «святой Маріи».

Поэтому изъ сравненія Божіей Матери Китійской мозаики съ мозаиками S. Maria Maggiore, несомнѣнно, слѣдуетъ, что послѣднія древнѣе. Къ сожалѣнію, древнихъ мозаикъ въ алтарной конхѣ S. Maria Maggiore не сохранилось, а онѣ давали бы еще болѣе интересный матеріалъ для сравненія, какъ по одинаковому положенію въ церкви, такъ и по тому, что и тамъ, вѣроятно, сообразно имени церкви, первое мѣсто въ композиціи занимала Богородица. De Rossi остроумно предполагаетъ тамъ на основаніи стихотворной эпиграммы, находившейся подъ дверью, изображеніе Божіей Матери, принимающей множество подходящихъ къ ней святыхъ съ вѣнцами въ рукахъ, но онъ напрасно представлялъ его себѣ такимъ же, какъ въ Аполлинаріи Новомъ въ въ Равеннѣ: устраненіе Божіей Матери съ обычнаго мѣста Ея въ композиціи поклоненія волхвовъ позволяетъ сомнѣваться, чтобы Она въ абсидѣ сидѣла на тронѣ, оберегаемомъ ангелами, т. е. въ божественномъ величіи. Когда и гдѣ заняла она впервые это положеніе, принадлежавшее ранѣе и даже въ первые годы послѣ Эфесскаго собора, какъ свидѣлствуютъ о томъ мозаики S. Maria Maggiore, одному лишь Христу, мы не знаемъ, Китійская же мозаика представляетъ уже Божію Матерь въ этомъ божественномъ типѣ, а между тѣмъ надпись 'Η ἁγία Μαρία свидѣлствуетъ, что тогда утвержденное Эфесскимъ соборомъ величаніе Ея Богородицей не прилагалось

еще къ изображеніямъ Божіей Матери столь неукоснительно, какъ бываетъ обыкновенно на позднѣйшихъ Ея иконахъ и иныхъ изображеніяхъ, которыя могутъ иногда, конечно, и не имѣть никакого надписанія, но разъ оно есть, то это будетъ или $\overline{\text{MP.}} \overline{\text{ΘΥ.}}$ или $\overline{\text{ΘΕΟΤΟ-}}$
 $\overline{\text{ΚΟΣ.}}$

Сходство китійской фигуры Божіей Матери съ обычнымъ типомъ многочисленныхъ позднѣйшихъ иконъ и, именно, носящихъ имя «Одигитріи» сразу бросается въ глаза и заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія въ виду того, что икона эта, пользовавшаяся такою славой въ Византіи и внѣ ея, принесена была якобы въ половинѣ V-го вѣка изъ Сиріи, Іерусалима или Антіохіи, что указывало бы на происхожденіе типа изображенія Божіей Матери на мозаикѣ Кити тѣмъ вѣроятнѣе, что и въ сирійскомъ евангеліи 586 года Божія Матерь изображена въ томъ же самомъ типѣ. Къ сожалѣнію, исторія иконы цареградскаго монастыря τὸν Ὁδηγῶν, хотя и излагалась многаяжды¹⁾, но тождество иконы, присланной Евдокією, что свидѣтельствуется авторъ еще VI-го вѣка (Θеодоръ Чтець, но лишь въ эксерптѣ XIV-го вѣка Никифора Каллиста Ксанеопула (см. въ изданіи Вalezія Θεодорита и Eвагрія. *Moguntiae*, 1679, стр. 551), съ находившейся позднѣе въ монастырѣ Ὁδηγῶν, основывается, повидимому, лишь на преданіи о построеніи послѣдняго Евдокією же, которое однако въ виду утвержденія Кодина (стр. 80, ed. Bonn.) о построеніи его Михаиломъ Пьяницей можетъ также подлежать сомнѣнію, хотя во фрагментахъ Θεодора Чтеца у того же Каллиста построеніе храма этого (о. с. стр. 552) и приписывается Евдокіи. Наиболѣе же сомнѣній возбуждаетъ то обстоятельство, что среди многочисленныхъ свидѣтельствъ объ иконопочитаніи, собранныхъ защитниками святыхъ иконъ въ эпоху иконоборства, насколько мы ознакомились съ литературою этой, не находится упоминанія ни о самой иконѣ Одигитріи въ Константинополѣ, ни о фактѣ посылки туда иконы Евдокією изъ Палестины, хотя Іоаннъ Дамаскинъ и эксерпировалъ того же самаго Θεодора Чтеца (въ Прибавленіи къ III-му слову о святыхъ иконахъ *Migne, Patrol. Gr.* 94, стр. 1397). Изъ изображеній Одигитріи, засвидѣствованныхъ надписями, на печатяхъ

1) См., напр., Garrucci, I, стр. 409 и 508; III, стр. 18; VI, стр. 134. Veludo, *Imagine della Madonna di S. Marco, Venezia*, 1887, стр. 35 сл. Н. П. Кондаковъ, *Византійскія церкви и памятники Константинополя*, стр. 14 сл. А. А. Павловскій, *Живопись Палатинской капеллы въ Палермо*, 1890, стр. 143 сл.

ни одно (см. Schlumberger, *Sigillographie byzantine*, стр. 37—38; Христосъ сидитъ иногда по ошибкѣ рѣзчика, напр. рис. на стр. 38 и 149, на правой рукѣ) не восходитъ, повидимому, ко временамъ ранѣе торжества православія. Намъ извѣстно лишь одно свидѣтельство, гдѣ можно было бы видѣть указаніе на широкое распространеніе почитанія этой иконы еще въ VII-мъ вѣкѣ, если бы оно не допускало различныхъ толкованій: Леонтій Махера (стр. 70—71, изд. *Σαδά*), рассказывая о вскрытіи сарацинами во время одного изъ нашествій ихъ на Кипръ гробницы св. Трифилія, помѣщаетъ ее *εἰς τὴν Ὀδηγητρίαν*, а переводчикъ его на итальянскій языкъ, Strambaldi (стр. 15, ed. Mas Latrie), in Nicosia nella chiesa de Santa Odigitria. Передача же написаннаго на Кипрѣ житія святого въ одномъ синаксарѣ X-аго якобы вѣка, передавая этотъ рассказъ, относитъ нашествіе ко временамъ Ираклія, гробницу Трифилія помѣщаетъ въ большой построенной имъ церкви, но Одигитріею ее не называетъ, равно какъ не опредѣляетъ точнѣе и мѣста ея нахождения (см. *Acta SS.* іюнь, томъ III, стр. 177, ср. 174), откуда возникаетъ предположеніе, что имя Одигитріи церковь эта носила въ началѣ XV-го вѣка, во времена Махеры, который и прочія упоминаемыя имъ въ рассказѣ этомъ мѣста обозначаетъ именами своего времени, а вовсе не во время самага нашествія.

Икона Одигитріи изображала Божію Матерь во весь ростъ, стоя, съ Христомъ на лѣвой рукѣ, какъ свидѣтельствуется о томъ надпись *Η ΟΔΗ(γ)ητρία* при мозаикѣ въ Палатинской капеллѣ въ Палермо. Копіями этой знаменитой иконы можно считать цѣлый рядъ позднѣйшихъ изображеній Божіей Матери въ этомъ типѣ¹⁾; главнѣйшее отли-

1) Изъ описанія Дила (*Byzant. Zeitschrift* I (1892), стр. 77) мозаики въ Никее, относимой имъ къ XI вѣку, но, кажется, болѣе древней, не ясно, изображена ли Божія Матерь въ абсидѣ тамошней церкви Успенія въ типѣ Одигитріи, или же держитъ Христа обѣими руками передъ грудью, какъ, напр., на мозаикѣ Гелатскаго монастыря (см. фот. Ордена № 3575), гдѣ по сторонамъ Божіей Матери стоятъ два ангела въ парадныхъ придворныхъ нарядахъ. Мозаическія изображенія Божіей Матери въ типѣ Одигитріи извѣстны намъ въ Палермо (А. А. Павловскій, *Живопись Палатинской капеллы въ Палермо*, рис. 40 на стр. 143). Фреска въ церкви св. Сильвестра и Мартина въ Римѣ (Garrucci, 155. 2). Миниатюры указаны Стр жиговскимъ, *Cimabue und Rom*, стр. 49 пр. 2. На издѣліяхъ, рѣзанныхъ изъ слоновой кости — въ Барберинской библиотекѣ: Gori, *Thesaurus veterum diptychorum* III, табл. 37; въ Луврѣ: Labarte, *Histoire des arts industriels*, табл. 144, Westwood, стр. 240, въ Вюрцбургѣ (едва ли чисто византійской работы), Becker, und Hefner, *Kunstwerke des Mittelalters*, табл. 1, Westwood, стр. 475, ср. Schlumberger, *L'épopée Byzantine* рис. на стр. 33, 181, 306 съ различныхъ памятниковъ X—XI вв. Весьма часто

чіе копій этихъ отъ мозаики Кити и миниатюры Рабулы состоитъ въ томъ, что голова Божіей Матери нѣсколько повернута вправо и склонена къ Христу: это дѣлаетъ, конечно, эти изображенія болѣе живыми и естественными, но лишаетъ ихъ торжественнаго характера древнѣйшихъ монументальныхъ изображеній Божіей Матери, гдѣ смотритъ Она обыкновенно en face, какъ это справедливо замѣтилъ Стржиговскій (Simabue und Rom, стр. 49). Разсказъ, приводимый въ посланіи 836 года и вышеуказанныхъ связанныхъ съ нимъ рѣчахъ, объ одномъ изображеніи Божіей Матери въ Александріи, отвернувшемся отъ искавшаго Ея защиты, предполагаетъ, очевидно, также положеніе лица Божіей Матери en face. Аналогичное явленіе представляютъ египетскіе портреты и древнѣйшія иконы, напр., энкавстическая икона Кіевской Духовной Академіи, изданная Стржиговскимъ. Если у подлинной иконы Одигитріи лице изображено было также en face, то склоненіе его къ Христу представить измѣненіе поздняго времени, аналогичное указанному Стржиговскимъ измѣненію типа византійскихъ сидящихъ Богородицъ итальянскими живописцами начала XIII вѣка; что позже византійское искусство вносило измѣненія въ старыя композиціи, это доказываетъ для изображенія Благовѣщенія Миллэ (Bulletin de Corr. Hell. 1895, стр. 573 сл.). Кромѣ Одигитріи, для сужденія о древнѣйшихъ сирійскихъ изображеніяхъ Божіей Матери, весьма важны были бы двѣ, упоминаемыя посланіемъ 836 года (стр. 27—29) Лидскія иконы Божіей Матери, которыя возводили тогда ко временамъ апостольскимъ. Къ сожалѣнію, тѣ оригинальныя сказанія, откуда взяты были свѣдѣнія о нихъ, или не дошли, или еще не изданы. Можно даже думать, что оба разсказа относятся въ сущности лишь къ одной и той же иконѣ и внесены въ посланіе лишь по двумъ разнорѣчивымъ сказаніямъ: разница ихъ въ томъ, что построеніе одного храма въ Лидѣ приписывается апостоламъ Петру и Іоанну, и нерукотворный образъ Божіей Матери помѣщается на колоннѣ, а построеніе другаго храма, близъ Лидды, приписывается Энею, исцѣленному Петромъ, и

на монетахъ и печатяхъ, напр. Garrucci, 480. 13; цѣлый рядъ печатей у Schlumberger, и т. д. Н. П. Кондаковъ указалъ мнѣ на изображеніе стоящей Божіей Матери Одигитріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, на одномъ изъ эмалевыхъ образковъ, украшающихъ окладъ-евангелія въ университетской библіотекѣ въ Сіенѣ. Въ этомъ же типѣ является Божія Матерь и на русскихъ иконахъ, гдѣ имя Одигитріи носятъ обыкновенно лишь сокращенныя, поясныя иконы Божіей Матери. На четырехъ иконахъ собранія Постникова, изображающихъ Херувимскую пѣснь, Божія Матерь изображена въ четырехъ типахъ, очевидно, въ зависимости отъ знаменитѣйшихъ иконъ Ея и въ томъ числѣ и въ типѣ Одигитріи.

нѣкоторымъ изъ 70 апостоловъ, икона же помѣщается просто на западной стѣнѣ. Древнѣйшее упоминаніе о Лиддской иконѣ въ отрывкѣ Андрея Критскаго (Boissonade. *Anecdota graeca* IV, стр. 471—472) начала VIII вѣка помѣщаетъ ее также на западной стѣнѣ ἐν πλάξῃ καὶ θαλάτῃς, въ купольномъ или крытомъ сводами (εἰλητῶ) храмѣ «апостольскихъ временъ», указываетъ тотъ же размѣръ въ 3 локтя и ту же пурпурную одежду, но прилагаетъ къ этой иконѣ рассказъ о Юліанѣ, относимый посланіемъ къ первой иконѣ. Намъ кажется, поэтому, что второй рассказъ посланія даетъ о Лиддской иконѣ свѣдѣнія болѣе точныя, чѣмъ первый. Онъ же сообщаетъ и вырѣзанную при иконѣ надпись: Μαρία ἡ μήτηρ τοῦ Ναζωραίου βασιλέως Χριστοῦ, а Дамаскинъ (стр. 378), кромѣ того, отмѣчаетъ, что нижняя одежда Божіей Матери была бѣлая (γαλάζιον), а верхняя пурпурная; послѣднее выраженіе, какъ извѣстно, можетъ означать разные оттѣнки, получаемые пурпурною краской: черный, красный, фіолетовый и т. д. Такимъ образомъ о Лиддской иконѣ неизвѣстно даже, держала ли Богородица, изображенная стоя, на рукахъ Христа или нѣтъ. Правда, въ рукописномъ сказаніи, упоминаемомъ Дюканжемъ, говорится, что Божія Матерь держала на рукахъ Христа, но принимать показанія этого на вѣру, не зная ни времени сказанія этого, ни отношенія его ко многимъ другимъ, нельзя. Еще произвольнѣе было бы искать среди находящихся въ Римѣ византійскихъ иконъ Божіей Матери присланную патріархомъ Германомъ, тѣмъ болѣе, что посланіе 836 года говоритъ о посылкѣ имъ туда иконы Христа, а не Божіей Матери (исторія № 14 стр. 32 сл.). Правда, есть древнія указанія на существованіе въ Римѣ иконы Божіей Матери, присланной изъ Палестины, но она приписывается ап. Лукѣ, пославшему ее, какъ и евангеліе, Теофилу, и съ Лиддскою иконою, очевидно, ничего общаго не имѣла (въ житіи Стефана Новаго, Migne, *Patr. Gr.* 100, стр. 1069, ср. Андрея Критскаго у Boissonade, *Anecd. gr.* IV, стр. 472). Что же касается иконы Лиддской, то судить о ней до изслѣдованія многочисленныхъ сказаній ¹⁾ невозможно.

1) Наиболѣе древнее извѣстіе о Лиддской иконѣ находится въ отрывкѣ Андрея Критскаго, см. Boissonade, *Anecdota graeca*, IV, стр. 471; посланіе 836 года даетъ два разсказа, по всей вѣроятности, извлеченія изъ разнорѣчивыхъ сказаній объ одной и той же иконѣ, хотя иконы и рѣзко различаются положеніемъ одной на колоннѣ, другой на стѣнѣ (на стѣнѣ же, на мраморныхъ плитахъ, помѣщаетъ ее и Андрей Критскій), см. Σαχκελίωυ, стр. 28—29 исторіи №№ 3, 4 и 6. Въ зависимости отъ посланія стоитъ особое сказаніе о Лиддской или Римской иконѣ, дающее подробности объ

Если, такимъ образомъ, нельзя доказать сходства иконъ, принесенной изъ Палестины Евдокіей и Лиддской съ Одигитріей и изображеніями Божіей Матери на мозаикѣ Кיתי и на миниатюрѣ сирійскаго евангелія, то близкое сходство двухъ послѣднихъ побуждаетъ къ сравненію ихъ, насколько таковое возможно между монументальною мозаикой и миниатюрнымъ рисункомъ. Однако, послѣдній рисунокъ — повидимому неточный (Garrucci, 128. 2...), носитъ на нашъ взглядъ явныя черты зависимости отъ изображеній гораздо болѣешихъ размѣровъ и едва ли можно сомнѣваться, что онъ можетъ давать представленіе объ одномъ типѣ сирійскихъ иконъ Божіей Матери конца VI-го вѣка (а можетъ быть и ранѣе, см. V. Schultze, *Archäologie*, стр. 54). Но отсутствіе подобнаго рода изображеній Божіей Матери той же эпохи, но изъ другихъ мѣстъ, считать типъ этотъ спеціально сирійскимъ, конечно, не позволяетъ.

иконахъ лишь тѣ же, что и посланіе, и прямо ссылающееся на это посланіе. Приведа сперва изъ иныхъ, чѣмъ посланіе, источниковъ сказаніе о Лукѣ—иконописцѣ, оно пересказываетъ исторію посланія, а затѣмъ излагаетъ, какъ, напр., Германъ изготавилъ копію съ Лиддской (не говоря съ которой именно) иконы, какъ потомъ во время гоненій отправилъ онъ ее по морю въ Римъ, и какъ эта копія Лиддской иконы вернувшись черезъ 130 съ лишнимъ лѣтъ такимъ же чудеснымъ путемъ въ Константинополь поставлена была и читалась подъ именемъ Римской въ Халкопатіи. Послѣдняя исторія явно зависитъ отъ исторіи 14-го посланія о посылкѣ Германомъ въ Римъ иконы Христа, каковая вводится также въ сказаніе это. Извлеченія изъ этого сказанія напечатаны Колларомъ (*Comm. Bibl. Caesareae Vindobon.* VIII, стр. 693 сл.) и, судя по нимъ, копіи того же самаго сказанія находятся въ Ватиканѣ: *Codd. Vat. Gr.* № 375 fol. 208—229, № 864 fol. 278—306 (наиболѣе древній) и № 1147 fol. 106 v.—128 v. Кромѣ того, въ *cod. 1147 fol. 90—106 v.* находится иное сказаніе того же содержанія и также ссылающееся на соборное посланіе трехъ патріарховъ. Списки того сказанія находятся и въ Парижской Національной библіотекѣ, какъ и иные, повидимому, извѣстія о Лиддской и Римской иконѣ, см. *Catalogus Hagiographicorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis* edd. Hagiographi Bollandiani et H. Omont, Bruxelles-Paris 1896, гдѣ указываются слѣдующіе рукописи *Fonds Grecs.* 559 fol. 36 v; 635 fol. 70; 773; 1474 fol. 237; *Cod. Coisl.* 296 fol. 197. Harles въ 4-омъ изд. *Bibl. Graec. Fabricii* (томъ X, стр. 285) указываетъ еще на мюнхенскую ркп. № 226. Но при странномъ молчаніи о Лиддской иконѣ паломниковъ древнѣйшаго времени, по этимъ сказаніямъ о композиціи иконы едва ли возможно будетъ сдѣлать какія-либо заключенія. Duscange сообщилъ, что въ одномъ сказаніи, заглавіе и краткую выдержку изъ котораго онъ привелъ въ своемъ греческомъ словарѣ s. v. Ῥωμαῖον, говорится, что Божія Матерь держала на рукахъ на иконѣ этой Христа, но это относится, разумѣется, къ иконѣ, стоявшей подъ именемъ Римской въ Халкопатіи, а потому для сужденія о Лиддской никакого значенія не имѣетъ. Объясненіе Duscange'a имени Римская тѣмъ, что икона была на порфирѣ, разумѣется, невозможно. Аналогіей Лиддскому изображенію Божіей Матери на колоннѣ является еще болѣе темное упоминаніе изображенія Божіей Матери съ Христомъ на рукахъ, находившагося якобы на колоннѣ Каабы и разрушеннаго вмѣстѣ съ прочими бывшими тамъ идолами Магометомъ, см. Noël des Vergers, *Arabie* (въ *Univers pittoresque*) 1847, стр. 134—138.

Въ композиціи миниатюра отличается отъ мозаики положеніемъ Христа, который изображенъ слишкомъ наклонно, какъ бы падающимъ назадъ, вслѣдствіе чего лице Христа гораздо дальше отъ лица Божіей Матери, чѣмъ на мозаикѣ.

Въ одеждѣ главное различіе миниатюры состоитъ въ положеніи и величинѣ, вѣроятно, плаща, который расположенъ болѣе равномерно: справа онъ не образуетъ такого длиннаго и остраго мыса, какъ на мозаикѣ, слѣва же дальше отходитъ отъ туловища, что дѣлаетъ всю фигуру болѣе симметричной, но менѣе живою; передъ грудью плащъ спускается гораздо ниже, такъ что ноги Христа приходится выше нижняго края пазухи его; это уменьшаетъ слишкомъ однообразное поле параллельныхъ почти складокъ хитона, которое столь непріятно бросается въ глаза на мозаикѣ ¹⁾.

Эта длина плаща и расположеніе концовъ ближе къ вышеуказаннымъ позднѣйшимъ изображеніямъ Божіей Матери въ этомъ же типѣ, чѣмъ расположеніе его на мозаикѣ, равно какъ и концы пояса (если только рисунокъ у Гарруччи тутъ вѣренъ), которыхъ нѣтъ на китійской мозаикѣ, но которые, быть можетъ, подъ вліяніемъ славы «Пояса Богородицы», хранившагося въ Халкопатіи и не разъ спасаваго городъ, обыкновенно видны на позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ этого же типа. Бахромы по краю плаща, показанной на миниатюрѣ у Гарруччи, на мозаикѣ нѣтъ совсѣмъ; но ее находимъ на диптихѣ Тривульчи и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеніяхъ.

Цвѣтъ одежды на миниатюрѣ, однако, рѣзко отъ нихъ отличается: туника Божіей Матери золотая, плащъ красно-фіолетоваго оттѣнка съ золотыми же планами тамъ, гдѣ онъ не образуетъ складокъ; хитонъ Христа свѣтло-голубой, плащъ золотой. Обувь Божіей Матери красная, царская, равно какъ и золотое, украшенное драгоценными камнями подножіе, заимствованное, вѣроятно, изъ придворнаго церемоніала, которое въ мозаикахъ S. Maria Maggiore дано въ столь пышной формѣ лишь Христу, тогда какъ позднѣе на немъ изображается Божія Матерь не только въ этихъ композиціяхъ торжественнаго характера, но и въ сценѣ Благовѣщенія (см., напр., то же сирійское евангеліе, Garrucci, 130.1).

Къ сожалѣнію, цвѣтовъ одежды Божіей Матери на мозаикѣ разсмотрѣть я не могъ, но во всякомъ случаѣ они гораздо свѣтлѣе и пе-

1) Пропорціи фигуры вѣрнѣе переданы на меньшей фотографіи (см. рис. на стр. 34), гдѣ ракурсъ верхней части фигуры гораздо меньше.

стрѣе обычныхъ синеватыхъ, коричневыхъ и зеленоватыхъ тоновъ позднѣйшихъ временъ. Цвѣта одеждъ въ миниатюрѣ, гдѣ употребленіе красокъ, конечно, съ одной стороны, свободнѣе, съ другой, экономнѣе, обнаруживаютъ отличіе отъ позднѣйшихъ, въ томъ же стремленіи къ пестротѣ и пышности, какъ и мозаика Китійская и тѣмъ болѣе мозаики S. Maria Maggiore. Миниатюра сирійскаго евангелія объясняетъ ту бѣловатую полосу, которую видно сквозь копоть на мозаикѣ надолбомъ Божіей Матери: на миниатюрѣ изъ-подъ накинутого на голову плаща ясно видно узкую бѣлую полосу, огибающую лобъ и перехваченную посрединѣ вертикальной полоской. Такой головной уборъ, прикрывавшій лобъ, изображается на многихъ памятникахъ IV и VI вѣковъ и, повидимому, назывался тогда на Западѣ *nimbus* или *limbus*¹⁾ и имѣлъ цѣлью уменьшать лобъ, что считалось, видимо, красивымъ; его видимъ мы и у царицъ, и у знатныхъ дамъ, и у святыхъ женъ, и у Божіей Матери²⁾. Судя по мозаичному изображенію 625—638 годовъ св. Агнесы въ церкви ея имени близъ Рима (Garrucci, 274; de Rossi, *Mosaici cristiani*, вып. 3—4) и Божіей Матери въ царственномъ нарядѣ на мозаикѣ 705—707 годовъ, бывшей нѣкогда въ Ватиканской базиликѣ (Garrucci, 279.2; de Rossi, *Mosaici*, вып. 23), этого убора не носили уже въ VII—VIII вѣкахъ; позднѣе въ реальныхъ изображеніяхъ мы его не встрѣчаемъ, но на изображеніяхъ Божіей Матери онъ по традиціи еще повторяется иногда, напр., на мозаикахъ Василия Македонянина въ св. Софії Цареградской (Salzenberg, табл. XXXII.2), на мозаичномъ изображеніи Божіей Матери въ капеллѣ Петра Христо-

1) Клавдіанъ говоритъ объ *Iustitia: continuo frontem limbo velata pudicam* (XVII, 118—панегирикъ 399 года); Арнобій упоминаетъ, что женщины *imminuerent frontes limbis* (II, p. 72—*de natura hominum* cap. VII), а Исидоръ Севильскій относитъ имя это къ поперечнымъ полоскамъ лишь: *nimbus est fasciola transversa ex auro assuta in linteo, quod est in fronte feminarum* (Origines, XIX. 31.2).

2) Достаточно указать, кромѣ многочисленныхъ изображеній императрицъ на римскихъ и византійскихъ монетахъ съ начала V-го вѣка, на мраморную голову въ Капитолійскомъ музеѣ, безъ достаточныхъ основаній считаемую Амалосвинтой (Bulletino Comunale, 1888, табл. VI, стр. 120—123); изображение женской головы въ подобномъ же, но еще болѣе сложномъ уборѣ, находящееся подъ именемъ св. Елены на рисункѣ XVI в. въ Cod. Vatic. Lat. 5407 fol. 11 (Ciaccioni); императрицу на створкахъ диптиха въ Вѣнѣ и Флоренціи (Album der auserlesenen Denkmäler des K. K. Hofmuseum, Wien, 1895, табл. 50 и рис. на стр. 20); Θεодору и дамъ ея свиты въ равеннской церкви св. Виталія; святыхъ женъ въ капеллѣ Петра Хрисолога въ Равеннѣ; Божію Матерь и святыхъ женъ въ Паренцо; Божію Матерь (не св. Контианилла, какъ полагалъ de Rossi, Bull. di Arch. Crist. 1872, стр. 158, табл. X—XI.2) на серебряномъ реликваріи въ Grado; Божію Матерь на мозаикѣ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ и т. д.

лога въ Равеннѣ (фот. Ricci № 210; Müntz, *Americ. Journal of Archaeology*, I (1885), стр. 116 сл.). Иногда уборъ этотъ сводится къ узкой бѣлой полоскѣ подъ головнымъ покрываломъ или же исчезаетъ вовсе.

На миниатюрѣ 586 года и Христосъ и Божія Матерь имѣютъ золотые нимбы, у Христа нимбъ еще безъ креста внутри его, хотя послѣдній является, какъ говорено выше, уже на равеннскихъ мозаикахъ юстиніанова времени; у Христа нимбъ окаймленъ синею, у Божіей Матери оранжевою и синею¹⁾ полосами; на мозаикѣ цвѣта нимбовъ разсмотрѣть мнѣ не удалось, но нимбъ Христа первоначально кресчатымъ, кажется, какъ была о томъ рѣчь, не былъ. Изъ сравненія миниатюры съ Китійскою мозаикой, помимо ближайшаго сходства ихъ, можно, кажется, замѣтить большее сходство съ позднѣйшими традиціонными типами миниатюры, откуда и представляется возможнымъ считать мозаику древнѣе миниатюры. Если это вѣрно, то мозаика Кити оказывается моложе мозаикъ S. Maria Maggiore и старше миниатюры сирійскаго евангелія.

Наиболѣе вѣрнымъ критеріемъ времени могъ бы быть стиль и работа мозаики, но когда я былъ на Кипрѣ, я не видалъ еще мозаикъ Равенны; кромѣ того, законченность Китійской мозаики и закрашка лицъ Божіей Матери и Христа мѣшали судить о многихъ деталяхъ.

Увидавъ въ послѣдствіи мозаики Равенны и Рима, я все же нигдѣ не замѣтилъ ближайшаго сходства въ исполненіи ихъ съ мозаикой Китійской. Такъ, напримѣръ, вышеописанный характерный способъ передачи переходовъ отъ свѣта къ тѣни при помощи ряда насаженныхъ черезъ одинъ темныхъ и свѣтлыхъ кубиковъ нигдѣ не примѣняется съ такою рѣзкостью, какъ на мозаикѣ Кити. Въ лѣвую щеку Христа-Пастыря въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи (детальный рисунокъ см. у Е. К. Рѣдина, *Мозаики равеннскихъ церквей*, табл. I) вставлены также черезъ одинъ три оранжевыхъ кубика, но тамъ они имѣютъ цѣлью изобразить скорѣе румянецъ; въ пейзажѣ мѣстами примѣняется переходъ одного тона въ другой посредствомъ такого же приѣма, какъ во многихъ мѣстахъ на одеждѣ архангела Гавріила; но стоитъ сравнить руку Михаила съ рукой Христа, чтобы убѣдиться, что мастера мозаикъ Галлы Плацидіи работали совсѣмъ иначе, чѣмъ мастера, исполнявшіе мозаику Кити. Примѣненіе въ пе-

1) Не видавъ самъ миниатюры, я описаніемъ красокъ ея обязанъ любезности Д. Н. Бережкова во Флоренціи.

реходахъ этихъ на лицѣ Гавріила желтоватыхъ кубиковъ находить себѣ аналогію въ желтыхъ — по крайней мѣрѣ, теперь кажутся онѣ таковыми — полосахъ, отдѣляющихъ лица юныхъ святыхъ въ куполѣ св. Георгія Солунскаго; у нихъ же въ свѣтлыхъ желтоватыхъ волосахъ космы обозначаются иногда извилистыми полосками на общемъ же фонѣ, какъ у архангеловъ Кити. Въ общемъ же отъ всѣхъ мозаикъ V—VII вѣковъ, мною видѣнныхъ, мозаика Кити отличается, какъ мнѣ кажется, большею, нежели онѣ, тщательностью работы. Особенно ясно это изъ сравненія одежды архангела Гавріила¹⁾ съ одеждами также быстро идущаго влѣво св. Лаврентія въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи (фот. Ricci № 67, Е. К. Рѣдинъ, стр. 63, рис. 14). Тамъ одежда передана общими широкими планами, тогда какъ мастеръ Китійской мозаики, вѣрно рисуя складки, пустился въ мелочную передачу ихъ; если же сравнить одежды ангеловъ церкви Аполлинарія Новаго, переданныя также съ большою тщательностью, то, на нашъ взглядъ, хотя и окажутся нѣкоторые пункты сходства, напр., зигзагообразнымъ полоскамъ средней широкой вертикальной полосы нижней части хитона Гавріила соотвѣтствуютъ у равеннскихъ ангеловъ (см. особенно ближайшихъ къ Божіей Матери) два плана, свѣтлый и темный, соединенные зигзагообразной линіей (фот. Ricci № 105), но разница въ работѣ все же столь рѣзка, что считать ихъ произведеніемъ одной и той же школы мозаичистовъ, возможности мы не видимъ. Подобнаго же рода отдѣлка одеждъ замѣчается у нѣкоторыхъ изъ апостоловъ въ куполѣ церкви S. Maria in Cosmedin (Аріанскій баптистерій) въ Равеннѣ, гдѣ также мелкія складки какъ бы струятся. Еще сильнѣе разница въ лицахъ: лицо Гавріила имѣетъ нѣчто общее съ лицомъ Лаврентія въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи въ томъ, что глаза ихъ не преувеличены, но большій выгибъ бровей и складки между ними у Гавріила, помимо вышеописанной техники, рѣзко ихъ различаютъ. Между юными лицами мозаикъ св. Георгія въ Солуни и Китійскими особенно рѣзкаго сходства я тоже не замѣтилъ: правда тамъ лица, повидимому, сильно измѣнили цвѣтъ свой, но поражаютъ округлостью и юношеской кра-

1) Свѣтлые кубики, идущіе, чередуясь съ темными вертикальными полосами, по хитону Божіей Матери, могутъ напомнить фотографію Ricci № 213 съ Христа-Путника въ капеллѣ Петра Хрисолога въ Равеннѣ, гдѣ одежда ниже пояса изображена такъ же, но именно вся эта нижняя часть сплошь — новая реставрація красками (ср. рис. Gaggiusi, 222. 3; Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 176).

сотой античныхъ типовъ, чего въ лицѣ архангела Гавріила, при его суровой складкѣ на лбу, не замѣчается; болѣе мягкое лицо Михаила также ближайшаго сходства съ ними не представляетъ.

Сравнивать мозаику Кити съ многочисленными византійскими мозаиками позднѣйшихъ временъ, XI-го и сл. вѣковъ, было бы напраснымъ трудомъ: рѣзкая разница между ними очевидна всякому.

Такимъ образомъ отсутствіе ближайшаго стилистическаго сходства между мозаикой Кити и византійскими или зависящими отъ нихъ мозаиками Европы не позволяетъ указать мѣсто въ хронологической серіи ихъ мозаикъ Кити. Тѣ же мозаики Востока, одной изъ группъ которыхъ принадлежала Китійская, или не изданы, какъ Солунскія и Синайская, или сокрыты еще, какъ Константинопольскія, или же, будемъ надѣяться, еще остаются неизвѣстными, по большей же части — погибли.

Китійская мозаика является поэтому стилистически во многихъ отношеніяхъ единственной, и, не имѣя ближайшихъ аналогій, судить о времени ея возникновенія, для насъ, по крайней мѣрѣ, является почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что вѣковая пыль и копотъ скрываютъ многія детали.

Остаются слѣдовательно лишь критеріи внѣшніе: рисунокъ, композиція и содержаніе, что и было рассмотрѣно выше и что приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ или, скорѣе, лишь предположеніямъ.

Мозаика исполнена внѣ зависимости отъ обычныхъ, извѣстныхъ по памятникамъ V и VI-го вѣка, изображеній Божіей Матери между ангелами, согласно признанію Ея Эфесскимъ соборомъ Богородицею, такъ какъ на нихъ ангелы изображаются въ позахъ, болѣе подходящихъ ихъ роли почетной царской стражи. Содержаніе же изображенія, равно какъ и нахожденіе его въ абсидѣ церкви, посвященной, вѣроятно, Божіей Матери, ясно свидѣтельствуетъ о задачѣ мастера изобразить Божію Матерь Богородицею.

Для выполненія задачи этой онъ скомпоновалъ рисунокъ по существовавшимъ ранѣе типамъ: иконѣ, можетъ быть, Сирійской Божіей Матери и изображеніямъ двухъ архангеловъ, входившимъ въ составъ иныхъ композицій, при чемъ ограничился лишь необходимымъ измѣненіями взятыхъ имъ типовъ сообразно новой задачѣ. Такой невыработанности композиціи соотвѣтствуетъ и употребленіе стараго обозначенія Богородицы именемъ св. Маріи. Эти два обстоятельства

указывали бы на времена ближайшія къ Эфесскому собору, если бы мозаики S. Maria Maggiore въ Римѣ не свидѣтельствовали, что въ искусствѣ изображенія Божіей Матери въ небесной славѣ, ранѣе усвоившейся лишь Христу, непосредственно послѣ собора еще не явилось.

Если можно дѣлать предположенія о неизвѣстномъ, то фигура Божіей Матери со Христомъ и крылья ангеловъ свидѣлствуютъ о связи Кипрской мозаики съ искусствомъ скорѣе Сиріи или Александріи, чѣмъ Константинополя; послѣднему предположенію, при всей его проблематичности, благоприятствуетъ стилистическое отличіе ея отъ мозаикъ, стоящихъ въ вѣроятной зависимости отъ Константинопольскихъ мозаичистовъ V и VI-го вѣковъ. Мы можемъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. На извѣстной мозаикѣ, изображающей триумфъ Посидона (открыта въ 1842 году въ Константинѣ, нынѣ въ Луврѣ) замѣчается тотъ же оригинальный приѣмъ переходовъ тоновъ при помощи чередующихся темныхъ и свѣтлыхъ кубиковъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, который рѣзко отличаетъ мозаику Кити отъ мозаикъ римскихъ и равеннскихъ. Судя по рисунку (*Exploration de l'Algérie. V. Delamare, Archéologie, табл. 141—142*), на мозаикѣ Константины, украшавшей полъ виллы поздне-римскаго времени, такой приѣмъ примѣняется лишь въ тѣлахъ, а не въ лицахъ; самые кубики относительно крупнѣе, что объясняется, конечно, тѣмъ, что мозаики половъ исполняются обыкновенно изъ каменныхъ, болѣе грубыхъ и крупныхъ, кубиковъ, чѣмъ стѣнныя. Но, несмотря на это, оригинальность приѣма этого можетъ считаться признакомъ особой школы мозаичистовъ. Мозаика Константины ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ памятникамъ искусства александрійскаго. Ригль (*Zur Frage des Nachlebens der altgyptischen Kunst in der späten Antike. Eranos Vindobonensis. Wien. 1893*) указалъ, напр., тождество изображенныхъ на ней эротовъ въ лодкахъ съ изображаемыми на такъ называемыхъ коптскихъ тканяхъ. Мозаику Кити, какъ говорили мы выше, приходится считать произведеніемъ мозаичистовъ сирійскихъ или александрійскихъ. Сходство ея съ мозаикою Константины дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ второе предположеніе. Китійская мозаика можетъ считаться работою мастеровъ, пришлыхъ изъ Александріи, съ которою Кипръ стоялъ и теперь стоитъ въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ, какъ о томъ непреложно свидѣлствуютъ многовѣковая исторія его и памятники искусства разныхъ эпохъ на немъ находимые.

Особенный стиль Кітійской мозаики затрудняетъ ея датированіе; если же послѣднее необходимо, то намъ казалось бы возможнымъ отнести ее къ концу V-го или началу VI-го вѣка.

III.

Παναγία Καναχάρια.

Во время пребыванія моего въ Никосіи, преподаватель математики въ тамошней греческой гимназіи, г. Καταλάνος, рассказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ остатки мозаикъ въ алтарѣ одного запустѣлаго нынѣ монастыря, въ сѣверо-восточной части острова, на Карпасійскомъ полуостровѣ. Этотъ монастырь называется Παναγία Καναχάρια или, какъ выговариваютъ кипріоты, Καναχάρια. Мозаики, отъ которыхъ сохранились лишь куски, представляли, по словамъ г. Καταλάνος'а, Божію Матерь, сидящую на тронѣ, съ ангелами по сторонамъ ея, и евангелистовъ; читать ему о мозаикахъ этихъ нигдѣ не приходилось, а увидалъ онъ ихъ совершенно случайно, зайдя въ церковь, во время одной изъ поѣздокъ своихъ по острову. Принявъ съ величайшею благодарностью указаніе это, я посѣтилъ 12—13 сентября 1895 г. монастырь этотъ, упоминаемый Сакелларіемъ (I, стр. 166) лишь ради «двухъ монолитовъ по три фута вышиной» изъ числа тѣхъ, которые такъ интересуютъ почему-то археологовъ.

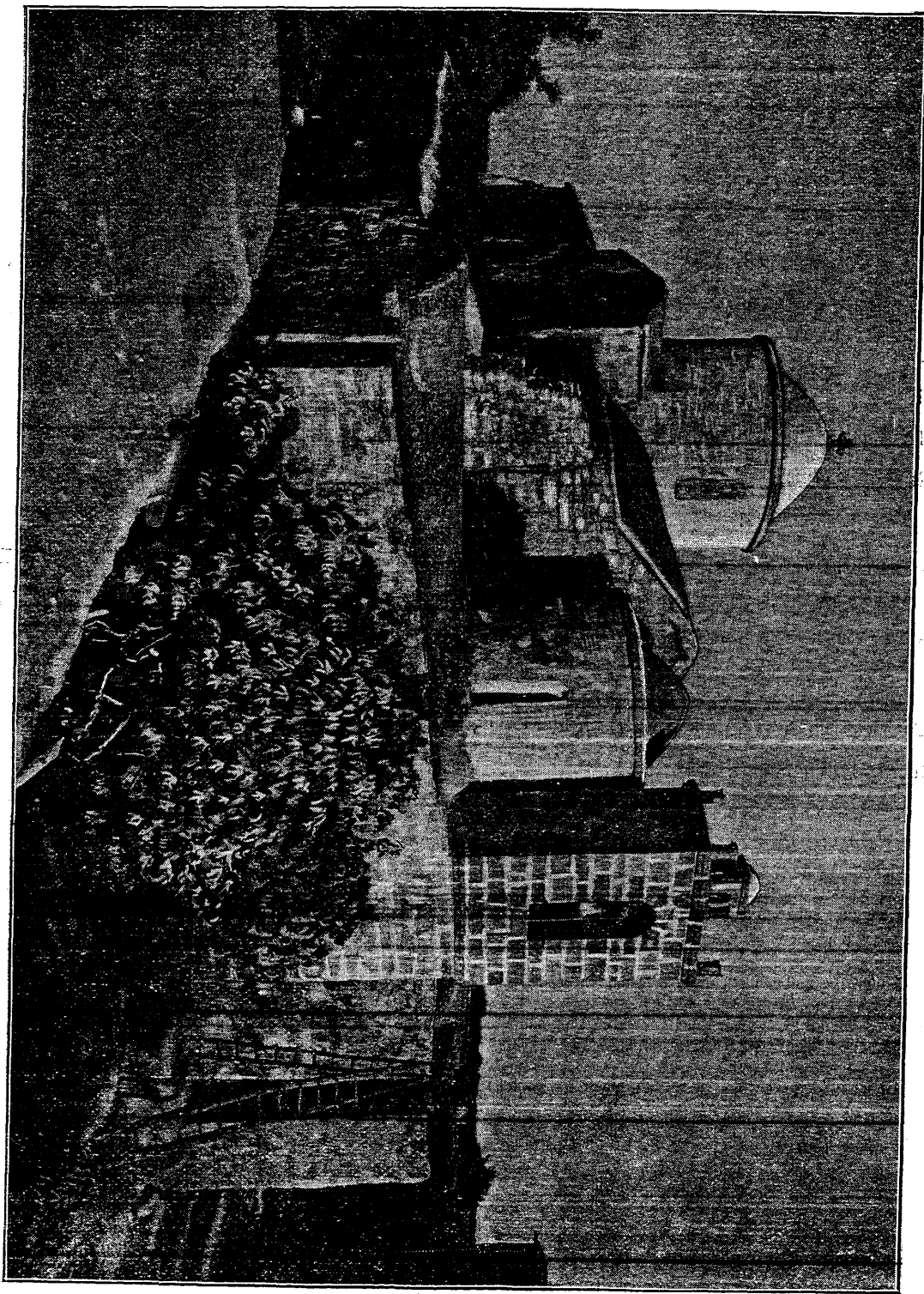
Къ сожалѣнію, при написаніи настоящей статьи я не имѣлъ возможности ознакомиться въ достаточной полнотѣ съ литературой о Кипрѣ и поэтому не могу утверждать, чтобы издаваемые нынѣ мозаики оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными¹⁾.

Церковь стоитъ на южномъ склонѣ скалистаго края, идущаго по срединѣ полуострова, между деревней Λιθραχώρη и развалинами древняго города, ясно видимыми по основаніямъ стѣнъ на вершинѣ края, откуда видно море по обѣ стороны полуострова. Этотъ древній городъ считаютъ (Σακελλάριος, I, стр. 166) за упоминаемую Стефаномъ Византійскимъ Акру; на сколько это основательно, я судить не берусь, равно какъ и о странномъ, очевидно, не греческомъ

1) Упомянутія о нихъ можно ожидать отъ книги Hogarth'a, De via Cypria, 1889' специально изслѣдовавшаго Карпасійскій полуостровъ, и статей Schröder'a (Globus 1878—79 г.г.); но обѣ книги эти остались мнѣ недоступными.

имени *Καυακκρία*, присутствіе котораго на Кипрѣ не представляетъ, однако, ничего удивительнаго при разноплеменности его обитателей¹⁾.

Церковь Павлуіа Καυακκρία съ запада.

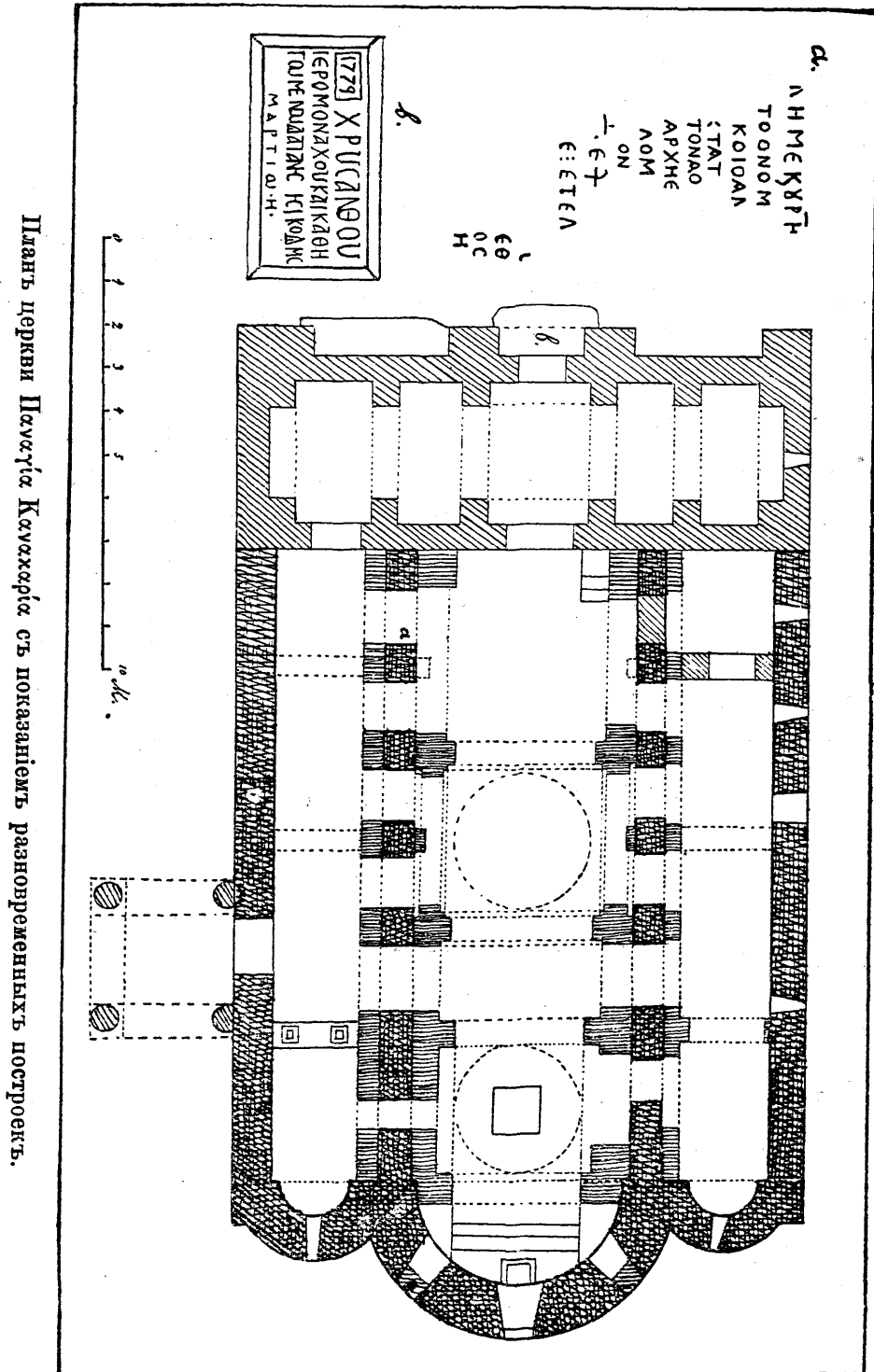
1) Геромонахъ-арендаторъ въ зависимости, очевидно, отъ сказанія о Кипрской мозаикѣ производитъ имя это какимъ-то образомъ отъ турецкаго слова «кан» = кровь; я же могу лишь указать на упоминаемое Евтихіемъ Александрійскимъ (*Annales*, переводъ Рососке'а, 1659 г. II, стр. 491) селеніе въ Сиріи по имени Сапасат.

Въ древнѣйшемъ извѣстномъ мнѣ упоминаніи имени этого *Κανακαρία* обозначала область, въ которую входило селеніе *Ἅγιος Ἀνδρόνικος*¹⁾, лежащее къ сѣверо-востоку отъ Канакаріи. Въ XV-мъ вѣкѣ Канакарія и сосѣдняя деревня Лиѳранкоми принадлежали королю, какъ то видно по изданному Mas-Latrie (*Histoire de Chypre*, III, стр. 508) документу, гдѣ, въ числѣ королевскихъ владѣній, находятся *casal Canacharia* и *casal Lethrancomi et pretii*. Въ документѣ 1464—1468 г.г. (Florio Bustron, стр. 421) *Charchia*, подаренная королемъ дворянину *Filippo Mistachiel*, можетъ обозначать, кажется, Канакарію, такъ какъ имя послѣдней писали иногда раздѣльно: *Sana-Chagia* или *Kana-Kargha*. Иныхъ упоминаній о Канакаріи найти мнѣ не удалось, что и понятно при положеніи ея въ глухомъ углу острова, куда не заходилъ даже Барскій. Въ XVIII вѣкѣ, въ числѣ владѣній архіепископа, упоминается *ἡ μονὴ τῆς Κανακαρίας* (*Κυπριανός, Ἱστορία τῆς Κύπρου*, стр. 392); ему же принадлежитъ монастырь этотъ и теперь, но монаховъ въ немъ уже давно нѣтъ. Монастырь, или точнѣе его земли, арендуются теперь іеромонахомъ, который обязанъ служить въ церкви, куда приходятъ жители сосѣдней деревни *Λιθραχώμη*.

Церковь эта такого же византійскаго типа, какъ и *Παναγία Ἀγγελόκτιστος*, стоитъ посреди двора, обнесеннаго стѣной, къ которой примыкаетъ небольшой домъ, служившій нѣкогда кельями монаховъ, и различныя хозяйственныя постройки. Наружный видъ церкви съ запада представляетъ прилагаемый рисунокъ. Въ церковь теперь три входа съ трехъ сторонъ, передъ южнымъ пристроена сѣнь въ видѣ плоскаго купола на четырехъ колоннахъ. Снаружи церковь эта также,

1) Леонтій Махера, говоря о не задолго до него бывшемъ обрѣтеніи мощей св. Фотиніи и чудесномъ источникѣ на мѣстѣ ея погребенія, помѣщаетъ его (ed. *Σαθά, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη*, стр. 70) *εἰς τὴν Ἀχροτίκην* (т. е., очевидно, Карпасійскій полуостровъ) *εἰς τὴν κώμην τοῦ ἁγίου Ἀνδρόνικου τῆς Κανακαρίας*; у Strambaldi (ed. Mas-Latrie, стр. 17) это переведено *nel casal Acrosichi nel casal Comin Santo Antronico nel casal Canasaria*—переводъ, который заставилъ Mas-Latrie (въ его примѣчаніяхъ къ Strambaldi) тщетно искать деревень *Acrosichi* и *Comin*! Florio Bustron (ed. Mas-Latrie, стр. 34) пишетъ уже *Al Carpasso, cioè al Casal Coma fu trovata una Santa Photini, che vuol dice Santa Lucida*. Надо думать, что мощи святой перенесены были въ Левкосію, судя по упоминанію тамъ въ 1369 году женскаго латинскаго, конечно, монастыря св. Фотиніи (*Σακελλάριος*, I, стр. 482). Фл. Бустронъ упоминаетъ на Карпасійскомъ полуостровѣ *molte chiese lavorate di mosaico minutissimo in terra et è alquanto infra terra*, но это относится, видимо, лишь къ развалинамъ церквей съ мозаичными полами на мѣстѣ древняго города Карпасіи (ср. *Σακελλάριος*, I, стр. 158 сл.). Бустронъ же упоминаетъ (стр. 19) мозаичные полы въ Кириніи (ср. *Σακελλάριος*, I, стр. 145 сл.). О мозаичномъ полѣ близъ монастыря *Ἀχειροποίητος* (около др. Лапиеа) *Σακελλάριος*, I, стр. 142, ср. Барскаго II, стр. 251.

какъ и въ Кити, никакихъ признаковъ большой древности не представляетъ. Обращаютъ на себя вниманіе лишь узкія окна въ продольныхъ стѣнахъ, возвышающихся надъ серединой церкви, теперь

большею частью заложенные и совершенно излишнія, такъ какъ два купола даютъ свѣта вполне достаточно, особенно когда окна ихъ были

закрыты стеклами, а не пучками хвороста, какъ теперь, для защиты внутренности церкви отъ птицъ. Въ абсидѣ ясно замѣтно новое расширение средняго окна и два заложенныхъ боковыхъ, изъ которыхъ въ южномъ сохранилась еще дѣлившая его пополамъ колонка. Внутри церкви сразу становится ясно, что и тутъ теперешняя церковь подвигнута на мѣстѣ древней (см. планъ, на которомъ различной штриховкою обозначены части различныхъ построекъ). Къ сожалѣнію, мнѣ было невозможно воспользоваться находящимся въ самой церкви хронологическимъ источникомъ, пока еще запечатлѣннымъ: на второмъ столбѣ направо отъ входа въ церковь находится (см. на планѣ а) надпись красною краскою по бѣлой штукатуркѣ. При перестройкѣ церкви надпись эта была покрыта слоемъ новой штукатурки, по которой церковь и росписана. Къ немногому видимому нынѣ отъ древней надписи я пытался прибавить еще нѣсколько буквъ, сбивая позднѣйшую штукатурку, но при этомъ оказалось, что новая штукатурка гораздо крѣпче древней, такъ что нерѣдко вмѣстѣ съ нею отскакивала и древняя, а потому, дабы не погубить надписи, я и оставилъ ее въ теперешнемъ видѣ, въ ожиданіи, когда кто-либо будетъ имѣть возможность терпѣливо или при помощи какихъ-либо особыхъ ухищреній удалить новую штукатурку, не повредивъ древней. Надпись, кажется, историческая и говорила, вѣроятно, о построеніи церкви или о реставраціи ея. Но съ обѣихъ сторонъ не хватаетъ многихъ буквъ, и попытки восстановленія, до полной отчистки, съ моей стороны были бы праздными, такъ какъ видна очень малая часть ея; первоначально же надпись занимала, повидимому, около 80 сантиметровъ въ высоту и 70 въ ширину. Во второй строкѣ, очевидно, читается $\epsilon\iota\varsigma\]\ \tau\omicron\ \delta\nu\omicron\mu[\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \Theta\epsilon\omicron\tau\acute{o}\kappa\omicron\upsilon\]$?, въ 6-ой $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\epsilon[\pi\iota\sigma\acute{o}\pi\omicron\upsilon]$, въ 11-ой $\epsilon\tau\epsilon\lambda[\acute{\epsilon}\sigma\theta\eta\ \delta\acute{\epsilon}\]$. Надѣмся, что надпись будетъ отчищена, и прочтена, и точно опредѣлить время издаваемыхъ мозаикъ, такъ какъ, судя по сходству ея буквъ съ буквами мозаики, она современна построенію церкви. Исторія церкви обнаруживается при осмотрѣ ея: ясны послѣдовательныя перестройки, которымъ она подвергалась. Первоначально церковь, украшенная мозаиками въ широкой (около пяти метровъ въ діаметрѣ) абсидѣ, имѣла видъ базилики, но вмѣсто колоннъ двускатную деревянную, вѣроятно, крышу церкви поддерживали два ряда столбовъ, сложенныхъ изъ камня и связанныхъ арками, на которыхъ поставлены возвышающіяся стѣны средняго нефа, прорѣзанныя узкими окнами: примѣровъ такой замѣны монолитныхъ колоннъ, доро-

гихъ и не вездѣ доступныхъ, кладкою изъ камня можно указать не мало¹⁾; поэтому предполагать, что столбы эти сложены позднѣе вмѣсто колоннъ, или, что ими обложены колонны, никакихъ основаній я не вижу. Къ столбамъ этимъ черезъ одинъ приставлены были, повидимому, позднѣе тонкіе пилястры въ среднемъ нефѣ, которые уцѣлѣли нынѣ на четвертой отъ входа парѣ столбовъ и стесаны на второй, — соотвѣтственно этимъ двумъ (вѣрнѣе тремъ, такъ какъ тоже было сдѣлано, конечно, и далѣе предъ алтаремъ) аркамъ, перекинутымъ черезъ средній нефъ, перекинуты были арки и черезъ боковые; цѣль ихъ могла быть двоякая: или этимъ желали облегчить укладку деревянныхъ стропиль, чтобы класть болѣе хорошія бревна съ одной поперечной стѣны на другую по длинѣ церкви, или же эти арки находились въ связи съ покрытіемъ коробовыми сводами боковыхъ нефовъ, а, можетъ быть, даже и средняго; если такъ, то тогда же могли быть приложены и толстые пилястры во всю ширину столбовъ къ тѣмъ сторонамъ ихъ, которыя обращены въ боковые нефы, чѣмъ уменьшалась ширина нефовъ и утолщались среднія продольныя стѣны, на которыя опирался коробовой же сводъ средняго нефа. Судить о томъ, сохранилось ли это устройство нынѣ въ боковыхъ нефахъ или оно замѣнено было позднѣе таковымъ же, мы не беремся, хотя болѣе вѣроятнымъ, въ виду незначительной ширины сводовъ, кажется первое. Средній же нефъ подвергся еще одной перестройкѣ, при чемъ къ мозаикамъ отнеслись весьма невнимательно. Послѣ какого-либо разрушенія ея, пожара, если средній нефъ крытъ былъ деревомъ, или землетрясенія, если онъ имѣлъ коробовой сводъ, реставраторы церкви пожелали воздвигнуть въ срединѣ церкви два купола по обычной схемѣ позднѣйшихъ византійскихъ церквей. И вотъ, разрушивъ прежнія поперечныя арки (двѣ или три), они встроили столбы новаго покрытія внутрь древняго нефа, казавшагося имъ слишкомъ широкимъ, т. е. прибѣгли къ обычному приему позднѣйшихъ реставраторовъ старыхъ церквей лучшаго времени. На аркахъ, связывающихъ эти столбы, воздвигнуто было два купола и два коробовыхъ

1) Къ примѣрамъ V. Schultze, *Archaeologie*, стр. 61, можно еще прибавить церкви св. Ирины въ Константинополѣ, базилику св. Софіи въ Софіи, столбы боковыхъ нефовъ Константиновой базилики въ Іерусалимѣ (по описанію Евсевія). Особенно же интересную аналогію базиликѣ Канакаріи представляетъ церковь архангела Гавріила близъ Муръ Ликійскихъ (см. планъ и рис. у Petersen und Luschan, *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratiss*, Wien, 1889, стр. 39), гдѣ на одномъ изъ подобныхъ столбовъ надѣво отъ входа также находится историческая надпись о поновленіи церкви въ 812 году.

свода. Окна въ барабанахъ куполовъ пропускали достаточно свѣта и поэтому часть узкихъ оконъ въ стѣнѣ надъ арками могла быть заложена сводами безъ замѣны оконъ другими. Особенно печально отразилась перестройка эта въ абсидѣ, гдѣ новыми столбами заложены были внѣшніе концы полукружія: связывающимъ ихъ поперечнымъ сводомъ закрыта нижняя часть арки абсиды и находящіяся тамъ мозаичныя изображенія апостоловъ, а сводами выше украшенія стѣны надъ аркою этой и въ отрѣзкахъ по сторонамъ ея. Изъ трехъ двойныхъ оконъ абсиды два были заложены, а среднее взамѣнъ того расширено; сопрестоліе, шедшее, разумѣется, полукругомъ, замѣнено прямыми ступенями съ кресломъ на нихъ. Къ западной части церкви взамѣнъ разрушенной древней стѣны (если базилика не была укорочена) пристроенъ былъ — въ это же время или позднѣе — притворъ съ низкимъ куполомъ по срединѣ и коробовыми сводами съ боковъ. Время этой послѣдней пристройки опредѣляется 1779 годомъ надписью іеромонаха Хрисанѳа (на планѣ b). Менѣе существенными перестройками является устройство кладовой въ началѣ сѣвернаго нефа, стѣны на четырехъ колоннахъ предъ южною дверью и колокольни надъ западною стѣною притвора: послѣдняя, судя по надписи, возведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ 10—22 апрѣля 1888 года теперешнимъ іеромонахомъ монастыря; опредѣлить же время двухъ первыхъ и невозможно, да и несущественно. Такимъ образомъ, теперь отъ прежняго великолѣпія уцѣлѣли лишь куски мозаики въ конхѣ. Фотографированіе ихъ затруднялось новой аркой, значительно сузившей абсиду, и лежащимъ поперекъ ея бревномъ для подвѣшенной къ нему лампы; совершенно убрать бревно это было невозможно и мы опустили лишь одинъ конецъ его. Кромѣ фотографированныхъ кусковъ мозаики, въ южной части конхи есть еще незначительныя остатки близъ орнаментальной полосы по краю абсиды съ медальонами апостоловъ: а именно, тамъ сохранилось одно юное лицо безъ надписи, часть лица съ сѣдою бородой Іакова и бородатое лицо Варѳоломея. Все прочее видно на издаваемыхъ фотографіяхъ (см. рис. и таблицу II). Средину композиціи занимала Божія Матерь съ Христомъ, сидящая во славѣ на небесномъ тронѣ. Замѣчательнѣйшую особенность мозаики Канакаріи составляетъ овальное сіяніе, коимъ отдѣлена отъ золотого фона вся фигура Богородицы. Внѣшняя полоса его радужная, затѣмъ слѣдуетъ узкая бѣлая полоска, самое же сіяніе образовано чередующимися темными (почти черными) и синими

полосами. Лицо Божіей Матери совершенно разрушено, уцѣлѣли лишь части золотого нимба, окаймленного красной и синей полосками. Одежда Божіей Матери состоитъ изъ фіолетовой, т. е. «пурпурной» туники и синяго плаща, который, вѣроятно, покрывалъ и голову. Христосъ въ золотыхъ сандаляхъ, синемъ хитонѣ и бѣломъ плащѣ носить золотой крестчатый нимбъ съ красной и зеленой полоской по краю. У Божіей Матери сохранилась лишь лѣвая рука, придерживающая Христа, сидящаго на лонѣ Ея, за лѣвое колѣно. Христосъ держитъ запечатанный крестообразной перевязью свитокъ наклонно правою обнаженной рукой и лѣвою спрятанной подъ плащемъ. Лицо Христа вполне сохранилось: оно смотритъ прямо впередъ, какъ смотрѣла, конечно, и Богородица; отъ лица ангела отличается оно тѣмъ, что собрано изъ кубиковъ болѣе свѣтлыхъ, лишь въ щеки вставлены розовые кубики. Удлиненный овалъ лица рѣзко отличается отъ обычнаго въ позднѣйшей византійской традиціи широкаго округлаго лица Христа-Младенца. Руки Христа и Божіей Матери изображены со тщателью переданной разноцвѣтными, но безъ зеленыхъ, кубиками мускулатурой. Черный контуръ около лица и рукъ нарушаетъ естественность ихъ изображенія. Положеніе ногъ Христа и Богородицы было, видимо, одинаково: правая нога поставлена значительно выше лѣвой; у Божіей Матери эта поза могла мотивироваться подножіемъ трона, у Христа же, обѣ ноги котораго предполагаются висящими, условность этой позы явно бросается въ глаза.

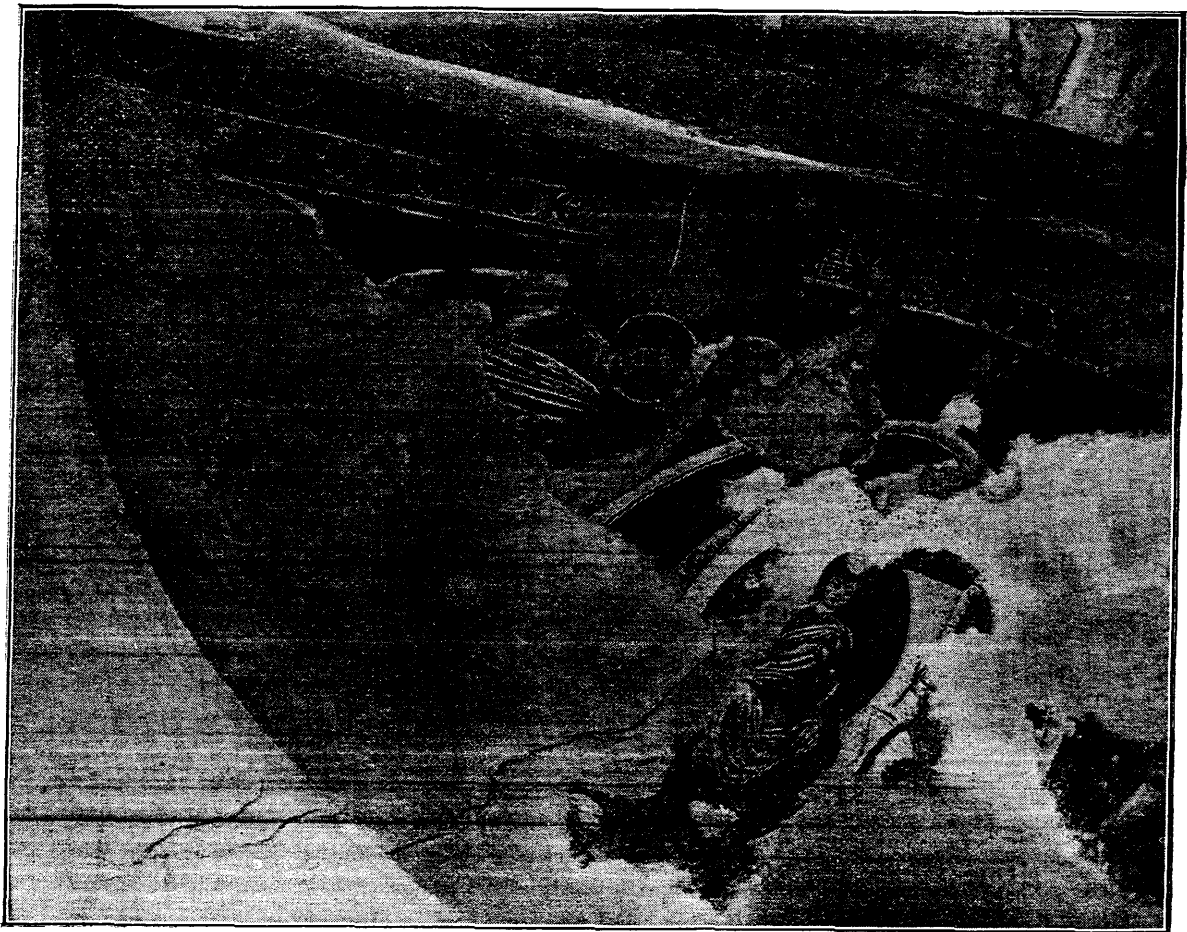
Отъ трона сохранились лишь лирообразно-изогнутая спинка бѣлая, съ свѣтло-зелеными полосками и разноцвѣтными ромбами и параллелограммами, обозначающими, очевидно, цвѣтные камни, вставленные въ нея, и подушка, на которой сидитъ Божія Матерь, также бѣлая съ синей поперечною полосой, съ зеленою и золотою обшивкой на концахъ.

По сторонамъ стояли два ангела, отъ праваго уцѣлѣла лишь рука, выходящая изъ широкаго и короткаго рукава хитона; она опущена внизъ и раскрытая ладонь ея, повидимому, ничего не держала, выражая лишь изумленіе. За рукою этой видны внизу зеленыя изъ кубиковъ различныхъ оттѣнковъ округлыя условныя изображенія холмовъ и также зеленый съ коричневою полоской по срединѣ стволъ, очевидно, пальмы, судя по формѣ листьевъ вершины, соответствующаго этому, дерева въ лѣвой половинѣ. Лѣвый ангелъ сохранился лучше: лѣвой опущенной рукой держалъ онъ, какъ, вѣроятно, и правый ангелъ,

жезлъ, положеніе же правой опредѣлить нельзя. Одежда его состоитъ изъ голубой съ желтоватою полосою туники и бѣлаго плаща, накину- таго на лѣвое плечо и слегка лишь прикрывающаго правое. Крылья узкія (м. б. лишь по недостатку мѣста) и длинныя имѣютъ обычную форму: перья ихъ синія, голубыя и лиловыя. Лицо ангела сохрани- лось вполнѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ разобрать цвѣта волосъ и тем- наго, повидимому, однако, не золотого нимба, но ясно видно, что обыч- ныхъ въ традиціонныхъ изображеніяхъ ангеловъ «слуховъ» тутъ не было.

Лицо набрано весьма живо изъ бѣлыхъ, розовыхъ, черныхъ и иныхъ, кромѣ зеленыхъ, кубиковъ, и мускулатура шеи передана также очень тщательно. Лицо это гораздо живѣе и натуральнѣе лица Христа, оба глаза скошены въ сторону Божіей Матери.

Широкая кайма внѣшняго края абсиды нынѣ, болѣе чѣмъ на по- ловину, закрытая новой аркой, украшена была тринадцатью медаль-

Кайма внѣшняго края абсиды церкви Παναγία Κυναχρία.

онами апостоловъ и Христа, вѣроятно, посрединѣ; орнаментальный бордюръ ея образованъ меандрами, условно изображенными листьями и синими кругами и ромбами, изображающими, быть можетъ, цвѣтные камни. На темномъ фонѣ середины полосы этой широкіе листья, обрамляющіе медальоны и розетки о четырехъ острыхъ листьяхъ и бѣлыя точки по три вмѣстѣ. Въ медальонахъ на синемъ фонѣ изображены были лица апостоловъ: въ сѣверной (лѣвой) части арки лица почти совершенно заложены новою аркой и видны лишь концы надписей, а именно идя сверху внизъ.... ΙΑΣ, ΘΕΟΣ, ΔΕΟΣ, ΚΟΣ и ΜΑΣ; въ южной видны лица и начала надписей: одно юное лицо безъ надписи, при сѣдобородомъ лицѣ стоитъ ΙΑΚΟ и при другомъ бородатомъ, но не сѣдомъ ΒΛΩΩ.... Но этого южного куска мозаикъ я къ сожалѣнію не фотографировалъ. Равнымъ образомъ теперь весьма досадна краткость вышеприведенныхъ замѣтокъ, гдѣ, напримѣръ, не упоминается объ употребленіи въ лицахъ оранжевыхъ кубиковъ, обычныхъ въ ближайшихъ къ мозаикамъ Канакаріи мозаикахъ VI вѣка. Но я не видалъ еще въ оригиналѣ мозаикъ этихъ, когда былъ на Кипрѣ, и поэтому не могъ тогда судить о нихъ положительно: мнѣ была лишь очевидна значительная древность ихъ сравнительно съ извѣстными мнѣ и тогда поздне-византійскими мозаиками XI—XIII вѣковъ.

Хотя отъ мозаики и сохранились лишь куски, всего лишь, можетъ быть, одна треть, но и по кускамъ этимъ общая композиція возстановляется совершенно ясно: въ центрѣ на фонѣ овальнаго ореола на тронѣ сидѣла Божія Матерь, держа на лонѣ Христа-Младенца, по сторонамъ ореола изъ раздѣленной на подобіе холмовъ полосы земли росли двѣ пальмы, доходя вершинами до верхней части ореола; по сторонамъ предъ ними стояли два ангела въ спокойныхъ позахъ почетной стражи.

Нижняя часть мозаики совершенно разрушена; здѣсь, судя по многочисленнымъ аналогіямъ, могла находиться надпись, но широкой орнаментальной каймы предполагать невозможно, такъ какъ если возстановить нижнюю часть ореола сообразно верхней, сохранившейся части его, то для полосы такой не окажется мѣста.

Поза Божіей Матери достаточно ясна и по сохранившимся частямъ фигуры ея, позы же ангеловъ можно легко вообразить по многочисленнымъ инымъ изображеніямъ ихъ въ той же роли почетной стражи у престола Царицы Небесной или Вседержителя. Такъ совер-

шенно почти исчезнувшаго праваго ангела по характерному положенію его правой руки, отведенной въ сторону и обращенной наружу широко раскрытой ладонью, можно возстановить по ангеламъ, справа же стоящимъ отъ престоловъ: на мозаикахъ церкви св. Космы и Даміана въ Римѣ (Garrucci, 253; de Rossi, *Mosaici*, вып. 5, правая рука видимо реставрирована, но судя по копіи мозаики этой въ ц. св. Праскеды, Garrucci, 286; de Rossi, вып. 5, правильно) и на мозаикахъ церкви св. Михаила въ Афричиско и Михаила въ Равеннѣ (Garrucci, 267.2); у перваго рука отведена въ сторону и обнажена до локтя, какъ и въ Канакарійской мозаикѣ, но раскрытая ладонь обращена не наружу, а внизъ, у втораго же рука прикрыта рукавомъ до самой кисти и опущена не столь низко, но положеніе ладони тождественно съ разсматриваемой кипрской мозаикой. Сближаетъ съ нею эту пару ангеловъ также и присутствіе въ лѣвыхъ рукахъ жезловъ, конечно, не копій, какъ изображено у Garrucci. Ср. также лѣваго ангела у престола Божіей Матери въ церкви св. Цециліи (Garrucci, 292) и ангеловъ церкви S. Maria in Domnica (Garrucci, 293) на мозаикахъ папы Пасхалія I.

Въ позѣ лѣваго, лучше сохранившагося ангела несомнѣнно положеніе лѣвой руки, опущенной внизъ и отведенной въ сторону, которою держалъ онъ наклонно жезлъ; положеніе же правой неясно: она могла быть и опущена, но это мало вѣроятно, такъ какъ тогда фигура эта, по сравненію съ правой, являлась бы мало выразительной. Поэтому мы должны предполагать ее или отведенной въ сторону въ жестѣ изумленія, или же согнутой въ локтѣ и обращенной наружу открытою, поднятою вверхъ ладонью, въ обычномъ жестѣ адораціи¹⁾. Какова бы ни была поза его, все равно она болѣе соотвѣтствовала и позѣ праваго ангела, и роли почетной стражи у престола Царицы Небесной, чѣмъ позы ангеловъ въ мозаикѣ Кети.

Расположеніе плаща, который, какъ у ангела, такъ и у Христа канакарійской мозаики, прикрывая лѣвый бокъ, накинутъ слегка и на правое плечо, находитъ себѣ многочисленныя аналогіи, напр., въ сирійскихъ миниатюрахъ Эчміадзинскаго евангелія у евангелистовъ (Strzygowski, *Byz. Denkm.* I, табл. III, 1 и 2), Авраама (ib. IV. 2) и

1) См., напр., ангеловъ церкви S. Maria Maggiore (Garrucci, 212. 1), ц. св. Аполлинарія Новаго (Garrucci, 242. 2, 244. 2), ц. св. Космы и Даміана (Garrucci, 253), ц. св. Агаты Великой въ Равеннѣ (Garrucci, 254. 1), ц. св. Михаила въ Афричиско въ Равеннѣ (Garrucci, 267. 2), базилики въ Паренцо (Garrucci, 276. 1), ц. Нерее и Ахиллея въ Римѣ (Garrucci, 234) и т., и т. д.

Христа (ib. IV. 1), у котораго тамъ, какъ въ Канакаріи, лѣвая рука совершенно скрыта подъ плащомъ, у Христа на равеннскомъ диптихѣ (Gaggucci, 456), у нѣкоторыхъ святыхъ на мозаикахъ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (Gaggucci, 246. 13 и 247. 5), у апостола Петра въ церкви св. Θεодора въ Римѣ (Gaggucci, 252. 3) и т. д. Такимъ образомъ ни позы, ни одежды ангеловъ не представляютъ ничего характернаго: онѣ примыкають ко многочисленнымъ мозаикамъ и инымъ памятникамъ V—VII вѣковъ и, слѣдовательно, принадлежать къ общему достоянію христіанскаго искусства тѣхъ временъ. Пальмы, введенныя въ композицію, съ полною несомнѣнностью могутъ быть понимаемы, какъ обозначеніе рая небснаго, согласно обычному приему изображать ихъ въ этомъ значеніи на всевозможныхъ памятникахъ IV—VII вѣковъ. Примѣры столь многочисленны и столь извѣстны, что приводить ихъ было бы совершенно лишнимъ¹⁾.

Возстановивъ такимъ образомъ мысленно фигуры ангеловъ, пальмы, мы получимъ монументальную композицію того же въ сущности содержанія, какъ и въ церкви Богородицы Ангелозданной въ Кити, но иного характера: здѣсь Божія Матерь сидитъ на царскомъ тронѣ, окруженная къ тому же ореоломъ, между двумя пальмами, обозначающими рай, а предстоящіе престолу Ея ангелы являются въ соотвѣтственныхъ роли ихъ позахъ, сходныхъ съ иными обычными изображеніями того же содержанія. Канакарійская мозаика представляетъ, такимъ образомъ, композицію менѣе оригинальную, чѣмъ китійская, и поэтому, стоя гораздо ближе къ инымъ, болѣе выработаннымъ, чѣмъ китійская мозаика, композиціямъ, кажется намъ менѣе древнею, такъ какъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ менѣе и менѣе оригинальности оказывается въ композиціяхъ христіанскаго искусства: могутъ являться композиціи новыя, но старыя повторяются обыкновенно въ традиціонныхъ типахъ и лишь въ деталяхъ; въ одеждѣ, атрибутахъ и, конечно, стилѣ выражается вліяніе времени. Указанные выше сборники изображеній различныхъ иконъ Божіей Матери доказываютъ это съ совершенною ясностью.

Композиція мозаичной росписи абсиды Канакаріи является уже вполне выработанной и въ совершенствѣ передающей сюжетъ «Бо-

1) См. Kraus, Real.-Encyclopädie der christl. Alterthümer, изд. I, стр. 146, II, 579, 583 сл. V. Schultze, Archaeologie der altchristlichen Kunst, стр. 374. Въ апокрифическомъ евангеліи (псевдо-) Матвея (гл. XX) Христосъ говоритъ пальмѣ, поклонившейся Богородицѣ: esto consors arborum mearum quae sunt in paradiso patris mei.

городища въ небесной славѣ». Нельзя, однако, не замѣтить, что фигурамъ ангеловъ оказалось мало мѣста, что ясно видно, какъ по узкимъ сжатымъ крыльямъ, столь рѣзко отличающимся отъ широко распростертыхъ крыльевъ ихъ тамъ, гдѣ для крыльевъ оказывается достаточно свободнаго мѣста, такъ и потому, что для того, чтобы выгадать мѣсто даже и для этихъ столь узкихъ крыльевъ мастерамъ пришлось сѣзуть въ нижней части ту широкую бѣлую полосу, которая отдѣляетъ золотой фонъ композиціи отъ широкаго бордюра съ изображеніями апостоловъ. Равнымъ образомъ и пальмы рѣзко отличаются отъ обычныхъ изображеній ихъ тѣмъ, что вмѣсто раскидистой главы здѣсь оказываются на вершинахъ стволовъ лишь жидкіе, еле замѣтные пучки листвы. Такая сжатость боковыхъ частей композиціи произошла вслѣдствіе помѣщенія трона Божіей Матери внутри большого, широкаго, овальнаго сіянія, занявшаго всю средину конхи.

Что касается типа Божіей Матери, сидящей на тронѣ en face съ Христомъ-Младенцемъ на лонѣ, то подробно говорить о немъ нужды нѣтъ: Стржиговскій прекрасно показалъ разницу типа этого отъ изображеній того же содержанія въ катакомбахъ, опредѣлилъ время возникновенія его эпохою послѣ Эфесскаго собора, указалъ на зависимость самого типа отъ соответствующихъ типовъ позднеантичнаго искусства и привелъ достаточное число примѣровъ изображеній Божіей Матери въ этомъ типѣ, какъ въ сценѣ поклоненія волхвовъ, такъ и отдѣльно—какъ царицы небесъ, подобно мозаикѣ Канакаріи (Strzygowski, Cimabue und Rom, стр. 44—48; Byzantinische Denkmäler, I, стр. 39—42).

Въ томъ же самомъ типѣ изображена была Божія Матерь со Христомъ и на мозаикѣ Канакаріи. Отъ всѣхъ иныхъ подобныхъ изображеній Ея кипрская мозаика рѣзко отличается помѣщеніемъ всей фигуры Божіей Матери внутри эллиптическаго сіянія. Въ примѣненіи ко Христу, а изрѣдка и къ инымъ фигурамъ, это сіяніе встрѣчается довольно часто, особенно въ изображеніяхъ Преображенія, Вознесенія и т. п.; но около Божіей Матери намъ, по крайней мѣрѣ, оно извѣстно лишь на позднѣйшихъ памятникахъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ¹⁾. Лишь отдаленную аналогію находимъ мы въ со-

1) См., напр., Didron, Histoire de Dieu, стр. 100 сл. Rohault de Fleury, La Sainte Vierge, passim. На греческихъ и нашихъ иконахъ позднѣйшихъ временъ Божія Матерь очень часто является окруженной овальнымъ сіяніемъ, иногда правда не столь рѣзко ограниченнымъ, какъ ореолы западные и вышеупомянутые греческіе.

поставленныхъ Стржиговскимъ двухъ оригинальныхъ изображеній: на миниатюрѣ Эчміадзинскаго евангелія и на обломкѣ золотой пластинки изъ южной Италіи (Garrucci, 436. 5), гдѣ въ композиціи подобной нашей мандорлою окруженъ лишь Христосъ, сидящій на колѣнахъ Божіей Матери (Strzygowski, *Byz. Denkm.* I, стр. 72—73)¹⁾. При всей исключительности, какъ этихъ, такъ и нашего изображенія, можно, однако, какъ намъ кажется, усмотрѣть въ нихъ различный взглядъ на Христа и Божію Матерь: изображая въ мандорлѣ лишь перваго и отдѣляя Его такимъ образомъ отъ Матери, художники какъ бы хотѣли показать, что лишь «Рожденное Дѣвою-Богъ», а что сама она осталась смертною, окружая же сіяніемъ всю фигуру Божіей Матери, художники канакарійской мозаики возвышали тѣмъ самымъ Божію Матерь надъ прочими смертными и явно выражали задачу свою изобразить Ее Царицею Небесъ. Такое различіе во взглядахъ на Христа и Божію Матерь специалисты объясняютъ, можетъ быть, различіемъ разновременныхъ или разныхъ по мѣстамъ богословскихъ ученій, мы же можемъ лишь отмѣтить эту оригинальную черту кипрской мозаики, ближайшихъ аналогій которой среди извѣстныхъ намъ восточныхъ памятниковъ указать мы не можемъ. Иное дѣло самое изображеніе сіянія этого. Темносиняя середина его находитъ себѣ аналогію въ переходящихъ изъ одного въ другой синихъ тонахъ нимба Христа въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ (Д. В. Айналовъ, *Мозаики IV и V вѣковъ*, стр. 29); сіяніе, окружающее Моисея, Аарона и Хура на мозаикѣ S. Maria Maggiore въ Римѣ (Д. В. Айналовъ, стр. 125) также съ синими полосами²⁾. Въ синайской мозаикѣ

См., напр., иконы называемыя «Похвала Богородицы», «Соборъ Пресвятой Богородицы» (напр., собр. Постникова № 856), «О тебѣ радуется» (ib. 24), на четырехъ иконахъ, иллюстрирующихъ херувимскую пѣснь и т. д.

1) Судя по фотографіи Mosconi въ Римѣ (№ 5972), въ Субіако, въ церкви S. Speso, Христосъ на колѣнахъ Божіей Матери также окруженъ ореоломъ, который обѣими руками Богоматерь придерживаетъ. Эта фреска является, такимъ образомъ, болѣе близкой аналогіей къ золотой пластинкѣ изъ Базиликаты, чѣмъ эчміадзинская миниатюра. Стржиговскій, посѣтившій Субіакъ, объ этой фрескѣ не упоминаетъ. На многихъ указываемыхъ Гарруччи византійскихъ изображеніяхъ на монетахъ Божія Матерь придерживаетъ обѣими руками сверху нимбъ Христа, отъ котораго на погрудныхъ изображеніяхъ видно лишь голова. Едва ли можно сомнѣваться, что эти изображенія, равно какъ и круглый медальонъ Христа на груди Богоматери на иконахъ «Знаменія» суть лишь сокращенія болѣе древняго типа, гдѣ ореолъ окружалъ всю фигуру Христа, отлагая и отдѣляя его, такимъ образомъ отъ Богоматери.

2) Интересную аналогію между этимъ облакомъ, распростертымъ небесною десницей около нихъ и мѣшающимъ камнямъ іудеевъ долетать до нихъ, представляютъ гностическія легенды, гдѣ Христосъ облакаетъ какимъ то «свѣтовымъ истеченіемъ»

Преображенія Христосъ стоитъ внутри голубого ореола, фонъ котораго около фигуры сдѣланъ темносинимъ (Н. П. Кондаковъ, Путешествіе на Синай, стр. 87). Въ ватиканской рукописи Космы Индоплова сіяніе около Христа голубое, окруженное синею полосой (Н. П. Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 99); въ миниатюрѣ сирійскаго евангелія 586 года возносящійся Христосъ окруженъ сіяніемъ «Небеснаго цвѣта» (Garrucci, III, стр. 62).

Радужная кайма около мандорлы находитъ себѣ много аналогій и особенно легко могла быть исполнена конечно мозаикой: такова радужная рамка въ церкви св. Георгія Солунскаго около вѣнка въ куполѣ, въ церкви св. Софіи Солунской въ коробовомъ сводѣ пресвитерія (конца VIII-го вѣка, какъ будемъ мы имѣть случай доказать въ другомъ мѣстѣ), около погруднаго изображенія Божіей Матери въ аркѣ св. Софіи Цареградской (IX-го вѣка см. Salzenberg, стр. 33) и т. д. Такія же радужныя рамки находимъ и въ миниатюрахъ, гдѣ исполненіе ихъ было гораздо труднѣе, напримѣръ, въ вѣнской рукописи Діоскорида около изображенія Діоскорида, въ аркадахъ сирійскихъ миниатюръ Эчміадзинскаго и Флорентійскаго евангелій (Strzygowski, Byz. Denkm. I, стр. 57). Слѣдовательно, какъ явленіе обычное, радужная кайма ничего для опредѣленія времени мозаики Канакаріи давать не можетъ.

Поза Христа на мозаикѣ Канакаріи также не представляетъ въ общемъ ничего оригинальнаго и является на множествѣ изображеній Его разныхъ временъ; зависимость ея отъ соотвѣтственныхъ типовъ позднеантичнаго искусства прекрасно доказалъ Стржиговскій (Byzant. Denkm. I, стр. 31—33). Единственное отличіе Христа Канакаріи отъ обычныхъ изображеній Его состоитъ въ томъ, что онъ держитъ свитокъ обѣими руками; обыкновенно свитокъ или книгу влагали лишь въ лѣвую руку Его, правая же изображалась въ жестѣ благословенія. Опредѣлить точно позу Божіей Матери теперь невозможно,

(«Licht, ἀπόρροια»), т. е. очевидно свѣтлымъ облакомъ въ защиту отъ Αὐράς; выводимую изъ ада «Πίστις-Σοφία» (C. Schmidt, Gnostische Schriften... aus cod. Brucianus, Лpz. 1890, стр. 430). Указанія на различныя видѣнія, гдѣ упоминается сіяніе вокругъ всей фигуры см. у Kraus', Geschichte der christl. Kunst, I, стр. 220; упоминаемая Didron'омъ (Hist. de Dieu, стр. 103) рассказы житій, гдѣ ангелы уносятъ душу in sphaera ignea, очевидно, зависятъ отъ изображеній Вознесенія Христова, на которыхъ мандорлу поддерживаютъ ангелы, но предполагаютъ ее конечно красною, а не синею, какъ на вышеуказанныхъ древнѣйшихъ примѣрахъ. Къ сожалѣнію, Стржиговскій не отмѣтилъ цвѣта ореола, окружающаго Христа на Эчміадзинской миниатюрѣ (Byz. Denkm. I, стр. 69).

такъ какъ неясно, лежала ли правая рука Ея, какъ на многихъ подобнаго рода изображеніяхъ¹⁾, на правомъ плечѣ Христа, или же была опущена и придерживала Его ниже. Судя по сохранившейся слѣва части правой руки Божіей Матери болѣе вѣроятнымъ кажется второе, такъ какъ въ противномъ случаѣ должно было бы быть видно и на сохранившемся кускѣ внѣшній контуръ поднятой отъ локтя къ плечу Христа руки, равно какъ должно было бы это выразиться и въ контурѣ локтя. Положеніе ногъ Божіей Матери также не совсѣмъ ясно: повидимому, въ выбитомъ теперь пятнѣ, въ лѣвой части нижняго края фигуры, подъ темною линіей, обозначающей край одежды, видны были и пальцы правой ноги Божіей Матери; справа выгнутый контуръ одежды представляетъ, очевидно, плащъ, нижній край котораго обозначаетъ широкая темная полоса, идущая къ правой ногѣ Христа. Изъ-подъ плаща этого контуръ нижней одежды долженъ идти, конечно, по тому же направленію, какъ выше шелъ контуръ плаща. Поэтому мнѣ кажется невозможнымъ считать принадлежащимъ къ ней темный планъ, который выступаетъ по дугообразной линіи отъ пересѣченія края плаща съ контуромъ нижней одежды: этотъ рѣзкій выступъ вправо на бѣломъ фонѣ трона, или точнѣе бѣлой, покрывающей матеріи, объяснить себѣ я не могу: для обозначенія какой-либо скамьи или ступеней трона выступъ этотъ по высотѣ его нахождения и крутизнѣ контура едва ли могъ служить; дугообразный контуръ его указываетъ какъ бы на сферу, которой въ такомъ случаѣ должно принадлежать и темное пространство ниже правой ноги и края нижней одежды Божіей Матери, гдѣ слѣдовало бы ожидать изображенія скамейки или ступеней трона. Представить вмѣсто подножія сферу было бы умѣстно, пожалуй, въ изображеніи Христа, Котораго нерѣдко изображали сидящимъ на сферѣ, и ноги котораго опираются иногда, какъ напримѣръ, въ мозаикѣ купола св. Софіи Солунской на радугу. Миниатюра XI вѣка, указанная Е. К. Рѣдинымъ (Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 155) изображаетъ Христа, также окруженнаго голубымъ ореоломъ и сидящаго на радугѣ. Такую замѣну можно было бы

1) Напр., диптихъ VI-го вѣка Берлинскаго музея № 429, см. Bode und Tschudi, Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epoche, Berlin, 1888, табл. LV; амвонъ въ Θεσσαλονικαхъ, Bayet et Duchesne, Memoires sur une mission au Mont Athos, табл. IV; мозаика въ Паренцо (Garrucci, 276. 1); въ церкви Нерее и Ахиллея въ Римѣ (Garrucci, 284). На миниатюрѣ Эчміадзинскаго евангелія (Byz. Denkm. VI. 1). Божія Матерь держитъ такимъ образомъ не самого Христа, а облекающій Его овальный ореолъ.

объяснять словами св. писанія и христіанскихъ ораторовъ οὐ θρόνος μὲν τῆς βασιλείας ἀψίδες οὐράνιοι, γῇ δὲ ὑποπόδιον αὐτοῦ τῶν ποδῶν (Bayet, *Recherches*, стр. 55). Для Божіей Матери же эта сфера подъ ногами¹⁾ столь же необычна и несоотвѣтственна, какъ и ореоль, облекающій всю фигуру, и является характерной особенностью мозаики Канакаріи, дать удовлетворительнаго объясненія которой мы не можемъ. Равнымъ образомъ босые пальцы, — если мы вѣрно понимаемъ незначительные остатки правой ноги, — въ изображеніяхъ Божіей Матери, сидящей на тронѣ, также совершенно необычны, такъ какъ Ей придается въ такихъ случаяхъ красная, царская обувь, соотвѣтствующая торжественности всего изображенія.

Сколь ни отдаленна аналогія между Канакарійской мозаикой и французской миниатюрой X-го вѣка, изданной Didron'омъ (*Histoire de Dieu*, стр. 101), но, не зная аналогій болѣе близкихъ, приходится сравнивать эти столь разнородныя памятники: на миниатюрѣ Божія Матерь изображена безъ Христа, обѣ руки Ея подняты раскрытыми ладонями передъ грудью, сидитъ Божія Матерь на сферѣ, а обѣ ноги въ красныхъ, вѣроятно, башмакахъ поставлены еще на какой то округлый отрѣзокъ. Верхняя часть фигуры окружена выходящимъ изъ за сферы, замѣнившей престолъ, ореоломъ, на фонѣ котораго, равно какъ и на сферѣ, кружки изъ точекъ могутъ обозначать звѣзды²⁾. Didron не входитъ въ объясненія этого изображенія, но склоненъ, видимо (стр. 102), объяснять его согласно другому, еще болѣе позднему, XVI вѣка изображенію Божіей Матери съ Христомъ-Младенцемъ, на этотъ разъ текстомъ изъ Апокалипсиса XII. 1... γυνὴ περιβεβλημένη τὸν ἥλιον, καὶ ἡ σελήνη ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτῆς, καὶ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς στέφανος ἀστέρων δώδεκα etc. — Но объяснить Апокалипсисомъ канакарійскую мозаику мы возможности не

1) Въ сводѣ пресвитеріи церкви св. Виталія въ Равеннѣ четыре ангела, поддерживающіе вѣнокъ съ агнцемъ, изображена стоящими на голубыхъ сферахъ (Е. К. Рѣдинъ, *Мозаики равеннскихъ церквей*, стр. 126). Тоже самое повторяется въ сводѣ капеллы св. Зинона въ ц. св. Праскеды въ Римѣ (Garrucci, 291, de Rossi, *Mosaici*, вып. 11—12), но это достаточно близкой аналогіи сферѣ подъ ногами Божіей Матери, сидящей на тронѣ, не представляетъ, такъ какъ ангелы тамъ изображены, быть можетъ, стоящими на своихъ планетахъ.

2) Въ общемъ композиція этой фигуры явно зависитъ отъ подобныхъ же изображеній Христа, которому и сфера вмѣсто трона, и ореоль болѣе обычны; ср. у Didron'a же рис. 14 на стр. 23, фреска XI-го вѣка, гдѣ Христосъ сидитъ на сферѣ, на которую положена однако еще подушка!, передъ ореоломъ, поставивъ обѣ ноги на меньшую сферу.

видимъ: конечно, рождающая жена могла, согласно отождествленію ея съ Божіею Матерью, быть изображенной, какъ Божія Матерь со Христомъ младенцемъ, но синій цвѣтъ ореола, вовсе не соотвѣтствующій солнцу, отсутствіе звѣздъ около головы, невозможность считать темную сферу луною — дѣлаютъ такое объясненіе для канакарійской мозаики невозможнымъ. Оставляя объясненіе смысла ея лицамъ болѣе насъ компетентнымъ, мы замѣтимъ лишь, что она является первымъ, насколько намъ извѣстно, примѣромъ древняго восточнаго изображенія Божіей Матери, облеченной ореоломъ; западные же памятники подобнаго рода должны считаться такимъ образомъ зависящими отъ иныхъ неизвѣстныхъ или несохранившихся восточныхъ, подобно тому, какъ Китійская мозаика дала ближайшую аналогію оригинальному изображенію крыльевъ херувимовъ на лангобардскомъ рельефѣ, а синайская мозаика явно указываетъ на восточное происхожденіе композиціи Преображенія, являющейся въ XII-мъ вѣкѣ на росписныхъ стеклахъ Шартрскаго собора (ср. Garrucci, 268 и Didron, рис. 79 на стр. 95).

Главнѣйшимъ препятствіемъ сближать французскую миниатюру съ кипрской мозаикой является то, что тутъ сфера подъ ногами Божіей Матери является вовсе неумѣстной въ виду того, что Божія Матерь сидитъ не на небесной сферѣ, а на реальномъ царскомъ тронѣ. Такого точно трона намъ нигдѣ неизвѣстно, онъ рѣзко отличается отъ прочихъ, повидимому, матеріаломъ: бѣлые изогнутые боковые устои спинки его заставляютъ предполагать, что они были или серебряные, или, что болѣе вѣроятно, обложены слоновой костью и украшены цвѣтными камнями; изогнутая форма ихъ не такова, чтобы позволять считать ихъ цѣльными слоновыми бивнями; это — форма роговъ, подобныхъ тѣмъ, которые употреблялись для боковыхъ устоевъ на лирахъ, гдѣ они состоятъ иногда изъ цѣльныхъ роговъ. Бѣлое пространство между ними обозначаетъ натянутую тамъ, какъ на множествѣ изображеній византійскихъ троновъ, матерію, служившую спинкой. Лирообразная спинка трона встрѣчается нерѣдко на памятникахъ разныхъ временъ, начиная съ VI-го вѣка, но она состоитъ обыкновенно изъ широкихъ деревянныхъ или металлическихъ устоевъ, богато орнаментированныхъ цвѣтными камнями, и такимъ образомъ ближайшей аналогіи трону въ Канакарії не представляетъ¹⁾.

1) Напримѣръ, у царицы на вѣнскомъ диптихѣ (Schneider, Album der Antiken-Sammlung des Allh. Kaiserhauses, Wien, 1895 табл. L); у Христа въ церкви св.

Ближайшую же аналогію спинкѣ трона на мозаикѣ Канакаріи представляет тронъ на крышкѣ, украшенной рельефнымъ изображеніемъ Божіей Матери со Христомъ-Младенцемъ, круглой серебряной мощехранительницы, найденной въ Градо и относимой къ VI-му вѣку¹⁾, гдѣ спинка образована также двумя рогообразными устоями и натянутой между ними матеріей; отличие этого трона отъ всѣхъ прочихъ представляет отсутствіе подушки; на верхнихъ концахъ устоевъ помѣщены подобія цвѣточныхъ почекъ, присутствія которыхъ на мозаикѣ незамѣтно, такъ какъ концы устоевъ этихъ разрушены; если же они были, то должны были столь же близко подходить къ границѣ ореола, какъ на крышкѣ къ бордюру барельефа. На рельефѣ этомъ эти устои изображены спиральными, что подходит къ предположенію о происхожденіи ихъ отъ роговъ какой-либо антилопы. Этотъ же тронъ, какъ и тронъ вѣнской пластинки и мозаики Канакаріи, отличается отъ прочихъ вышеуказанныхъ троновъ съ лирообразными спинками еще тѣмъ, что тутъ матерія, образующая спинку, натянута непосредственно между двумя боковыми устоями, на прочихъ же устои эти соединены вверху перекладиной, къ которой подвѣшена ткань, и которая мѣшаетъ прислониться къ мягкой матерчатой спинкѣ: слѣдовательно, эти три памятника даютъ изображеніе болѣе реальное подобнаго рода троновъ, на прочихъ же они являются болѣе парадными и великолѣпными, но менѣе удобными.

Такимъ образомъ композиція въ абсидѣ Канакаріи представляет цѣлый рядъ особенностей, которымъ оказывается невозможнымъ, для насъ, по крайней мѣрѣ, указать достаточно близкія, объясняющія ихъ аналогіи среди иныхъ памятниковъ древне-христіанскаго и ранне-византійскаго искусства.

Украшеніе вѣшней вертикальной каймы конхи погрудными изображениями на подобіе античныхъ *imagines clipeatae* находитъ себѣ много аналогій въ церковныхъ росписяхъ: точно такъ же изобра-

Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (Garrucci, 242, фот. Ricci № 104); у Христа въ церкви св. Агаты Великой тамъ же (Garrucci, 254); у Божіей Матери на миниатюрѣ Эчміадзинскаго евангелія (Strzygowski, Byzant. Denkm. I, табл. VI 1); на мозаикѣ надъ дверью Софіи Цареградской (Salzenberg, табл. 27; VI-го или IX-го вѣка?); на византійскомъ мраморномъ рельефѣ Христа въ Arbe въ Далмаціи (Eitelberger, Die mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens, рис. 7 на стр. 154). Для позднѣйшихъ временъ см. «Божію Матерь въ Монреале» (фот. Sommer'a № 9104) и указанія Стржиговскаго (Cimabue und Rom, стр. 50—51).

1) См. рис. у Garrucci, 436. 5; de Rossi, *La capsella argentea africana*. Roma, 1889, стр. 28.

женіями евангелистовъ и апостоловъ, а внизу также и строителей церкви украшена кайма конхи синайской церкви св. Екатерины (Gaggucci, 268. 2), въ Паренцо мѣсто апостоловъ заняли 12 святыхъ женъ, очевидно, въ зависимости отъ посвященія церкви Божіей Матери (Gaggucci, 276).

Что касается порядка изображеній въ Канакаріи, то, при попыткахъ возстановить его, надо принять во вниманіе слѣдующія изображенія апостоловъ, обозначенныхъ именами: на мозаикахъ Православнаго баптистерія въ Равеннѣ (Gaggucci, 226), на мозаикахъ нынѣ погибшихъ ц. св. Агаты въ Субурѣ въ Римѣ (Gaggucci, 240. 2), триумфальной арки церкви св. Виталія (Gaggucci, 259), на синайской мозаикѣ (Gaggucci, 268. 2) и на бронзовой пиксидѣ изъ Рима (Gaggucci, 426. 2), а также на мозаикѣ въ капеллѣ Петра Хризолога въ Равеннѣ, гдѣ однако апостолы раздѣлены на двѣ группы (Gaggucci, 224 и IV стр. 33). На всѣхъ этихъ памятникахъ, кромѣ синайской мозаики, по сторонамъ Христа помѣщаются Павелъ (слѣва) и Петръ (справа); тоже должно предполагать и для мозаики Канакаріи.

Такимъ образомъ порядокъ изображеній въ лѣвой сѣверной части арки будетъ таковъ: идя сверху отъ Христа внизъ, Павелъ, [Ματθ]ῆας, [Ματθ]ῆος, [Θαδ]δῆος, [Μάρ]κος, [Θω]μᾶς.

Такого порядка ни на одномъ изъ вышеуказанныхъ памятниковъ не оказывается, мало того, Марка и Матѳіа находимъ мы только на синайской мозаикѣ: если на послѣдней въ числѣ медальоновъ нѣтъ Петра, Іоанна и одного Іакова, то это, очевидно, лишь потому, что они изображены въ главномъ изображеніи мозаики въ сценѣ Преображенія.

Такимъ образомъ, мозаика Канакаріи оказывается въ выборѣ апостоловъ стоящей всего ближе къ мозаикѣ синайской, къ которой ближе она и по мѣсту нахождения. Однако, порядокъ размѣщенія ихъ и число здѣсь были иные. На южной части арки сохранились лишь три, заложенные новою аркой меньшей, чѣмъ въ сѣверной части, медальона, а именно, идя снизу, если память насъ не обманываетъ, Βα(ρ)θω[λομ]αῖος, Ἰάκω[βος] и юное лицо безъ надписи, можетъ быть, Ἰω(=Ἰωάννης). Изъ трехъ, исчезнувшихъ вверху, помѣщались, конечно, Петръ и Андрей; остается выбирать изъ прочихъ апостоловъ третьяго и всего вѣроятнѣе, кажется, выбрать Филиппа, такъ какъ онъ входитъ во всѣ указанные изображенія.

Что касается типовъ апостоловъ то, такъ какъ лица ихъ заложены новою аркой, теперь видно лишь, что одинъ (безъ имени, мо-

жетъ быть Іоаннъ) изображенъ былъ юнымъ, каковымъ и изображается Іоаннъ на всѣхъ исчисленныхъ примѣрахъ, кромѣ мозаики равеннской церкви св. Агаты, гдѣ онъ является, хотя и юнымъ, но съ бородою (см. Müntz, Amer. Journal of Archeol. II (1886), стр. 310). Іаковъ изображенъ на мозаикѣ Канакаріи съ сѣдою бородою, тогда какъ въ церкви св. Агаты у одного Іакова юное лицо, у другого каштановая борода¹⁾. Іаковъ Заведеевъ въ равеннской церкви св. Виталія изображенъ юнымъ, съ небольшими волосами на головѣ, небольшимъ носомъ. Сходенъ типъ въ аріанской крещальнѣ, въ православной крещальнѣ онъ съ небольшой остроконечной бородою; въ капеллѣ Хризолога — съ округлой, болѣе возмужалый (Б. К. Рѣдинъ, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 150). Іаковъ Алфеевъ въ церкви св. Виталія, съ бородкой, слегка опушающей подбородокъ, сходнаго типа въ синайской мозаикѣ, въ мозаикѣ капеллы Хризолога и православной крещальни, въ аріанской крещальнѣ онъ юнъ, безбородъ (Е. К. Рѣдинъ, стр. 151). Въ виду этой разницы типовъ нельзя рѣшить, какого именно Іакова изображаетъ канакарійская мозаика, пока не будетъ освобождена правая половина надписи. Варѳоломей на канакарійской мозаикѣ представленъ бородатымъ, въ церкви св. Виталія онъ изображенъ въ типѣ полного мужчины съ длинною, густою черною бородою (немного раздвоенной), какъ и въ синайской мозаикѣ, въ мозаикѣ капеллы Хризолога, гдѣ, однако, болѣе молодое лицо съ коротко остриженными волосами и небольшою бородкой (Е. К. Рѣдинъ, стр. 149).

Такимъ образомъ, судя по двумъ видимымъ изображеніямъ апостоловъ, мозаика Канакаріи стоитъ, очевидно, ближе къ памятникамъ VI-го, нежели V-го вѣка.

Среди многочисленныхъ изображеній Божіей Матери съ Христомъ-Младенцемъ, сидящей на тронѣ, ближайшее и по композиціи, и по времени, повидимому²⁾, находится въ Паренцо. Въ виду отсутствія хорошаго изданія мозаики этой³⁾, мы ознакомились съ

1) На бронзовой ситулѣ всѣ апостолы, кромѣ Петра и Павла, безъ бороды.

2) Изъ прочихъ для сравненія съ мозаикою Канакаріи были бы особенно интересны изображенія Божіей Матери на тронѣ въ абсидахъ св. Софій Солунской и Цареградской. Но первая различается довольно плохо (см. Baulet, Recherches, стр. 91), а кромѣ того, какъ будемъ имѣть случай доказать мы въ другомъ мѣстѣ, принадлежитъ никакъ не VI-му вѣку, а концу VIII-го или позднѣе, относительно же второй, извѣстной лишь по описанію Salzenberg'a (стр. 32), рѣшать вопросъ о времени ея исполненія, связанный съ показаніемъ Антонія Новгородца о живописцѣ Лазарѣ Baulet Recherches, стр. 88), мы теперь не можемъ.

3) Рисунокъ Гарруччи (276. 2) зависитъ отъ старой гравюры (фот. Ricci безъ №)

нею въ оригиналѣ. Но при всемъ сходствѣ содержанія и композиціи между ними оказывается значительная разница и въ типахъ, и въ техникахъ. Мозаика Паренцо, несомнѣнно, принадлежитъ къ той же серіи мозаикъ, что и мозаики Равенны, и исполнена, очевидно, мозаичистами той же самой школы, которая работала тамъ; она относится къ VI-му вѣку, но сходство ея съ мозаикой канакарійскою ограничивается лишь общностью содержанія и типовъ Божіей Матери, Христа и ангеловъ, въ деталяхъ же столько разницы, что считать мозаику эту исполненной тою же школой мозаичистовъ, которая работала на Кипрѣ, возможнымъ мнѣ не представляется. Стилъ и работа канакарійской мозаики рѣзко отличаютъ эту послѣднюю и отъ китійской и по этому заставляютъ предполагать исполненіе ея или въ другое время или другою школою мастеровъ: здѣсь не видно той мелочной тщательности и того оригинальнаго приѣма при переходѣ отъ тѣни къ свѣту, которыя характеризуютъ мозаику Кити. Въ общемъ, мозаика Канакаріи стоитъ гораздо ближе къ мозаикамъ Равенны и Рима. Къ сожалѣнію, судить о сходствѣ этомъ рѣшительно я не могу, такъ какъ мнѣ тогда эти мозаики въ оригиналахъ были неизвѣстны: такъ, напримѣръ, тѣ немногіе кубики въ лицахъ, которые въ замѣткахъ моихъ названы красными, вѣроятно, оранжеваго оттѣнка и являются обыкновенною принадлежностью мозаикъ V—VII вѣковъ. Насколько же могъ я судить потомъ, техника мозаики Канакаріи представляетъ бѣльшее сходство съ мозаиками равеннскими, чѣмъ китійская. Но сходство это однако далеко отъ тождества.

Это становится яснымъ при сравненіи, напримѣръ, способовъ передачи одеждъ: въ Равеннѣ складки бѣлыхъ одеждъ передаются болѣе темными планами, широкими или узкими, смотря по нуждѣ; въ Канакаріи же къ подобнымъ планамъ присоединяются бѣлыя полосы, обозначающія выступы складокъ, которыми оживляются, такимъ образомъ, основные планы. Эта разница вполне ясно замѣчается при сравненіи фотографій, напр., ангеловъ при Христѣ и Божіей Матери

и потому весьма неточенъ; нелучше и рисунокъ Lohde (*Zeitschrift für Bauwesen*. IX (1859), табл. 16). Изданіе мозаики въ *Mittheilungen der Central-Commission* осталось намъ недоступнымъ, тотъ же самый рисунокъ, но съ текстомъ Стржиговскаго, повторенъ, по всей вѣроятности, въ *Kunstgeschichtliche Charakterbilder aus Oesterreich*, стр. 56, также намъ не доступныхъ. Архитекторъ Giac. Boni въ *Archivio storico dell' arte*, VII (1894), стр. 107—131, издалъ недостаточно большую и ясную цинкографію мозаики конхи (стр. 114). Будемъ надѣяться, что Марукки, начавшій изслѣдованіе о церкви Паренцо въ *Nuovo Bulletin di Archeologia Cristiana*, издастъ мозаику фототипіей.

въ церкви св. Аполлинарія Новаго (Ricci, № 104, 105) или въ церкви св. Виталія (Ricci, № 16), а также и изображеній Христа-Младенца. Отдѣлка лицъ при различіи типовъ ихъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже, обнаруживаетъ разницу въ техникѣ въ томъ же, что и одежды: въ Равеннѣ и Римѣ мозаичисты передаютъ тѣни лицъ планами разныхъ формъ, здѣсь же опять-таки преимущественно полосами, какъ бы мазками кисти, что ясно замѣтно на лицѣ ангела и шеѣ ангела и Христа. Еще одно отличіе ясно въ томъ, что въ Равеннѣ отдѣляется одна лишь сторона носа темною полосой, въ Канакаріи же темная полоса обходитъ носъ съ обѣихъ сторонъ, будучи лишь тоньше съ одной стороны. Мнѣ кажется, что при этой разницѣ въ исполненіи мозаики тѣ пункты сходства, которые оказываются между сравниваемыми мозаиками, какъ, напримѣръ, общее сходство лица канакарійскаго ангела съ лицомъ Христа въ куполѣ церкви S. Maria in Cosmedin или съ ангелами, поддерживающими дискъ съ агнцемъ въ сводѣ пресвитерія св. Виталія въ Равеннѣ, не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для признанія мозаики Канакаріи работою той же самой школы мозаичистовъ, которая работала въ Равеннѣ ¹⁾.

Къ этому различію мозаикъ по приѣмамъ исполненія присоединяется и различіе въ типахъ лицъ, изъ которыхъ въ Канакаріи вполнѣ видимы лишь два: ангела и Христа. Сравнивая ихъ съ лицами на равеннскихъ и римскихъ мозаикахъ, сразу замѣчаешь рѣзкое отличіе, и, главнымъ образомъ, въ длинѣ лицъ: у всѣхъ ангеловъ равеннскихъ мозаикъ и еще болѣе того въ церкви Космы и Даміана и S. Maria Maggiore въ Римѣ лица ангеловъ гораздо шире и болѣе округлы, приближаясь такимъ образомъ къ типу ангеловъ на издѣліяхъ изъ слоновой кости и иныхъ памятникахъ V—VI вѣка, гдѣ лица ихъ обыкновенно имѣютъ такой же типъ юныхъ лицъ, явно античный еще, лучшими примѣрами котораго, намъ извѣстными, считаемъ мы лица

1) Нѣкоторое сходство съ лицомъ ангела въ Канакаріи представляютъ и по продолговатости, и по обведенію носа сплошною полосой, мозаичные ангелы въ церкви Успенія въ Никее, извѣстные мнѣ лишь по фотографіи Константинопольскаго Археологическаго Института; судя по одеждѣ ангеловъ, мозаики эти примыкаютъ къ позднѣйшимъ традиціоннымъ типамъ ихъ, но отнесеніе мозаикъ Diehl'емъ (Byzant. Zeitschrift, I, стр. 76 сл.) къ XI-му вѣку кажется мнѣ въ виду отличія типовъ лицъ ангеловъ отъ обычныхъ ихъ широколицыхъ изображеній XI и сл. вѣковъ сомнительнымъ. Конечно, мозаики не старше торжества православія, но могутъ, кажется, считаться древнѣе XI-го вѣка. Ср. также замѣчаніе Стржиговскаго, несогласнаго, повидимому, съ датировкою Diehl'я (Archäologische Ehrengabe der Römischen Quartalschrift zu de Rossi's LXX Geburtstag, 1892, стр. 398).

юныхъ святыхъ въ мозаикахъ св. Георгія въ Солуни. То же самое замѣчается и относительно лица Христа-Младенца, которое на большинствѣ памятниковъ и до позднѣйшихъ временъ бываетъ обыкновенно гораздо шире и круглѣе, чѣмъ на мозаикѣ Канакаріи. Въ сирийскихъ миниатюрахъ Эчмιάдинскаго евангелія въ сценахъ Благовѣщенія Захаріи и Божіей Матери и поклоненія волхвовъ (Byz. Denkm. I, табл. V. 1 и 2, VI. 1), особенно въ двухъ первыхъ, лица ангеловъ удлиненностью напоминаютъ лицо ангела Канакаріи, но иною прической и діадемами въ волосахъ схожи болѣе съ обычными типами ангеловъ. Лицо Младенца-Христа на миниатюрахъ этихъ (табл. IV. 1 и VI. 1) также болѣе схоже съ вышеназванными изображеніями Его, чѣмъ съ мозаикой Канакаріи. О типѣ юнаго Христа въ церкви св. Виталія можно судить по фототипіи (табл. II), приложенной къ книгѣ Е. К. Рѣдина. Сравнивая типъ этого Христа съ типомъ канакарійскимъ, мы замѣчаемъ разницу, какъ въ расположеніи волосъ, расчесанныхъ въ Равеннѣ на обѣ стороны (какъ у ангела въ Канакаріи), такъ и въ томъ, что овалъ лица въ канакарійской мозаикѣ длиннѣе. Въ равеннской мозаикѣ лицо Христа, на нашъ взглядъ, исполнено живѣе и красивѣе, нежели въ канакарійской. Лицо ангела рѣзко отличается отъ нихъ, какъ отсутствіемъ діадемы, такъ и тѣмъ, что волосы изображены расчесанными на обѣ стороны. Примѣровъ аналогичныхъ послѣднему мы теперь изъ временъ болѣе древнихъ указать не можемъ и, если находимъ такую прическу у архангела Михаила на слоновой кости Берлинскаго музея (№ 437. Bode und Tschudi, Beschreibung der Bildwerke der christl. Epoche etc., табл. 55, лучше рис. у Schlumberger, L'épopée byzantine, стр. 41), относимой къ X-му вѣку и представляющей по стилю ея гораздо новѣе мозаики Канакаріи, то отсюда можетъ слѣдовать лишь, что мозаика является болѣе древнимъ представителемъ такого отличнаго отъ обычныхъ типа прически ангеловъ, но никакъ не то, чтобы она сама должна была принадлежать ко временамъ ближайшимъ къ X-му вѣку.

Послѣ всего вышесказаннаго очевидно, что мозаика Канакаріи можетъ быть считаема менѣе древней, чѣмъ мозаика Кити, такъ какъ она, при всѣхъ ея особенностяхъ, стоитъ гораздо ближе къ обычнымъ установившимся въ христіанскомъ искусствѣ изображеніямъ Божіей Матери въ небесной славѣ. Рѣзкое отличіе ея отъ прочихъ помѣщеніемъ Божіей Матери въ ореолъ объясняется, вѣроятно, особеннымъ почитаніемъ Божіей Матери и можетъ быть истолковано лишь спе-

ціалистами по исторіи богословскихъ идей; разницу же въ стилѣ между этой мозаикой и мозаиками Равенны и Рима мы полагаемъ возможнымъ объяснять разницею въ приемахъ мозаичистовъ разныхъ школъ.

Время исполненія мозаики съ полною точностью опредѣлять мы не дерзаемъ, но, судя по указаннымъ выше примѣрамъ сходства съ памятниками VI-го вѣка, и въ виду невѣроятности предполагать сооруженіе на Кипрѣ новыхъ церквей со столь дорогими мозаичными росписями послѣ половины VII-го вѣка, когда островъ сталъ подвергаться постояннымъ арабскимъ раззореніямъ, мы думаемъ наиболѣе вѣроятнымъ считать мозаику Канакаріи исполненной между началомъ VI-го и половиной VII-го вѣка.

Въ виду стилистическаго различія кипрскихъ мозаикъ отъ равеннскихъ и римскихъ послѣднія точными критеріями для сужденія о времени кипрскихъ служить не могутъ. Таковымъ критеріемъ должна быть мозаика Синайскаго монастыря: но она остается до сихъ поръ еще удовлетворительно неизданной, хотя является единственнымъ восточнымъ образцомъ мозаики юстиніановскаго времени. Относительно синайской мозаики, какъ относительно кипрскихъ, возникаетъ сложный вопросъ о томъ, откуда пришли исполнившіе ее мозаичисты. Кипрскія мозаики, очевидно, были исполнены не тѣми же мозаичистами, которые работали въ V—VI вѣкахъ въ Римѣ и Равеннѣ. Относительно этихъ мозаичистовъ также является вопросъ, приходили ли они непосредственно для исполненія заказовъ изъ Константинополя, или же были мѣстными итальянскими мастерами. Для Равенны казалось бы болѣе вѣроятнымъ первое.

Итакъ, если равеннскія мозаики исполнены мастерами константинопольскими, то кипрскія, отличныя отъ нихъ по работѣ, должны считаться работою иныхъ мозаичистовъ. Предполагать существованіе на Кипрѣ особой школы возможно тѣмъ менѣе, что мозаики китійская и канакарійская явно различны по характеру и приемамъ исполненія.

Остается выбирать между мозаичистами Александріи и Сиріи.

Хотя я и не могу указать никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельств о существованіи въ первой въ христіанское время мозаичистовъ, но предполагать ихъ, кажется мнѣ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, въ виду того блестящаго развитія мозаичнаго мастерства въ Александріи въ античное время, о которомъ свидѣлствуютъ безчисленныя мозаики, носящія явно александрійскій характеръ.

Относительно же Сприн, помимо существующихъ мозаичныхъ половъ и существовавшихъ во множествѣ стѣнныхъ мозаикъ¹⁾, мы позволимъ себѣ указать на одно свидѣтельство, до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, къ разсужденіямъ о мозаикахъ не привлекавшееся. Одна приписка (не позже половины IX-го вѣка), находящаяся на листкѣ, вpletенномъ въ Порфиріевскую псалтирь 862 года²⁾, содержитъ слѣдующее трехстишіе:

+ Πρέποντα κόσμον τῷ θεηδόχῳ τάφῳ
τέτευχε τήνδε λαμπράν ἐελοουργίαν
Θωμάς μωνάζων, ζωγράφος, Δαμασκόθεν.

Конечно, нельзя утверждать, списано ли оно съ того произведенія Θомы, о которомъ идетъ рѣчь, или же было лишь сочинено, чтобы быть на немъ написано, но, несомнѣнно, монахъ Θома, родомъ изъ Дамаска, ранѣе половины IX-го вѣка украсилъ Гробъ Господень мозаикою, какъ только и можно понимать для того времени «стеклянное произведеніе живописца».

Къ сожалѣнію, о мозаикѣ этой болѣе намъ ничего неизвѣстно: была ли исполнена она въ IX-мъ вѣкѣ, или же тогда было лишь списана эпиграмма эта съ мозаики болѣе древней, восходившей, быть можетъ, къ возобновленію построекъ надъ св. Гробомъ Модестомъ послѣ персидскаго погрома въ VII-мъ вѣкѣ (см. о нихъ Vogué, *Les églises de la Terre Sainte*, стр. 148 сл.), для сужденія объ этомъ теперь у насъ нѣтъ матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ остается интересный для насъ фактъ существованія въ Дамаскѣ мозаичистовъ. Неопредѣленность времени работъ Θомы въ церкви Гроба Господня не позволяетъ дѣлать дальнѣйшихъ предположеній о связи между этими

1) Нынѣ существующія мозаики въ церкви Гроба Господня, въ монастырѣ св. Креста, въ вилеямской базиликѣ — всѣ позднѣйшаго времени и тѣсно примыкаютъ къ инымъ мозаикамъ XI-го и сл. вѣковъ, и исполнены поэтому, вѣроятно, пришлыми изъ Византіи мастерами.

2) В. К. Ериштедтъ (Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи, СПб., 1891, стр. 268), приведя стихи эти, говоритъ: «не беремся судить, о какомъ тутъ стеклянномъ издѣліи (или работѣ на стеклѣ?) живописца монаха Θомы изъ Дамаска можетъ идти рѣчь. Эти три строки написаны не однимъ почеркомъ съ предыдущимъ, но, безъ сомнѣнія, также никакъ не позже первой половины IX-го вѣка, что доказывается въ особенности формами сигмы и лигатуры αζ. Какимъ путемъ попали эти строки въ Порфиріевскую рукопись, останется, по всей вѣроятности, загадкою; но врядъ ли онѣ находились бы въ этой рукописи, если бы она не была написана не вдали отъ Гроба Господня (стр. 1, θεηδόχῳ τάφῳ), въ той же странѣ, откуда происходитъ Псалтирь 862 года».

дамасскими мозаичистами и тѣми мозаиками, которыя сохранялись отъ начала VII-го вѣка до недавняго пожара въ большой мечети Дамаска.

Позволимъ себѣ въ заключеніе сдѣлать здѣсь еще небольшое отступленіе по поводу изображеній Божіей Матери съ Христомъ, принимающей дары волхвовъ, на свинцовыхъ ампулахъ Монцы (Garrucci, 433. 7. и 8; 431.1). Стржиговскій, говоря о нихъ (Byzant. Denkm. I, стр. 72), по поводу миниатюры Эчміадзинскаго евангелія, и замѣтивъ значительную разницу композиціи, какъ изданной имъ миниатюры, такъ и ампулъ отъ прочихъ изображеній той же сцены, полагаетъ, что въ миниатюрѣ изображеніе Божіей Матери строго en face и помѣщеніе волхвовъ по обѣ Ея стороны происходитъ отъ личной инициативы художника или отъ мѣстныхъ типовъ. Эчміадзинская миниатюра представляетъ въ композиціи значительныя отличія отъ ампулъ, и поэтому мы оставимъ ее въ сторонѣ.

Что же касается ампулъ, то, мнѣ кажется, возможно указать на источникъ изображаемой на нихъ композиціи поклоненія волхвовъ. Конечно, главнымъ образомъ принимаемы во вниманіе должны быть двѣ бѣльшія (433. 7 и 9), такъ какъ меньшая, несомнѣнно, лишь сокращенное имъ подражаніе, какъ то видно по сходству въ изображеніяхъ Божіей Матери, тождеству надписи: 'Ημῶν σου ἡλ μεθ' ἡμῶν, сходству фигуры ближайшаго къ Божіей Матери пастуха, помѣщеніемъ въ нижнемъ отрѣзкѣ козъ и ангеловъ около звѣзды въ верхнемъ. Обѣ же бѣльшія представляютъ между собою столь явное сходство, что, несомнѣнно, зависятъ отъ какого-либо общаго оригинала, и приписывать оригиналъ этотъ мастерамъ, изготовлявшимъ ампулы, кажется намъ маловѣроятнымъ; гораздо естественнѣе видѣть его въ какомъ-либо общеизвѣстномъ изображеніи этого сюжета въ одной изъ святынь Іерусалима, о которой паломники уносили бы такимъ образомъ на сосудѣ съ масломъ вещественное воспоминаніе въ видѣ его копій. Конечно, всего вѣроятнѣе предполагать нахожденіе композиціи этой въ Виѣлеемѣ. И дѣйствительно, въ соборномъ посланіи 836 г. еще Bayet (Recherches, стр. 72) указалъ на свидѣтельство о мозаикѣ, украшавшей, очевидно, западный фасадъ виѣлеемской базилики: по свидѣтельству посланія мозаику эту, какъ и всю базилику, соорудила св. Елена μερίστον καὶ τῆς Θεομήτορος ἀναγεῖρασα καὶ τῷ πρὸς δύσιν ἔξω-

θεν μέρει μουσουργικοῖς ψηφώμασιν ἐξεικονίσασα τὴν ἁγίαν Χριστοῦ γεννησιν καὶ τὴν Θεομήτορα ἐγκόλπιον φέρουσαν τὸ ζωοφόρον βρέφος καὶ τὴν τῶν μάγων μετὰ δώρων προσκύνησιν . . . (Σακκελίων. о. с. стр. 30; история № 8). Что касается отнесенія мозаики этой ко временамъ св. Елены, то намъ пришлось уже говорить о показаніи, вѣроятно не лишennemъ реальныхъ основаній, Евтихія о реставраціи вилеємской базилики Юстиніаномъ. Сходство фигуры Божіей Матери на ампулахъ съ мозаикою Канакаріи и прочими аналогичными изображеніями Ея VI-го вѣка также заставляеть сомнѣваться въ вѣрности историческаго показанія автора соборнаго посланія. Но то, что описаніе вилеємской мозаики не упоминаеть пастырей, отнюдь не можетъ препятствовать предположенію нашему о зависимости отъ нея изображеній на ампулахъ: для автора посланія нужны были лишь изображенія маговъ, о пастыряхъ же упоминать ему было не для чего. Если же упоминаемая имъ мозаика помѣщалась на фронтонѣ базилики, то иначе, какъ въ центрѣ, изображенія Божіей Матери предполагать невозможно; помѣстить однихъ волхвовъ по одну сторону Ея было бы нарушеніемъ симметріи; раздѣлить ихъ на обѣ стороны, какъ на Эчміадзинской миниатюрѣ, было бы недостаточнымъ, чтобы заполнить всю площадь фронтона (или фасада); поэтому вполне естественно полагать, что волхвамъ, подходившимъ съ одной стороны, соотвѣтствовали пастухи, изображенные съ другой стороны, какъ представлены они на ампулахъ, въ рельефахъ которыхъ мы можемъ, такимъ образомъ, видѣть копію этой давно погибшей мозаики, исполненной, вѣроятно, въ VI-мъ вѣкѣ.

Лишь по окончаніи статьи этой получилъ я изслѣдованіе Е. К. Рѣдина, Мозаики равеннскихъ церквей. СПб. 1896.

Судя по заключенію (стр. 218—224), авторъ полагаетъ, что равеннскія мозаики исполнены по образцу восточно-византійскихъ, работали же ихъ если и восточные мастера, то вмѣстѣ съ мѣстными.

Отсюда слѣдуетъ возможность считать мозаику Канакаріи, столь сходную въ общемъ, но не въ частности, исполненія съ мозаиками Равенны, за работу мастеровъ также и константинопольскихъ, какъ предполагалъ я выше относительно мозаичистовъ Сиріи и Александріи.

Е. К. Рѣдинъ, зная китійскую мозаику по моему описанію и фотографіи, отнесъ ее также къ V-му или VI-му вѣку (стр. 222), но мнѣ

кажется, что онъ напрасно указываетъ на нее, «какъ на весьма яркій примѣръ встрѣчи одного и того же стиля на памятникахъ западныхъ и восточныхъ» (стр. 222): выше подробно разобрано сходство и различіе, и, если подѣ стилемъ разумѣть работу, то китійская мозаика рѣзко отличается отъ равеннскихъ; и изслѣдователь этихъ мозаикъ замѣтилъ, конечно, разницу эту и, указавъ на сходныя черты¹⁾, пришелъ также къ заключенію о разницѣ исполнявшихъ мозаики эти мастеровъ: «равеннская мозаика», говоритъ онъ (стр. 223), «отъ кипрской отличается лишь нѣкоторой сухостью, связанностью, что, можетъ быть, зависитъ отъ выполненія ея уже, какъ копія съ греческаго образца, на чужой, итальянской (или римской) почвѣ». Очевидно, однако, работа мастеровъ константинопольскихъ и на Кипрѣ, и въ Равеннѣ, и въ Римѣ была бы одинакова; слѣдовательно, можно предполагать, что мозаику Канакаріи, какъ болѣе сходную по исполненію съ равеннскими, дѣлали мастера константинопольскіе, китійскую же — мозаичисты иной школы, пришлые изъ Сиріи или Александріи. Но при отсутствіи тамъ древнихъ христіанскихъ мозаикъ достаточныхъ основаній для выбора между этими двумя возможностями не оказывается. Быть можетъ, тщательное сравненіе синайской мозаики съ кипрскими и дастъ еще какія-либо указанія. Эти три мозаики являются пока единственными, уцѣлѣвшими понынѣ на Востокѣ отъ временъ процвѣтанія этихъ странъ до арабскаго нашествія, а потому и заслуживаютъ изученія болѣе тщательнаго и изданія лучшаго, чѣмъ то, которое, при кратковременности пребыванія моего на Кипрѣ и несовершенствѣ фотографій, могъ предложить здѣсь я.

Я. И. Смирновъ.

1) Изъ нихъ однако нѣкоторые, на мой взглядъ, особенно близкихъ аналогій вовсе не представляютъ; напр., большіе глаза (при которыхъ Е. К. Рѣдинъ напрасно вспомнилъ надпись Аверкія, такъ какъ христіанство послѣдняго не доказано еще) не могутъ считаться характернымъ признакомъ византійскаго стиля: это общій пріемъ поздне-греческаго искусства; ср., напр., египетскіе портреты II-го и слѣд. вѣковъ по Р. Х.; въ одеждахъ Гавріила и Лавренція особенно близкаго сходства, какъ говорено выше, нѣтъ; моделировка тѣла различается выше отмѣченнымъ характернымъ пріемомъ перехода отъ тѣни къ свѣту, чего въ Равеннѣ въ передачѣ тѣла я не замѣтилъ. Замѣтимъ еще, что синіе фоны, считаемые и Д. В. Айналовымъ (стр. 169) и Е. К. Рѣдинымъ (стр. 222) за характерный признакъ византійскаго стиля, скорѣе александрійскаго происхожденія (ср. помпейскіе мозаичные фонтаны и мозаичное изображеніе Сильвана въ Латеранскомъ музеѣ).

МОЗАИКА ВЪ ЦЕРКВИ НА О. КИПРЪ. *Παναγία Ἀγγελόκτιστος*.

МОЗАИКА ВЪ ЦЕРКВИ НА О. КИПРЪ. *Parayia Kavakaria.*